

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНАЯ
СЕРИЯ

Б. А. РЫБАКОВ

ПЕРВЫЕ ВЕКА
РУССКОЙ
ИСТОРИИ

Б. А. РЫБАКОВ

ПЕРВЫЕ
ВЕКА
РУССКОЙ
ИСТОРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1964

ТЗ(2)

Р-93

В этой книге автор стремится показать начало истории Киевской Руси, одного из крупнейших государств средневековой Европы, и его дальнейшее превращение в систему княжеств эпохи феодальной раздробленности.

Хронологически книга охватывает время с IX по начало XIII века.

Изложение ведется на основе летописей, иностранных свидетельств, юридических кодексов и древней литературы, привлечены археологические данные.

Книга состоит из отдельных очерков, которые в своей совокупности должны дать представление о деревне, городе и замке феодальной Руси, о классовой борьбе, о войнах с половцами и о политической истории русских земель за первые пять веков существования феодального государства

Более тысячи лет назад, в IX в. н. э., в восточной половине нашего континента сложилось огромное и исторически важное государство — Киевская Русь, воспетое былинами, скандинавскими сагами, половецкими песнями, описанное арабскими и персидскими географами, византийскими хронистами и русскими историками-летописцами.

Его ядром был древний культурный центр Восточной Европы — Среднее Приднепровье, где уже за четыре тысячи лет до князя Владимира жили земледельческие племена. Его окраины упирались на юге в тысячеверстные просторы степей, доходя местами до «Русского» — Черного моря, а на севере до Балтики и непроходимых таежных массивов Заволжья.

К. Маркс справедливо сопоставлял Русь с крупнейшим государством средневекового Запада — с империей Карла Великого. Современники называли первую славянскую державу Русью; мы теперь, уточняя, называем ее Киевской Русью, так как несколько столетий Киев был столицей первого феодального государства и по праву считался «матерью городов русских». Былины о древних богатырях, записанные в разных концах нашей родины, неизменно начинаются словами: «Как во славном было во городе во Киеве...»

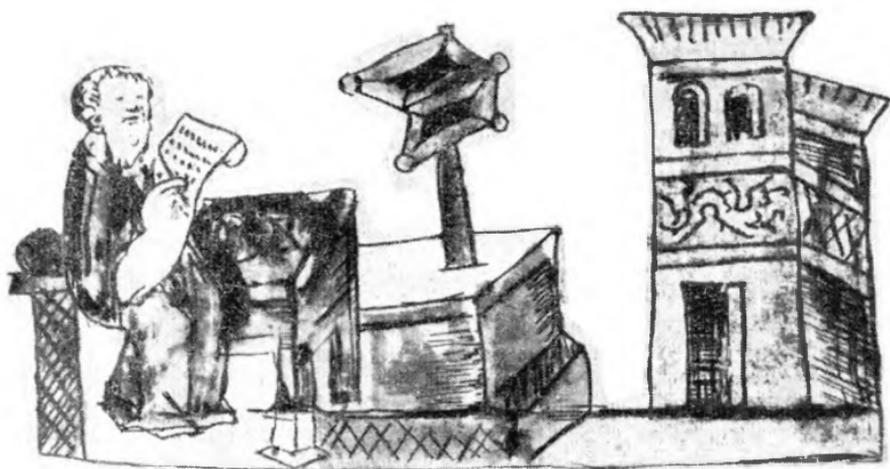
Сквозь тысячу лет пронес народ память о героических делах своих предков, бережно передавая из уст в уста, от поколения к поколению торжественные, как гимны, напевы былин о Русской державе, о защите Киева.

Киевская Русь — это юность и молодость трех братских славянских народов: русского, украинского и белорусского, живших тогда еще одной семьей, образывавших единую древнерусскую народность.

Сложен и многообразен был исторический процесс на огромных пространствах Великой Русской равнины: медленно и неприметно менялся облик северных лесных областей, где славянин-земледелец с топором в руках врубался в необозримые охотничьи угодья, зажигая огни подсечного земледелия. Быстро и бурно менялись исторические картины на юге, где древние славяне соприкасались с десятками различных степных народов: то воевали с ними, обороняя свои пашни, то вместе с ними уходили в далекие походы, «рища в тропу траяню», пробираясь к башням и стенам римских городов, то основывали свои русские города у самого синего моря, «в земле незнаемой».

В изучении предпосылок образования Киевской Руси очень важны две эпохи: VI век — время сложения мощных союзов славянских племен и IX век — время формирования самой Киевской Руси.

НАЧАЛО РУСН

«ОТКУДУ ЕСТЬ ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ?»

Восемьсот лет назад в Киеве жил один из замечательнейших историков средневековой Европы, летописец Нестор, написавший около 1113 г. труд «Повесть временных лет».

С необычайной широтой кругозора Нестор сочетал глубокое знание славянской и греческой литературы. Историю Руси и ее ядра — земли киевских Полян¹ — он рассматривал в тесной связи с историей всех славянских племен, а иногда, желая расширить мировоззрение своих читателей, киевский историк знакомил их со странами Старого Света: от Британии на западе до Китая («иже суть на краю земли») на востоке. Труд Нестора дошел до нас в искаженном виде; многое из него было изъято, а кое-что добавлено еще в XII в. Но и в этом неполном виде «Повесть временных лет» представляет огромный интерес. Первым разделом этого труда был рассказ о том, «откуда есть пошла Русская земля и кто в Киеве нача первее княжити». Обе эти темы, связанные с происхождением первого русского государства, не могут не волновать и нас, далеких потомков славян.

Летописец Нестор начинает свой исторический труд о происхождении государства Руси с легенды о построении Киева: в земле «мудрых и смысленных» Полян князь Кий и его два брата — Щек и Хорив построили город на высоком берегу Днепра и назвали его в честь старшего брата Киевом. От этой легенды веет глубокой стариной, теми эпическими временами, когда любили складывать сказания о трех братьях, иногда давая им имена по названиям местностей и урочищ. Древность легенды о Кие, Щеке и Хориве засвидетельствована тем, что задолго до Нестора, еще в VIII в., она оказалась записанной в Армении. В XII в., когда появились сомнения в достоверности этой старинной легенды, летописцу

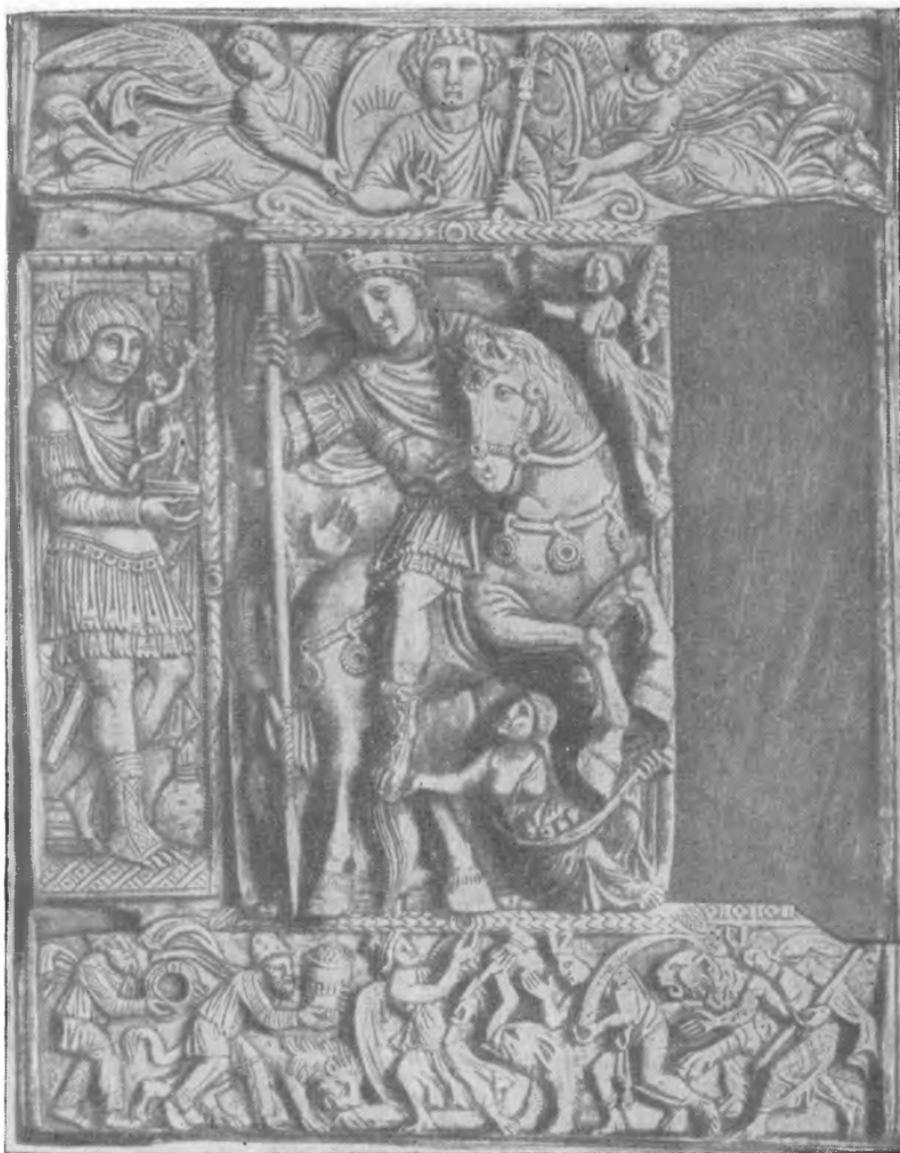
---

¹ В этом и во многих других случаях подразумеваются не только люди из племени полян, а и земля племени (или даже союза племен), поэтому слово «Поляне», которому придается географический и политический смысл, написано с прописной буквы. Это относится и к названиям других племенных союзов, например: Древляне, Вятичи, Радимичи и др.

Нестору пришлось произвести дополнительные разыскания об основателе русской столицы. Нестор сообщил очень интересные сведения, почерпнутые им из устных эпических сказаний: Кий был князем Полян и ездил в Царьград, где был обласкан императором Византии. Из Константинополя князь Кий поехал на северную окраину империи к берегам Дуная и построил там крепость, в которой предполагал обосноваться вместе со своими соплеменниками. Однако другие славянские племена, жившие на Дунае, вынудили Кия и его полянские дружины бросить крепость Киевец на Дунае и возвратиться в свой родной Киев на Днепре, где Кий и умер, оставив своих потомков княжить в Полянской земле до конца IX в.

К нашему сожалению, летописцу осталось неизвестным имя того императора, гостем которого был полянский князь. Можно считать, что поездка славянского князя к императору, постройка им города на Дунае, войны с «дунайцами» и возвращение в свои земли — все это очень характерно только для одного столетия византийской истории — для VI в., когда император Юстиниан нанимал на свою службу отдельных славянских князей и строил города на Дунае для борьбы с многочисленными «дунайцами», стремившимися прорваться внутрь империи.

VI век ознаменован тремя группами явлений, определивших новое направление славянской жизни: во-первых, благодаря развитию производительных сил, родовой строй к этому времени у большинства племен достиг своего наивысшего развития и порождал уже такие противоречия, которые подготавливали возникновение классовых отношений; во-вторых, для усиливавшихся племенных дружин открывалась, в результате великого переселения народов, возможность далеких походов в богатые южные страны и даже поселения в них. Третьей особенностью этой эпохи является обилие кочевых орд в степях, воинственных и плохо управляемых, представлявших постоянную и грозную опасность для всех славянских племен лесостепи. Взаимодействие этих трех разнородных явлений, связанных как с внутренним развитием, так и с внешней обстановкой, привело к очень важному результату — отдельные разрозненные славянские племена, которых в Восточной Европе было,

Император Юстиниан. Слоновая кость. VI в.

вероятно, около полутора ста, стали объединяться в крупные союзы.

В процессе организации походов могли возникать временные союзы дружинников из разных племен. По самой идее такого союза он не должен был быть долговечным: собралась молодежь из нескольких соседних племен, оснастили ладьи или оседлали коней, выбрали вождя — «князя» и тогда два-три повоевали на побережье Черного моря или в долине Дуная, а потом или сложили свои головы в дунайских болотах, окруженные византийской рыцарской конницей, или выбрали себе для поселения запустевшие вольные земли, или же с богатой добычей, с табунами коней, толпами пленных рабов и диковинной золотой утварью возвратились в родные племена.

Такие временные союзы племен, несмотря на свою непрочность и кратковременность, несомненно содействовали сближению племен между собой, родственным связям племенной знати и выдвиганию на первое место тех племен и тех князей, которым посчастливилось под стенами далеких городов.

Наряду с временными складывались и более постоянные и прочные союзы соседних племен. Это был естественный процесс прогрессивного развития институтов родоплеменного строя, подготовивший в известной мере будущие феодальные государства.

Восемь-десять соседних небольших племен, близких по системе хозяйства, живущих в сходных условиях, не разделенных значительными естественными рубежами, постепенно сближались и для целого ряда совместных дел должны были устраивать или общее для нескольких племен вече, или общие совещания воевод и дружинников отдельных племен. Ускоряла этот процесс внешняя опасность. Широкие степные пространства вдоль всей южной границы славянских земель, обилие кочевых племен, готовых каждый месяц в году обрушиться на неподвижных, обремененных своими пашнями земледельцев, — все это создавало постоянную напряженность и вело к организации совместной сторожевой службы. Появление в степях такой грозной силы, как Аварский каганат, вынудило славян к образованию более прочных оборонительных союзов племен. К этому времени можно относить возникновение таких союзов племен,

как Поляне, Русь, Северяне, Волыняне, Дулебы, Хорваты, располагавшихся широкой полосой вдоль северной границы степей.

Имя союза племен, полученное иногда от названия племени, возглавившего весь союз, закрыло для нас в большинстве случаев наименование тех мелких племен, которые объединились в союз.

Внутри союзов племен, просуществовавших несколько столетий, складывался свой диалект, формировались некоторые особенности культурно-бытового облика. Благодаря археологическим раскопкам удалось определить и нанести на карту границы племенных союзов. Оказалось, что союз племен занимал значительную территорию, равную примерно четырем-пяти современным административным областям, а земли первичных славянских племен, образовавших союз, соответствовали приблизительно нескольким районам.

Объединение полутора сотен племен в полтора десятка крупных союзов было значительным шагом в развитии славянского родоплеменного общества, приблизившим рождение государственности. Недаром летописец Нестор называет эти союзы «княжениями». С нашей точки зрения, вожди или воеводы союзов племен, уже называвшиеся князьями, несмотря на это еще не могут быть отождествлены с князьями феодального времени.

Союзы племен — политическая форма эпохи военной демократии, т. е. того переходного периода, который связывает последние этапы развития первобытнообщинного строя с первыми этапами нового классового строя.

Одним из таких союзов племен и были Поляне, отождествленные летописцем с Русью. С «княжения» Полян и построения их столицы Киева летописец и начал историю русского государства.

Конечно, «княжество» Полян в VI—VII вв. представляло собой только союз племен, а не государство в современном смысле слова. Здесь явно было заметно имущественное неравенство, резко выделялась племенная знать, пользовавшаяся серебряными и золотыми вещами, оружием и греческой богатой утварью, но феодальных отношений здесь еще не было.

Поселение на месте Киева существовало уже в первые века н. э., но тогда культурные центры Среднего

Приднепровья находились южнее, ближе к Руси и Тясмину. В VI в. на первое место в результате совокупности исторических условий закономерно выдвинулся Киев. Это положение он сохранял за собой на протяжении семи веков, став впоследствии столицей государства Руси, во много раз превосходившего племенное «княжение» Полян.

Из периода VII—VIII вв. летописец выбрал два события, связанных с судьбами разных славянских племенных союзов в борьбе со степными кочевниками. Летопись рассказывает о том, что при императоре Ираклии (610—641 гг.) авары («обры») обрушились на Дулебский племенной союз в Прикарпатье и поработили его. Очень красочно говорится о том, как авары впрягали в свои телеги славянских женщин и заставляли их возить себя. В противовес этому печальному рассказу по принципу контраста приведена легенда о взаимоотношениях с кочевниками другого славянского племенного союза — Полян. Хазарские отряды дошли до Днепра и потребовали дани у Полян, которые, собрав общее племенное вече, в ответ решили послать хазарскому хану меч. Это, конечно, не дань, а символическое выражение непокорности, как это и было истолковано самими хазарами. Каган хазарский спросил, какую дань дали Поляне. Вельможи показали ему меч и сказали: «Каган! Эта дань не к добру! Мы добились ее саблями, односторонним оружием, а их оружие — меч — заострено с обеих сторон. Когда-нибудь они, Поляне, возложат дань на нас, хазар, и на другие народы». «Что и сбылось», — добавляет горделиво киевский летописец, хорошо знавший о разгроме Хазарского каганата Святославом.

Так на двух примерах летописец показал слабость одного союза племен и силу другого: Дулебы потерпели поражение, их союз распался, а Поляне устояли в борьбе с кочевниками и создали могучее государство Русь, победившее Хазарию.

К VI в. относится первое упоминание народа «рос», или «рус». Далекие южные походы славянских дружин вывели их на международную арену, столкнули с десятками народов Европы и Ближнего Востока; их судьбой, их родиной заинтересовались как в Византии, так и в сопредельных землях.

От современников не укрылось, что общее собирательное имя венетов «стало изменяться теперь в зависимости от племен и мест» (Иордан), хотя в описании балканских походов они продолжали употреблять собирательные наименования — славяне и анты. Названия славянских племенных союзов этого времени, к сожалению, остались неизвестными. Единственным исключением является имя Руси, за которым могло скрываться и отдельное племя и наименование целого союза племен.

Народ росов и люди из племени рос («росомоны») были известны в середине VI в. Иордану, секретарю готского князя из Северной Италии, и сирийским писателям, интересовавшимся судьбами Византии.

В 50-е годы VI в., когда Иордан писал о появлении новых наименований славянских племен, безымянный автор дополнил сирийскую хронику Захарии Ритора географическим описанием народов, живших на север от Сирии. Здесь упомянуты армяне, грузины, абхазцы, аланы, хазары и ряд других народов. Всего перечислено 13 кочевых народов на пространстве от степей Причерноморья до Средней Азии. «Эти тринадцать народов живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием». Далее указываются их соседи в трех направлениях:

1. «Вглубь» от них (т. е., очевидно, прямо на север, так как перечисление ведется с юга на север) живет народ амазраты и «люди-псы». Возможно, что географически это соответствует Приуралью, и в амазратах, может быть, следует видеть удмуртов.

2. На северо-востоке упоминаются «три черных народа». Здесь речь идет, по всей вероятности, о палеазиатских народах Сибири, занимавших территорию на северо-восток от степей Приаралья, которые заселяли тогда эфталиты — один из перечисленных 13 кочевых народов.

3. На северо-запад от тюркоязычных кочевых народов указаны амазонки, которые давно уже отождествлены с «женоуправляемыми» сармато-аланскими племенами в бассейне Дона и Донца. В ту эпоху, когда писалось добавление к Захарии Ритору, сармато-аланы были в значительной степени оттеснены на северо-запад, прижаты к окраине лесостепи и частично проникли на

земли славян в районе Среднего Днепра и Роси. Именно это положение сармато-аланских племен в северо-западном углу степного пространства и соответствует месту, отведенному «амазонкам» в тексте сирийской рукописи: «Соседний с ними (амазонками. — Б. Р.) народ рос — мужи с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их тел». Судя по тому, что юго-восточными соседями амазонок были упомянутые 13 кочевых народов, надо полагать, что народ рос находился на север или запад от них.

Уже давно наименование этого народа сопоставлялось с Русью. В древнейших русских письменных памятниках слово «русский» писалось не через «у», а через «о» («Правда росьская», «росьски писмена»). Быть может, не так уже наивно сближение первоначальной территории народа рус, или рос, с р. Росью, производившееся историками XVII в.?

Описание сирийского автора прямо противопоставляет народ росов соседним с ними кочевникам: те кормятся за счет оружия, живут в шатрах, ездят на конях — у росов нет оружия, и они настолько велики и тяжелы, что кони не носят их. Здесь явное и, может быть, даже преувеличенное противопоставление мирных славян-земледельцев кочевым коневодам степей. Что касается крупного телосложения росов, то эту черту отмечали и более поздние авторы, писавшие о русах IX и X вв.: «Русы мужественны и храбры... Ростом они высоки, красивы собою и смелы в нападениях. Но смелости этой на коне не обнаруживают: все свои набеги и походы производят они на кораблях» (Ибн-Русте). «Народ этот могущественный и телосложение у них крупное, мужество большое...» (Ибн-Мискавейх). Описание сирийским автором народа рос напоминает гиперболизм русских былин, воспевающих русских богатырей:

Не несла де его да коня доброго
Еще мати не несла, да как сыра-земля...
.....
Я бы ездил тут на матушку на сыру-землю —
Не носит меня мать сыра-земля...

(Былина о Святогоре)

Летописец XII в. уравнил Русь с Полянами: «Поляне, которых теперь называют Русью».

Проблема происхождения Руси вкратце может быть представлена так.

В старом земледельческом районе лесостепи на берегах р. Роси существовало племя рос, или рус. Судя по тому, что этот район с глубокой древности (с бронзового века) был заселен славянами, племя это было славянским, но благодаря соседству со скифо-сарматскими племенами степей оно могло впитать в себя и часть неславянских поселенцев. Центром племени был город Родень в устье Роси, что привело к появлению второго имени — «роди». Во II—IV вв. этот район ничем особым не выделялся из других районов славянской черняховской культуры.

В VI в., когда славяне оправались от гуннского разгрома, а в степях появился новый, не менее грозный враг — обры (авары), племена лесостепи сплотились в большой союз под гегемонией наиболее южного, близкого к степям, приднепровского племени росов, или русов. В пределах этого союза сложилась своеобразная культура, отличавшая вошедшие в союз племена от других славянских племен. В условиях той эпохи, когда славянские дружины постоянно выходили в степь, двигались к берегам морей и воевали с Византией, их культура неизбежно окрашивалась теми или иными степными и причерноморскими элементами. Союз племен VI—VII вв. получил наименование Руси, или Русской земли. Ядром союза были земли по р. Роси с городом Роднем.

Несколько позднее первенствующее положение в союзе племен Приднепровья перешло к северному соседу русов Поросья — к Полянам, с центром в Киеве, на самом севере лесостепной полосы. Но Поляне не передали своего имени другим племенам; союз племен, перераставший в феодальное государство, по-прежнему носил имя Руси.

Когда в IX в. сформировалось первое феодальное государство у восточных славян, оно по давней 300-летней традиции продолжало именоваться Русью.

Понятие «Русская земля» расширялось вместе с ростом государственной территории и постепенно охватило все восточнославянские племена.

В глазах иноземцев «русом», «русским» был каждый житель государства Руси, каждый подданный киевского князя, правившего Русью. Даже варяги, приезжавшие в

Киевскую Русь в качестве наемных воинов или купцов и жившие в Киеве, получали наряду с другими наименования русов.

Никакого шведского (норманского) племени русь до сих пор историкам найти не удалось, и построения норманистов, считавших, что варяги — русь, что именно они принесли это имя к славянам, оказались беспочвенными и ненаучными. Трудami советских историков (Б. Д. Грекова, А. Н. Насонова и М. Н. Тихомирова) окончательно установлена ошибочность такого толкования летописи, при котором русь оказывалась одним из варяжских племен. Обращение же к более ранним источникам и сопоставление их с археологическими данными показывает, что имя Руси с давних времен связано со славянским Приднепровьем.

ПЕРВЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ГОСУДАРСТВЕ РУСИ

После бурного VI столетия, когда страницы хроник пестрели сведениями о славянских победах, наступил двухвековой период затишья. Орды кочевников отрезали славян от мировых культурных центров, и некому было рассказать о делах славян. Только на рубеже VIII—IX вв., с рождением феодального государства, снова во всех концах Старого Света заговорили о славянах и русах.

Период VI—IX вв. можно назвать предфеодальным, так как в это время окончательно созревали высшие формы родоплеменного общества в виде прочно организованных союзов племен, и постепенно изживали себя основные ячейки родового строя — маленькие разрозненные и замкнутые родовые коллективы, хозяйственная необходимость которых была обусловлена примитивной техникой подсечного земледелия.

Главный успех развития производительных сил славянского общества заключался в постоянном возрастании площадей земли, подготовленных для земледелия. Для того чтобы рухнул родовой строй, нужен был пере-

ход от громоздкой и чрезвычайно трудоемкой подсечной, «огневой» системы земледелия к вспашке одного и того же фонда старопахотных, культивированных земель по двупольной и трехпольной системе. Необходимо было не только накапливать лесные рощисты, «лядины», но и иметь более совершенный железный и стальной инвентарь — топоры, тесла, лемехи, чересла и др.

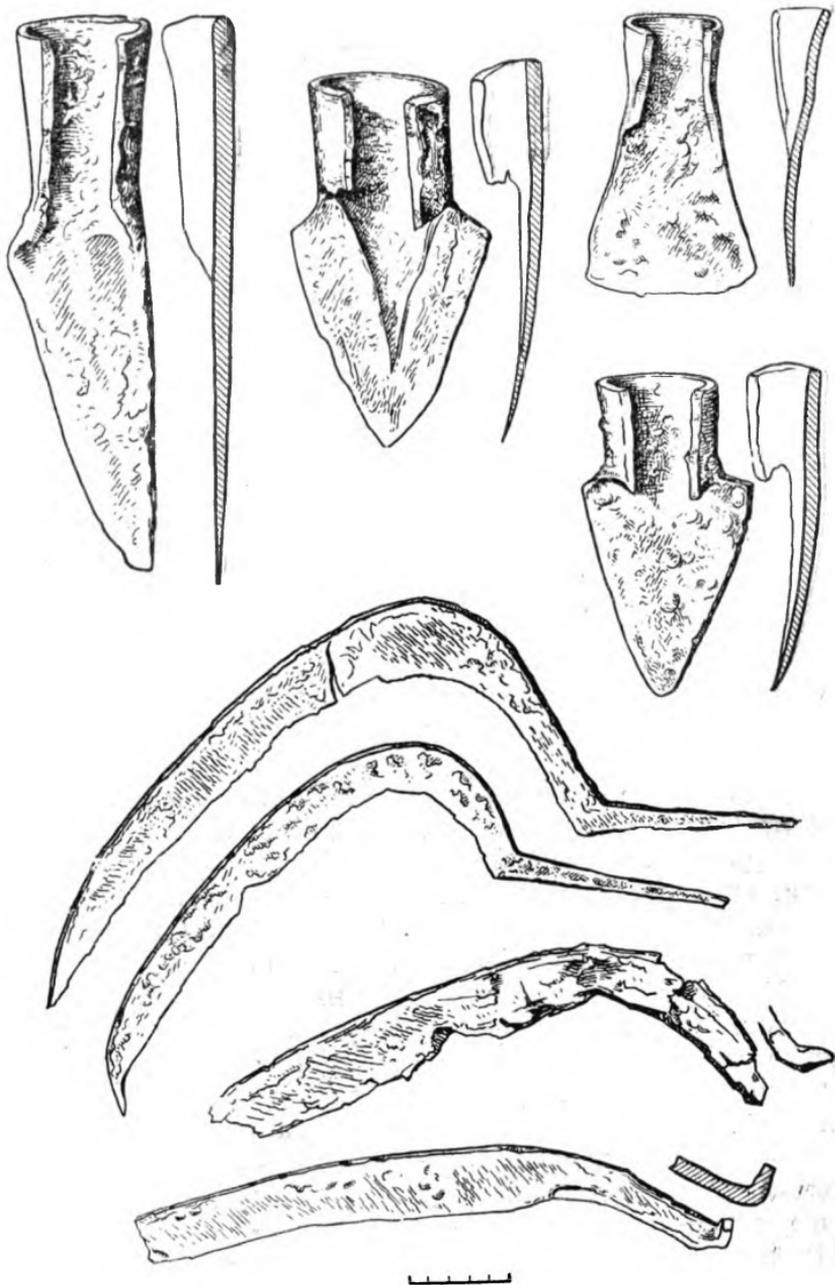
VI столетие — время широкого выхода разных славянских племен на просторы степей, морей и бесчисленных римских дорог — было полно таким количеством соблазнов за пределами родной земли, что особых хозяйственных успехов и серьезных сдвигов в ремесле на славянских территориях не видно. Жили в наскоро построенных полуземлянках, особенно не заботясь об укреплении поселков; все было, очевидно, подчинено мыслям о дальних сказочных землях, о сборах в походы.

Хозяйственные достижения наблюдаются в VII—VIII вв. В это время усиленно сглаживался контраст между лесостепным Югом и лесным Севером. И там и здесь совершенствовалась техника обработки железа и стали, что дало ощутимые результаты к IX—X вв. Север и Юг уравнивались и в отношении земледелия. Земледелие становилось повсеместно господствующей отраслью хозяйства. Следствием земледельческого прогресса было то, что на смену большим родовым коллективам в 100 человек приходило хозяйство одной крестьянской семьи, одного «дыма», одного «рала» (плуга).

Кризис первобытнообщинного строя затянулся на несколько столетий; он постепенно охватывал все большее пространство, проникая в северную лесную зону, где к IX в. тоже появляются огромные земледельческие села площадью в несколько гектаров (например, городище Титчиха на Дону в земле воронежских вятичей) с хорошими общими для всего села укреплениями.

На севере вплоть до VIII в. сохраняются родовые кладбища членов единой кровной «верви». Таковы новгородские сопки, длинные курганы смоленских кривичей и засыпанные землей «столпы» вятичей.

Процесс выделения отдельных семей, «дымов», сказался в появлении индивидуальных и парных курганов, которые, возникнув кое-где уже в середине I тысячелетия, к концу его покрыли уже почти всю Великую Русскую равнину.

Земледельческие орудия славян. IX—X вв.

Переход от родовых усыпальниц к курганам, насыпанным над одним или двумя умершими (мужем и женой), был отражением такого крупного исторического явления, как переход от родового коллектива, имевшего общее подсечное хозяйство, к «дыму», ведшему теперь свое парцеллярное хозяйство на старопахотных землях, возделанных трудами предков — «дедов», вынужденных сообща корчевать пни и расчищать лядины.

Распад родовых общин приводил к группировке хозяйственно самостоятельных семей на основе принципа соседства. Рождалась соседская община, способная выдержать тяжесть классовой организации общества.

Уничтожение принудительного родового равенства и замена родовой собственности семейной и личной вели к неравномерному накоплению прибавочного продукта в разных семьях, к росту имущественного неравенства. Ослабление родовых связей и превращение единого трудового коллектива в сумму самостоятельных семей сделали каждый «дым» более незащищенным, более доступным для экономического или внеэкономического принуждения. Хозяйственная устойчивость каждого отдельного крестьянского двора в условиях тогдашнего негарантированного урожая была очень невелика, каждое стихийное бедствие, каждый недород разоряли тысячи семей, обрекая их на голодную смерть или на возврат к забытому охотничьему быту. На место старой общественной ячейки — рода — должна была встать какая-то новая структурная форма, придававшая некоторую устойчивость обществу в целом. Этой формой явился феодальный двор с его стадами скота, закромами зерна как для прокорма, так и на семена, с его запасами «тяжкого товара» — продукции усадебных кузнецов, ковавших не только оружие, но и плужные лемехи, чересла, топоры, удила. Феодалы-бояре не были благотворителями разорившегося крестьянства; войной и голодом, применяя все виды насилия, выбирая наиболее слабые участки внутри сельских «миров», они постепенно утверждали свое господство, порабощая слабейшую часть общин, превращая общинников в холопов или закупов.

При всей неприглядности этой картины, надо учесть, что превращение свободного крестьянина в условиях неурожая, падежа скота, пожара и грозящей поэтому смерти в закупа, во временнозависимого, было в какой-

то мере актом добровольного выбора: крестьянин мог бросить свой «дым» и уйти «полевать» — охотиться в лесу, но тогда он отрезал себе путь к возвращению к прежней жизни земледельца, его судьба становилась судьбой изгоя, насильственно выбитого из привычной, проложенной отцами и дедами колеи. Наличие рядом с крестьянскими общинами прочно стоящего феодального двора давало возможность выбора: можно было идти не в лес, а к боярину, к его тиунам и рядовичам, просить у них «купу» — зерна, скотину, «железного товара» для поддержания своего неустойчивого крестьянского хозяйства в тяжелую годину недорода, когда не оправдывались дедовские приметы погоды и не помогали языческие заклинания Рожаницы и Дажьбога.

Боярская усадьба была ячейкой нарождавшегося феодального общества — здесь накапливались людские и материальные резервы и создавались условия для расширения производства.

Путь прогрессивного развития славянского общества неизбежно вел от родовых общин и разрозненных «дымов» к вотчине, с боярским феодальным двором в центре ее. Выделение племенной знати началось задолго до оформления феодальных отношений.

«Миры», состоявшие из нескольких родовых коллективов, в свою очередь, объединялись в племена, или «земли». Чем примитивнее был родовой быт славян, чем больше была замкнутость «миров», тем слабее были внутриплеменные связи. Расширение рощистей, распашек и земледельческих угодий («куда топор и коса ходила»), бортных ухажав и охотничье-рыболовческих «гонов», «перевесищ» и «езов» неизбежно приводило к соприкосновению «миров», к спорам и распрям по поводу межей и «знамений» и вызывало все больше обращений к власти племенного веча или к суду племенного князя. Процесс выделения отдельных семей из общего хозяйства рода вместе со скотом и инвентарем неизбежно должен был приводить к спорам и сварам внутри рода, так как он ослаблял хозяйство рода и был своеобразным восстанием против прав родовладыки. В этой борьбе «отцов и детей» старейшины родов должны были применять жестокие санкции вроде изгойства, а стремящиеся к самостоятельности члены рода вынуждены были искать правды где-то вне самого рода. Им трудно

было найти эту правду в своем «миру», где вече состояло из тех же родовладык, из «старой чади». Приходилось апеллировать к высшей инстанции — к власти племенного князя, стоявшего над «мирами». Все это усиливало позиции общеплеменных властей и делало их все более и более необходимым элементом общественного устройства.

Общее развитие производительных сил, успехи земледелия, скотоводства и ремесла увеличивали как общую сумму прибавочного продукта, так в особенности долю, получаемую «мирскими» и племенными властями — князьями, волхвами, воеводами. Усилилась роль межобщинного обмена и увеличилось некоторое разделение труда между отдельными «мирами», что, в свою очередь, усиливало внутриплеменные связи.

Так как развитие родового строя никогда не представляло собой идиллической картины, а сопровождалось соперничеством родов и племен, военными столкновениями, захватом пленной «челяди», то роль родовых и племенных дружин постоянно возрастала по мере обострения противоречий и конфликтов, когда «восставал род на род» или одно племя было «обидимо» соседями.

Изучение процесса возникновения классов неотделимо от вопроса об эволюции родоплеменных дружин, приобретавших все большую и большую независимость от рядовых соплеменников и даже от веча.

Рост производительных сил позволял содержать все большее количество воинов за счет общинных запасов, лучше снабжать их оружием и боевыми конями. Это приводило к нарушению первобытного равенства и к возникновению такого положения внутри «мира», когда возросшая количественно группа воинов — «отроков», испытавшая сладость побед и вольготной жизни, отказывалась по истечении срока своей военно-сторожевой службы вернуться в свои общины и не желала корчевать там пни или пасти общинное стадо.

Илья Муромец, «крестьянский сын», почуввав в себе силу богатырскую, пробыл на работе простого «оратая» всего один день. Отпросившись у родичей («простите меня со рожденного со места»), он отправился откапывать зарытые под камнем доспехи и поехал в город служить князю в качестве дружинника.

Меч из богатого кургана в Чернигове

реплений. Здесь нет еще богатого боярского дома, все постройки скромны и однородны, но они уже несколько выделались из ряда обычных построек. На этом городище найдено много предметов вооружения и богатых серебряных украшений. От такого дружинного поселка, занявшего срединное положение в общине и обладающего возможностями господства над ней, оставался один шаг до феодального замка, до укрепленного боярского двора, уже осуществлявшего это господство.

Слово «отрок» приобретало новый смысл — член постоянной дружины, группирующейся вокруг князя.

Изгои, лишенные доли в общинном хозяйстве, были, вероятно, желанными гостями во дворах племенных князьков и попадали здесь в состав «отроков». Таким образом, поступательное движение низовых элементов родового общества шло рука об руку с усилением дружинно-княжеского элемента в системе славянских племен.

Подтверждением тех новшеств, которые происходили накануне образования Киевской Руси, является археологический комплекс у с. Хотомель на Волыни. Там, среди обширного селища VIII—IX вв., возвышается небольшое городище с поставленными по кругу «хоромами» внутри его ук-

Многогранный и сложный процесс распада родовых связей не ослаблял, а укреплял взаимоотношения между «мирами» и делал все более прочной и реальной власть племенных князей. Создавались возможности для объединения отдельных племен в союзы, достигавшие иногда значительных размеров и силы.

Появилась многоступенчатая структура родоплеменного общества эпохи кризиса: родовые общины объединились вокруг погостов в «миры» (может быть, «верви»); совокупность нескольких «миров» представляла собой племя, а племена все чаще объединялись во временные или постоянные союзы. Временные союзы неуловимы для нас, так как они заключались на короткий срок, иногда для одного совместного похода, а устойчивые постоянные союзы, просуществовавшие десятки и сотни лет, нашли отражение в летописной терминологии, в географической номенклатуре и в археологических особенностях отдельных славянских земель VI—X вв.

Культурная общность внутри устойчивых племенных союзов ощущалась иногда довольно долго после вхождения такого союза в состав Русского государства и прослеживается по курганным материалам XII—XIII вв. и по еще более поздним данным диалектологии.

Летописцу Нестору были известны 14 крупных восточнославянских областей, из которых сложилось Русское государство. Около Киева издавна жили Поляне. Их соседями на востоке были Северяне, жившие по рекам Десне, Сейму, Суле и Северскому Донцу, сохранившему в своем названии память о Северянах. Вниз по Днепру, южнее Полян, жили Уличи, переселившиеся в середине X в. в междуречье Днестра и Буга. На западе соседями Полян были Древляне, часто враждовавшие с киевскими князьями. Еще далее на запад лежали земли Волянян и Дулебов. Крайними восточнославянскими племенами были Тиверцы на Днестре (древнем Тирасе) и на Дунае и Белые Хорваты в Закарпатье.

Севернее Полян и Древлян были земли Дреговичей (в болотистом левобережье Припяти), а на восток от них, по р. Сожу — Радимичей. На Оке и Москве-реке жили Вятичи, граничившие уже с неславянскими мерянско-мордовскими племенами Средней Оки. Северные

области, граничившие с литовско-латышскими и чудскими племенами, летописец называет землями Кривичей (верховья Волги, Днепра и Двины), Полочан и Словен (вокруг озера Ильмень).

Летописец Нестор стремился собрать сведения о разных этапах развития Русского государства. Сказав о возникновении племенного княжения Полян, которое можно относить примерно к VI в., он отметил, что наряду с приднепровскими Полянами «свои княжения» возникли и у других славян — у восточных соседей Полян, у Северян, у лесных Древлян, у Дреговичей болотистого Полесья, у Полочан на Западной Двине и даже далеко на севере, на краю славянского мира, у Словен, живших вокруг Ильменя.

Эти «княжения», или, точнее, союзы племен, следует относить к VI—VIII вв.

Следующим (после VI в.) важным этапом Нестор правильно считал IX в.; к этому столетию относится и крещение славян, и распространение славянской письменности, изобретенной в 860-е годы Кириллом и Мефодием.

Продолжая рассказ о Полянах, летописец отмечает, что «Полян теперь называют Русью» и что Поляне-Русь есть составная часть всего славянства, для которого создавалась грамота.

К величайшему сожалению, тот раздел «Повести временных лет» Нестора, который рассказывает о событиях IX в. до появления варягов, оказался сильно сокращенным и переделанным. Многие части были просто выброшены, а на место рассказа о Полянах и Киеве чужой рукой была вставлена новгородская легенда о мнимом «призвании» князей-варягов в Новгород. Особенно пострадал текст Нестора о том, «како Русская земля стала есть», т. е. как сформировалась держава Русь.

Тем драгоценнее для нас уцелевший отрывок текста Нестора, в котором автор очерчивает географические пределы первоначального государства Руси: «Се бо токмо словенск язык в Руси (т. е. «вот только эти славянские народы входят в состав Руси»).— *Б. Р.*): Поляне, Древляне, Новгородцы (?), Полочане и Север...»

Оказывается, Нестор на протяжении нескольких страниц своего замечательного труда следил за судьба-

ми одной и той же группы восточнославянских племен — той группы, которая прежде других племен объединилась под главенством Полян-Руси. Сначала он сказал о том, что каждый из этих «языков» имел «свое княжение», а потом объединил их всех в одно целое как составные части Руси.

Что же представляло собою государство Русь в то время (судя по хронологическому порядку в летописи — в VIII—IX вв.), когда вокруг Киевской земли и древнего народа рос стали объединяться и другие славянские области?

В состав Руси входили значительная часть лесостепной зоны с ее древней земледельческой культурой, земли славянских племен Полесья, очевидно, покоренных силой, так как в летописи часто говорится о вражде Полян и Древлян, и далекие форпосты на севере на важных магистральных путях — на Двине и, может быть, на Волхове.

Земли Руси почти со всех сторон окружали славянские племена, еще не вошедшие в состав новорожденного государства: Воляняне, Хорваты и Бужане на западе, Уличи и Тиверцы на юго-западе, Радимичи и Кривичи на севере, Вятичи на северо-востоке.

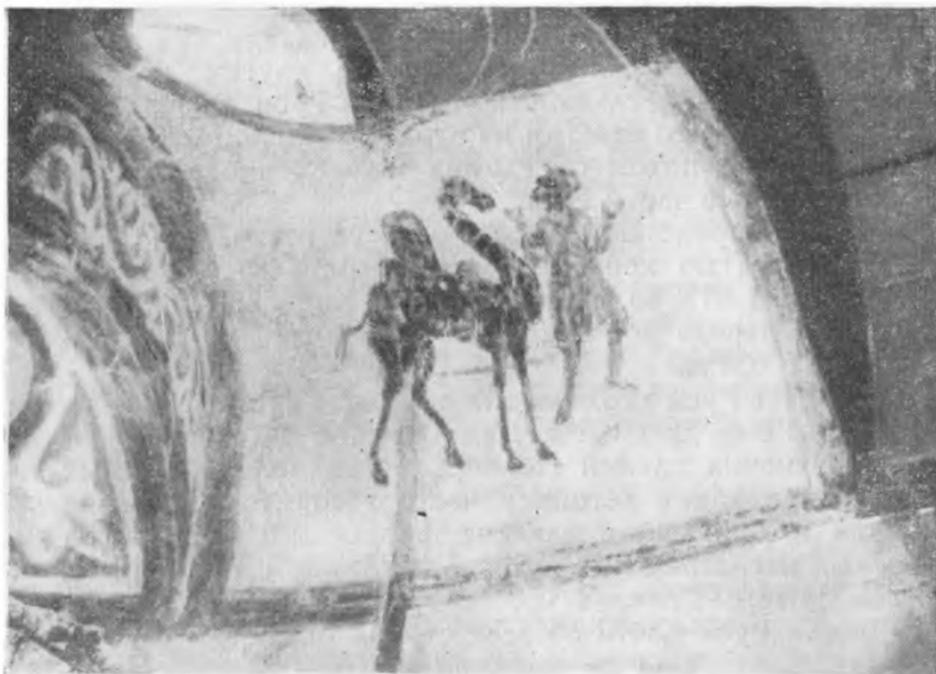
Область Полян-Руси от Киева до рек Роси и Тисмени и сопредельная область Северян по Десне, Сейму и Северскому Донцу надолго удержали наименование «Русской земли», которая даже противопоставлялась иногда другим славянским землям.

Лишь со временем понятие «Русская земля» было распространено на все территории восточного славянства.

* * *

К IX столетию ясно обозначилось сложение в ряде областей слоя русского боярства, или «рыцарства», как писали восточные авторы.

Письменные и археологические источники говорят не только о существовании такого дружинного слоя, но и о значительной дифференциации его, о наличии простых воинов и богатой знати, владевшей таким количеством золота и серебра, что иностранным купцам казалось, будто в землях Руси где-то есть серебряный рудник,

Верблюд с погонщиком. Фреска. XI в. Софийский собор в Киеве

Большой интерес представляют свидетельства восточных авторов IX—X вв., писавших в Багдаде, Хорезме, Балхе, — там, где бывали русские купеческие караваны, начиная с IX в. Большинство этих свидетельств восходит к источникам середины IX в., к эпохе киевских князей Дира и Аскольда.

В 1892 г. русский ученый А. Г. Туманский, разыскивая астрономические сочинения хана Улугбека, случайно натолкнулся в Бухаре на ценнейшую древнюю географию — «Книгу пределов мира». Рукопись была написана в 983 г., когда на Руси княжил Владимир I, но безымянный персидский автор опирался на старых арабских и среднеазиатских географов VIII—IX вв. (Ал Балхи, Ал Хорезми и др.); его сведения о Восточной Европе можно отнести к первой половине IX в., т. е. примерно к тому же времени, что и свидетельство Нестора о первоначальной доваряжской Руси.

У автора «Книги пределов мира», как и у Нестора, «Русская земля» рассматривается отдельно от земли

славян, но это следует понимать не как противопоставление славян русам, а лишь в географическом смысле применительно к той сравнительно недолгой эпохе, когда Русь в качестве государства уже существовала, но всех восточных славян еще не объединила.

Вот главная часть текста «Книги пределов мира», говорящая о Руси:

Р а с с у ж д е н и е о с т р а н е Р у с и е е г о р о д а х
К востоку от этой страны лежат горы Печенегов.

К югу от нее — река Рута (название искажено; возможно, имеется в виду р. Рось? — *Б. Р.*),

К западу — славяне,

К северу — необитаемые страны Севера.

Это обширная страна: ее жители обладают дурным характером — непокорны, держатся вызывающе, любят спорить, воинственны. Они воюют со всеми неверными, которые живут вокруг их страны, и одерживают победы.

Их царя зовут рус-хакан (этот высокий восточный титул применялся русскими князьями до середины XI в.— *Б. Р.*).

Эта страна чрезвычайно богато одарена природой всем, что необходимо для жизни.

Одна часть населения — воины, рыцарство.

Они (русы) уважают своих волхвов.

Они ежегодно платят правительству десятую часть от своей добычи и торговых доходов.

.....
Они хоронят своих мертвых со всем их имуществом, платьями и украшениями. В могилу покойникам они ставят пищу и питье.

«Куяба» (Киев) — русский город, ближайший к странам ислама. Этот город, расположенный в приятной местности, является резиденцией царя.

Там выдываются разнообразные меха и ценные мечи.

«Слаба» (Переяславль) — хороший город, из которого в мирное время ездят торговать в землю Болгар (очевидно, имеется в виду земля причерноморских Черных Болгар.— *Б. Р.*).

«Уртаб» (?) — город, где убивают иностранцев, если они попадают туда. Там изготавливаются ценные клинки и мечи, которые можно согнуть пополам и они снова распрямляются сами.

Безымянный персидский автор как бы наполнил интересным содержанием сухой географический обзор Руси, уцелевший от рассказа Нестора. Богатая природа,

красивые города, развитое оружейное дело, торговые связи — все это дополняется описанием воинственных русских «рыцарей», подчиняющих соседей и никому не покоряющихся, кроме своего царя-хакана, живущего в Киеве и собирающего десятину.

Языческие погребальные обряды и уважение, оказываемое жрецам, вводят нас в религиозный мир русов. Возможно, что к этому же ритуальному разделу относится упоминание о загадочном городе, в котором убивают иноземцев; быть может, был в земле русов такой священный город, куда не допускали чужаков, — например, город Родень на Роси, город грозного славянского бога Рода-Перуна?

Другие восточные авторы дополняют сведения о русах. Богатый и знатный рус предстает как воин, повелевающий слугами и рабами; он одет в парчевый кафтан с золотыми пуговицами и высокую соболью шапку, носит золотые обручи (гривны), подтверждающие его богатство и знатность. Знатный воин отлично вооружен: у него есть боевой топор, нож, лук, доспехи, а у пояса висит меч, подаренный ему, еще мальчику, отцом как символ воинственного наследства. Богатый и знатный рус — владелец корабля, хозяин партии пленных рабов и рабынь и ценной пушнины; его доходы исчисляются десятками тысяч серебряных арабских диргемов (от каждых 10 тысяч диргемов рус делает своей жене подарок — серебряную цепь); признаком богатства является многоженство. Запасы меда у некоторых богатых славян доходят до 100 бочек. Десятую часть своих военно-торговых прибылей он уплачивает царю Руси (Персидский Аноним).

Русскую знать современники упрекают в воинственности, в заносчивости, неподатливости (Персидский Аноним). В далеких походах на юг русские дружинники то обнаруживают чувство товарищества и готовы погибнуть все за одного, то начинают завидовать друг другу, и родной брат готов ограбить или убить брата из-за добычи (Ибн-Русте).

В своей родной стране, где много «замков и крепостей», русы гостеприимны по отношению к чужеземцам и охраняют их от опасностей.

Представителей русской знати пышно хоронят: сжигают вместе с женами и рабами на погребальном кост-

ре или опускают в обширную могилу — дом со всем оружием и утварью. Некоторые русы были христианами уже в середине IX в.

Один из среднеазиатских авторов, писавший о Руси по материалам середины IX в., отметил, что это — страна, изобильная всякими благами, и обобщил разрозненные сведения о русской знати фразой: «Одна часть населения у них (у русов) — рыцарство».

Во главе этой рыцарской державы, «воюющей со всеми неверными и одерживающей победы над живущими вокруг», стоит «хакан-рус», верховный глава всей воинственной русской знати, «обширных городов и многих обитаемых стран». Восточный титул хакана бытовал на Руси с 839 г. Обычно он применялся к наиболее могущественным повелителям многоплеменных держав вроде Аварского, Хазарского, Тюркского каганатов.

У славян существовала многоступенчатая лестница наименований знатных лиц (частично знакомая и восточным авторам): известен титул жупана (араб. супанеч); выше жупана по положению стоит князь (кнадз), а князя, как следует из договора с греками 911 г., делились на просто князей и князей великих. Всю эту иерархию увенчивал глава Русской державы, живший в Киеве и принявший высокий титул хакана, удержанный киевскими князьями вплоть до XI в.

«Царь Руси» жил в обширном дворце вместе с 400 преданных ему дружинников. Каждому воину прислуживали две женщины, что увеличивало население дворцового комплекса еще на 800 человек.

В распоряжении царя имелась конница; в его арсенале было много доспехов. Русские войска, по подсчетам современников, иногда достигали 100 тысяч воинов (500 кораблей по 200 человек на каждом).

Царю помогал в государственных делах его наместник. Большую власть имели волхвы, пользовавшиеся правом ритуальных убийств мужчин и женщин. Упоминаются пышные языческие храмы и идолы с головами, отлитыми из золота. Царь получал десятую часть всех торговых доходов и военной добычи своих бояр и мужей. Производились ежегодные объезды славянской страны для сбора дани, которая взималась будто бы одеждой (может быть ценными мехами?) — по одной одежде с

каждого сына или дочери в год. В областях славянского царства находились наместники царя, управлявшие этими областями.

Царь Руси производил суд; спорящие стороны являлись на разбирательство, и иногда по приговору царя назначался судебный поединок, на который приходили все родичи тяжущихся и с оружием в руках наблюдали за боем. Царь славян, живший в городе «Джарвабе» (?), применял смертную казнь по отношению к разбойникам или же ссылал преступников «в отдаленные области под надзор правителей».

Столицей Руси был город Куяба — Киев, но упоминаются и другие русские и славянские города. Напомним, что русов и славян в текстах восточных авторов нельзя рассматривать как две разные этнические группы. «Русы суть племя из славян», — утверждал в середине IX в. Ибн-Хордадбех. Часть славян была подчинена русам, «служила им». Это надо понимать в смысле установления политического господства Руси над другими славянскими племенами, что и отражено русской летописью и византийскими источниками.

К X в. имя Руси окончательно уже приобрело политический, государственный оттенок: «Подобно этому «Рус», «Хазар», «Серир» — название государства, а не города и не народа» (Ибн-Хаукаль).

Приведенный выше очерк истории славяно-русского общества эпохи становления феодального государства, сделанный на основе сведений нескольких восточных авторов (Ибн-Хордадбех, Ибн-Русте, Ибн-Фадлан, Масуди, Персидский Аноним и др.), полностью подтверждается археологическими материалами IX—X вв. и сведениями о Руси арабских географов.

Важными историческими памятниками являются многочисленные курганы, разбросанные в разных концах славянской земли. Как уже говорилось, смена родовых усыпальниц индивидуальными погребениями знаменовала собой (может быть, даже с некоторым опозданием) распад родовых общин и выделение отдельных семей.

Наличие дружинных и боярских курганов IX—X вв. в окрестностях Киева, Чернигова, Смоленска и других древних городов подтверждает все написанное иноземцами о русской знати того времени.

Оковка другого турьего рога из кургана Черная могила

Кризис первобытнообщинного строя, усилившийся в лесостепной полосе в первые века н. э., принял особенно резкие формы в VI в., когда началось образование крупных племенных союзов и борьба с Византией. За VI—IX вв. произошли на очень широкой территории распад родовых связей и выделение дружин, обусловленные развитием славянского хозяйства.

К началу IX в. в центре восточнославянских племен сложилось государство Русь, объединившее почти половину племен вокруг Киева и ведшее борьбу с кочевниками, с Византией и с варягами.

Русское государство сложилось задолго до прихода варягов без всякого внешнего воздействия. Одновременно с ним возникли и другие славянские государства.

Появление варяжских отрядов в русских землях было несравненно менее значительным эпизодом, чем появление в степях печенегов, с которыми молодому Русскому государству пришлось вести тяжелую и упорную войну.

Возникновение крупнейшего в Европе феодального государства — Руси — сразу обратило на него внимание всех современников и сделало его известным во всех концах тогдашнего мира.

РУСЬ НА ПОДЪЕМЕ

КНЯЗЬ ИГОРЬ СТАРЫЙ И ДРЕВЛЯНЕ

Русские книжники XI в., рассказывая об истории своей родины, не упоминали ни Олега, ни Рюрика, считая их, очевидно, случайными, эпизодическими лицами; после того, как в IX в. пресекалась древняя славянская династия потомков Кия, они называют князя Игоря Старого, прадеда Ярослава Мудрого.

До сих пор еще многое неясно в жизни молодого Русского государства в ту отдаленную эпоху. Нельзя даже сказать с уверенностью, когда и при каких обстоятельствах началось правление этого князя. Но зато известен трагический конец его княжения, связанный с незаконными поборами в земле Древлян.

Два разных источника рассказывают о сборе дани во времена Игоря: один из них — сочинение византийского императора Константина VII Багрянородного, современника Игоря, а другой — русская летопись, составленная полвека спустя, вероятно, по местным древлянским преданиям.

Константин Багрянородный, любитель науки и литературы, написал большое сочинение «О народах», в котором излагал свои взгляды на внешнюю политику Византии, описывал соседние народы, особенности их быта и те хитроумные приемы, при помощи которых можно склонить их к покорности.

Одна из глав трактата Константина специально посвящена русам; написана она около 949 г., но ее источники могут относиться к более раннему времени. Сведения о Руси есть и в других главах. Император писал небрежно (современники упрекали его в пристрастии к вину) и часто путал хронологию, географию, имена, родственные отношения, языки и наименования народов, но, несмотря на это, его записи представляют большой интерес.

*О руссах, приезжающих из России
на кораблях-однодревках»
в Константинополь*

«...Зимний и суровый образ жизни этих самых руссов таков: когда наступит ноябрь месяц, князья их тотчас выходят со всеми руссами из Киева и отправляются в «полюдь», т. е. круговой объезд и именно в славянские земли Древлян, Дреговичей, Кривичей, Северян и остальных славян, платящих дань руссам. Прокармливаясь там в течение целой зимы, они в апреле месяце, когда растает лед на Днепре, снова возвращаются в Киев, собирают и оснащают свои корабли и отправляются в Византию...»¹.

Кроме описания внутренней жизни Руси и сбора дани самой княжеской дружиной, Константин дает интереснейшую картину пути в Царьград.

«Корабли-однодревки (т. е. имеющие киль из одного дерева.— *Б. Р.*), приходящие в Константинополь из внешней Руси, идут из Новгорода, в котором сидел Святослав, сын русского князя Игоря, а также из крепости Смоленска, из Любеча, Чернигова и Вышеграда. Все они спускаются по реке Днепру и собираются в Киевской крепости, называемой «Самвата» (?). Данники руссов — славяне, называемые Кривичами, Полочанами (?), и прочие славяне рубят однодревки в своих горах в зимнюю пору и, обработав их, с открытием навигации, когда растает лед, вводят в ближние озера. Затем, так как озера впадают в Днепр, то оттуда и сами входят в ту же реку, приходят в Киев, вытаскивают ладьи на берег для оснастки и продают руссам...

В июне месяце, двинувшись по реке Днепру, они (руссы) спускаются в Витечев, крепость, подвластную Руси. Подождав там 2-3 дня, пока подойдут все ладьи, они двигаются в путь и спускаются по названной реке Днепру».

Константин Багрянородный, как и безымянный персидский автор, делит Русь на внешнюю и внутреннюю. Далекый Новгород и земли данников Руси — это внешняя Русь. Ко внутренней Руси нужно отнести те обла-

---

¹ «Известия византийских писателей о Северном Причерноморье». М.— Л., 1934, стр. 10.

Город Витечев на Днестре. X в. (остатки земляных валов)

сти вокруг Киева, где князь сам собирал полюдь. А эти области очень близки к той первоначальной Руси, которую рисовал Нестор (Древляне, Дреговичи, Северяне). К этому списку император добавил Кривичей, влившихся к тому времени в состав Руси.

Любеч на Днестре был своего рода северными воротами внутренней Руси, а ее южными воротами был Витечев, важная стратегическая база у брода через Днестр.

Археологические раскопки в Любече и Витечеве открыли много интересных памятников VIII—XII вв., подтвердив важное значение этих пунктов. В Витечеве, например, внутри дубовой крепости X в. на высоком холме обнаружена сигнальная башня, огонь которой должен был предупреждать Киев о появлении печенежской опасности.

Далее Константин описывает опасный переход через днестровские пороги, названия которых он дает в болгарском, «славянском», варианте и в «русском» (который записан, однако, со слов какого-то варяга или

литовца, сильно искажившего киево-русскую терминологию). Семь раз приходилось русам высаживать людей на берег и шестью проталкивать ладьи через каменистые стремнины. При этом все время нужно было остерегаться печенегов, подстерегавших русские караваны. Особенно тяжел был Ненасытецкий порог, где приходилось выгружать все товары и даже самые ладьи перетаскивать волоком по земле. Опасна была и «Крарийская переправа», древний брод около Кичкаса, которым пользовались греческие купцы, ездившие на Русь:

«Эта переправа шириною приблизительно равна ипподрому, а вышиною такова, что стрела долетает с одной стороны на другую. Поэтому печенеги приходят и на это место и нападают на руссов. Пройдя это место, руссы достигают острова святого Григория (остров Хортица) и на этом острове совершают свои жертвоприношения, так как там растет огромный дуб. Они приносят в жертву живых петухов, кругом втыкают стрелы, а иные приносят куски хлеба, мясо и что имеет каждый, как требует их обычай. Насчет петухов они бросают жребий — зарезать ли их в жертву, или съесть, или пустить живыми.

От этого острова руссы уже не боятся печенегов... Они плывут около 4 дней, пока не достигнут лимана, составляющего устье реки (Днепра); в нем есть остров святого Эферия (Березань), где они отдыхают два-три дня и заново оснащают ладьи привезенными с собой мачтами и парусами».

Константин описывает дальнейший морской путь вдоль западного побережья Черного моря, называемого некоторыми авторами «Русским морем».

От Березани до Белгорода на Днестре и до Дуная идут русские караваны ладей и все время, «пока они не минуют Селины, рукава Дуная, по берегу за ними скачут печенеги». Так, идя от Дуная, заходя в Констанцию, Варну и Месемврию, русы достигают своей цели — Царьграда, где у них есть свое подворье в одном из монастырей.

Привезенные меха, мед, воск и рабы продаются на торжищах «второго Рима», а затем, пробыв месяц-другой в Константинополе и закупив шелк, золото и серебро, оружие и утварь, русы двигались в обратный

Стены Царьграда

путь, чтобы к осени, к сбору урожая, снова быть готовыми к длительным выездам из Киева в полюдь.

Стремление русской знати к внешней торговле, далекие опасные путешествия, упорная борьба за пути на Восток и в Византию объясняются характерным для раннефеодальных государств желанием реализовать прибавочный продукт в наиболее развитых странах с высоким уровнем ремесла и тем самым как бы вовлечь их в свой экономический процесс. Обращение русского боярства IX—X вв. к своим местным полянским или северянским ремесленникам не могло бы дать такого эффекта, как обращение к мировому рынку Царьграда, на который работали лучшие мастера старинных городов Европы и Ближнего Востока.

Развитие местных производительных сил Руси в тогдашних конкретных исторических условиях выразалось не только непосредственно в росте урожайности и ремесленной продукции, но и в организации сложных и далеких походов, требовавших вооружения, снаряжения флота, накопления продовольственных запасов и создания значительного фонда ходовых товаров.

Снаряженные Киевским государством торгово-военные экспедиции пробивались через степи, занятые 40 печенежскими племенами, преодолевали пороги, отбивались от кочевников в Причерноморье, по пути возносили благодарственные молитвы своим языческим богам, а в Византии своим грозным видом заставляли власти предоставлять русам торговые льготы. В результате, русский продукт — меха, мед и воск, — собранный в полюдье, не отягощал княжеских амбаров, не лежал бесполезным запасом, а превращался в процессе торговли в изделия самых совершенных мастерских мира — в оружие, дорогую утварь и украшения. Это, конечно, способствовало ускорению исторического процесса, сильно увеличивало материальные богатства русских князей и бояр, тем самым увеличивая дистанцию между ними и простыми смердами.

* * *

Острые конфликты между княжеско-боярской верхушкой и массой населения обозначились уже к середине X в.

Рассказ императора Константина о поездках князей в полюдье хорошо дополняется повествованием летописи о современнике Константина великом князе киевском Игоре.

Князю Игорю пришлось воевать с печенегами, обитавшими в это время (915—920 гг.) в степях вплоть до Дуная.

В 941—944 гг. Игорь во главе русских войск, усиленных наемными печенегами и варягами, воевал с Византией и, хотя война была неудачной, заключил новый мир с империей, предусматривавший широкие торговые связи. Посылая свои корабли из Киева в Царьград, князь должен был письменно известить императора о количестве судов и снабдить своих послов и купцов золотыми и серебряными печатями, удостоверявшими их полномочия.

Купцы из Киева, Чернигова и Переяславля жили в Царьграде за счет греков в течение месяца, но должны были ходить по городу без оружия.

Договор 944 г., как и предшествовавший ему «ветхий мир» 911 г., опирался на «покон (закон) русский». Ви-

занятия была заинтересована в мирных торговых взаимоотношениях с Русью и направила своих послов в Киев, где происходило утверждение мира: Игорь скреплял договор клятвой на Перуновом холме.

Князь и высшее боярство клялись, положив у идола Перуна свое оружие, доспехи и золото. Дружинники-христиане присягали в церкви св. Ильи на Подоле.

Новый договор вновь открывал русскому боярству заманчивые перспективы выгодной торговли с греками, позволял рассчитывать на возмещение урона, нанесенного войной, и снова предоставлял широкий сбыт продуктам, собираемым во время полюдья.

Из слов летописца видно, что полюдье вокруг Киева у Древлян и Уличей собирал варяжский воевода Свенельд; Игорева дружина давно говорила князю, что он слишком много дал одному боярину. На следующий же год (945 г.) после заключения мира княжеские дружинники заявили Игорю: «Князь! Воины Свенельда богато вооружились и оделись, а мы обеднели! Пойдем с нами собирать дань — и ты получишь много и мы».

Игорь отправился осенью в полюдье к Древлянам. Там его бояре произвольно увеличивали нормы дани и насильно отбирали у Древлян добро.

Возвращаясь в Киев, князь решил «примыслити большую дань» и, отправив обозы с данью в Киев под охраной основной дружины, сам вторично пошел к Древлянам с небольшим количеством воинов, «желая больша имения».

Древляне во главе со своим князем Малом собрали вече и решили: «Когда повадится волк к овцам, то перетаскает все стадо, если не убить его. Так и князь Игорь — если не убьем его, то он погубит всех нас!»

Но все же они не сразу воспользовались слабостью Игорева эскорта: сначала Древляне послали послов, напомнивших князю о том, что вся дань уже взята им полностью. После того, как Игорь не прекратил сбора полюдья, Древляне из города Искоростеня (современный Коростень) напали на князя и его малую дружину и всех их перебили.

Затем к вдове Игоря Ольге в Киев было направлено посольство, сообщившее о том, что муж ее был, «аки волк, восхищая и грабя». Древлянский князь Мал сватался к Ольге, но княгиня жестоко отомстила Древлянам,

приказав живыми закопать посланцев в землю. Второе посольство «мужей нарочитых» было сожжено в Киеве. Вслед за этим Ольга двинулась на землю Древлян якобы для того, чтобы справить тризну по мужу, а затем приказала многих из них изрубить и сжечь Искоростень, пустив на город голубей с горящей паклей.

Легенды о мести княгини Ольги, вероятно, сгустили краски, но это было сделано преднамеренно: княжеско-боярские круги Киева хотели поведать, какие страшные кары ожидают всех неповинующихся княжеской воле.

События 945 г. нельзя считать классовой борьбой в чистом виде, так как в убийстве Игоря участвовали древлянский князь и его вельможи, «иже держаху Деревьску землю». Но все же главной причиной восстания против власти Киева был произвол во взимании дани, те насилия, которые применяли киевские бояре Игоря ко всем древлянам вообще.

Трагедия в древлянских лесах, завершившаяся смертью 5000 древлян, была первым известным нам протестом против жадности и несправедливости феодалов Киева.

Спустя три десятка лет в этой же Древлянской земле сложилась глубоко народная былина о крестьянине Микуле Селяниновиче, вошедшем в дружину древлянского князя Вольги Святославича для войны с тем самым Свенельдом, который с давних пор собирал дань в земле Древлян.

Пахарь-богатырь Микула — яркий образ народного эпоса, отражающий активное участие крестьянских масс в сложных событиях X в.

СВЯТОСЛАВ И ЕГО ПОХОДЫ (965—972 гг.)

Противоречивые характеристики дают историки Святославу Игоревичу, великому князю киевскому. Одни считают его блистательным и умным полководцем, другие — безрассудным авантюристом, рыскавшим по степям в поисках приключений.

«Ты, княже, чужой земли ищещи и блюдеши, а своя ся охабив», — упрекали Святослава киевляне, тер-

певшие набеги печенегов в отсутствие князя. Святослав действительно мало бывал в Киеве. Он воевал то между Окой и Доном в земле Вятичей, то в Болгарии на Волге, то на Северном Кавказе, то далеко за Дунаем в горных теснинах Балкан и Родоп. После нескольких молниеносных побед он даже столицу свою собирался перенести далеко на юг на берег Дуная, в город Переяславец. «Здесь, — говорил Святослав, — сердцевина моей земли, так как сюда сходятся блага из разных сторон: из Византии — шелковые ткани, золотая утварь, вино и разнообразные фрукты; из Чехии и Венгрии — серебряные изделия и кони-скакуны, а из Руси — дорогие меха, воск и мед и пленные рабы». Город Переяславец лежал в низовьях Дуная на знакомом уже нам торговом пути русов в Царьград, там, где кончались степи, истоптанные печенежскими конями, и начиналась страна древних городов и богатых торжищ.

Трудно правильно оценить деятельность Святослава, если не взглянуть широко на то, что происходило в то время в мире. Для феодальных империй, королевств и халифатов очень важны были внешние торговые связи. Они помогали восполнять пробелы местного производства, отчасти уравнивать природные условия разных стран. Корабли бороздили моря, огромные караваны тянулись из Китая и Индии, из Ирана и Египта на запад, в Европу. Цветные шелка и клинки дамасской стали, быстроногие охотничьи гепарды и парча, яркие краски и острые пряности для приправы пресной северной пищи, диковинные раковины и тонкое узорочье ювелиров, серебряные блюда, рукомойники-водолей, заздравные чары с чеканными изображениями барсов, оленей, слонов, львов, танцовщиц, фокусников, царей — все это жадно покупала грубоватая знать европейских королевств и княжеств, жившая в деревянных домах с земляными полами и одетая в домотканые сукна и холсты.

В конце IX в. поток предметов роскоши с Востока был прерван вторжением венгров и печенегов. Военственные кочевники оказались в самом сердце Европы, а на восток их кочевья тянулись на тысячи километров. Страны Средиземноморья продолжали вести морскую торговлю, а для всей Северной Европы наступили трудные времена — заслон кочевников препятствовал тор-

говле. Вот тогда-то и сказалась важная историческая роль Киевской Руси, тогда-то и заговорили о Киеве в Византии и в Багдаде, в Германии и Средней Азии.

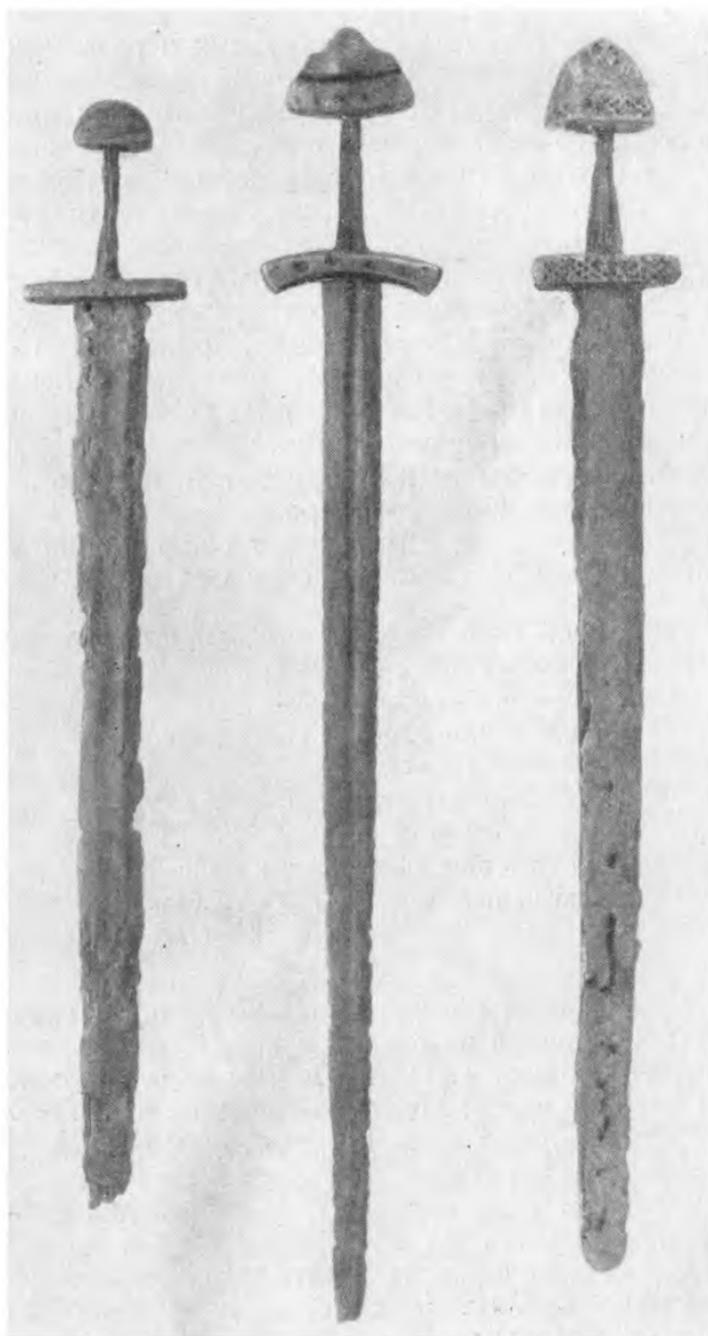
Русские дружины пробивались через печенежский заслон и закупали восточные товары в крупнейших городах мира. Часть этих товаров оседала в самом Киеве, а значительную их часть русские купцы «рузарии» везли в Европу по двум торговым магистралям: из Киева через Краков и Прагу и из Киева же, путем «из Грек в Варяги» (именно так называл его летописец) через Полоцк или через Смоленск и Новгород в «Варяжское море», в земли западных славян, немцев и даже во Францию. Средневековый французский поэт воспевал красавицу, одетую в одежды из «русского шелка»; шелк был закуплен, конечно, где-то на восточных рынках, но во Францию его привезли русские купцы, и это породило новое название этих тканей.

Выполнение этой исторической миссии было затруднено для Киевской Руси враждебной политикой соседних южных государств: Волжская Болгария соперничала с Русью в восточной торговле; Хазарский каганат держал в своих руках устья всех русских рек, выходы в моря всех магистральных путей и вероломно грабил русские торговые караваны; Византия стремилась отеснить Русь от черноморских берегов, хотя самое море восточные географы уже называли «Русским морем».

Походы Святослава 965—968 гг. представляли собою как бы единый сабельный удар, прочертивший на карте Европы широкий полукруг от Среднего Поволжья до Каспия и далее по Северному Кавказу и Причерноморью до балканских земель Византии. Побеждена была Волжская Болгария, полностью разгромлена Хазария, ослаблена и напугана Византия, бросившая все свои силы на борьбу с могучим и стремительным полководцем.

Замки, запиравшие торговые пути русов, были сбиты. Русь получила возможность вести широкую торговлю с Востоком. В разных концах побережья «Русского моря» возникли русские военно-торговые форпосты: Тмутаракань — на востоке у Керченского пролива и Переяславец — на западе близ устья Дуная.

Святослав стремился приблизить свою столицу к жизненно важным центрам X в. и придвинул ее вплот-

Русские мечи. X в.

ную к границе одного из крупнейших и развитых государств тогдашнего мира — Византии.

Во всех этих действиях видна рука полководца и государственного деятеля, заинтересованного в возвышении Руси и упрочении ее международного положения. Походы Святослава были мудро задуманы и блестяще осуществлены.

На всех современников этот юный победитель производил сильное впечатление. Враги-византийцы восхищались его мужеством и бесстрашием, приводили его речи, обращенные к русским воинам. Византийский император, пытавшийся при личной встрече поразить киевского князя необычайным великолепием цесарского убранства, оказался сам пораженным простотой и скромностью внешнего облика князя-богатыря.

Русская летопись, черпая свои сведения из устной дружинной поэзии, так описывает Святослава:

Когда князь Святослав возмужал и возрос,
он собрал много воинов храбрых;
и сам он был тоже храбр.
В походах он двигался быстро, как барс,
многие земли воюя.
Он шел без телег, без тяжелых котлов,
мясо испёкши на углях.
Он спал не в шатрах, а как воины все
— лишь положивши седло в головах.

(Перевод)

Будучи однажды окружен 100-тысячным греческим войском, Святослав не сдался и воодушевил своих воинов горячей речью: «...Не посраим земли Русской, но ляжем костями здесь! Мертвые срама не имут. ...Станем крепко. Аз же перед вами пойду. Аще моя глава ляжет, то промыслите о себе».

В неравном бою с Византией Святослав сохранил свое войско и ушел на Русь, заключив в июле 971 г. письменный договор с императором Иоанном Цимисхием о ненападении. Балканские завоевания были утрачены, но победы на Волге, на Дону и в Приазовье были закреплены.

Однако Византия оказалась менее грозным врагом, чем печенеги, — на обратном пути в Киев, в 972 г., вой-

ско Святослава было разбито печенегами в днепровских порогах. Только варяг Свенельд, бросивший Святослава еще в начале пути, достиг Киева. Святослав был убит, и из его черепа печенежский хан Куря сделал себе чашу, оковав ее золотом.

При работах на Днепрострое в 1933 г. в порогах было найдено на дне Днепра несколько стальных мечей с серебряным узором рукоятей; они, возможно, принадлежали воинам Святослава.

БЫЛИННОЕ ВРЕМЯ РУСИ (КОНЕЦ X в.)

Борьба с печенегами стала в X в. насущной потребностью Руси. Вся плодородная лесостепь, густо покрытая русскими деревнями и городами, была открыта для внезапных набегов кочевников, раскинувших по Русской равнине на «месяц конного пути» от Дуная до Жигулей.

Каждый набег приводил к сожжению сел, уничтожению полей, угону населения в рабство. Поэтому оборона от печенегов была не только государственным, но и общенародным делом, понятным и близким всем слоям общества. И естественно, что князь, сумевший возглавить эту оборону, должен был быть народным героем, действия которого воспевались народным эпосом — былинами.

Таким князем оказался побочный сын Святослава — Владимир.

В живописном городе Любече, охранявшем подступы к Киевской земле с севера, жил в середине X в. некий Малко Любечанин. Его дочь Малуша была ключницей княгини Ольги, а сын Добрыня, очевидно, служил князю. В былинах о Добрыне сохранилась память о том, что он был при княжеском дворе «конюхом да приворотничком», но потом стал уже не слугой, а придворным — «он стольничал-чашничал девять лет».

Малуша Любечанка стала одной из наложниц Святослава, и у нее родился Владимир, которого долго потом корили его происхождением, называя «робичичем», «холопищем». Если бы не особая удача, то сын

ключницы мог бы затеряться в толпе «отроков» и слуг на княжеском дворе. Но его дядя Добрыня однажды воспользовался тем, что законные сыновья князя Ярополк и Олег отказались ехать в далекую северную факторию Руси — Новгород, и предложил послать туда своего племянника. Так юный робичич Владимир стал князем-наместником в маленьком городке на озере Ильмень.

Когда между его братьями (после трагической гибели Святослава) вспыхнула усобица, разжигаемая варягом Свенельдом, и Олег Древлянский был убит, Добрыня и Владимир двинулись походом из Новгорода в Киев, покорив по дороге Полоцк, важный торговый пункт на Западной Двине. Здесь Владимир силою взял себе в жены Рогнеду, дочь полоцкого князя. В русских былинах отразилась и борьба Олега со Свенельдом, и женитьба Владимира при посредничестве Добрыни.

Ярополк был убит во дворце двумя варягами из войска Владимира, и сын рабыни стал великим князем киевским, а Добрыня — воеводой, вершившим дела Руси.

Первым государственным делом Владимира было изгнание из Киева варягов-наемников; затем он установил новый языческий культ шести богов во главе с богом грозы и войны — Перуном.

Ряд удачных походов на Польшу, на Вятичей, Литву, Радимичей, Болгар и Хорватов (в Закарпатье) значительно расширил и упрочил Русь как государство всех восточных славян. Но по-прежнему оставалась нерешенной главная задача внешней политики Руси — оборона от 40 печенежских племен, наступавших на русские земли по всему лесостепному пограничью.

«И сказал Владимир: «Плохо то, что у нас мало крепостей вокруг Киева».

И стали строить крепости по рекам Десне, Остру, Трубежу и по Суле и по Стугне. В землях Словен, Кривичей, Чуди и Вятичей были набраны дружинники («лучшие мужи») и отправлены в эти новые города. Владимир поступил так потому, что была постоянная война с печенегами. Он воевал с ними и побеждал их».

Эти слова летописи содержат исключительно интересные сведения об организации общегосударственной обороны. Владимир сумел сделать борьбу с печенегами делом всей Руси, почти всех входивших в ее состав на-

Монета князя Владимира

родов. Ведь гарнизоны для южных крепостей набирались в далеком Новгороде, в Эстонии (Чудь), в Смоленске и в бассейне Москвы-реки, в таких местах, куда не мог доскакать ни один печенег. Заслуга Владимира в том и состояла, что он весь лесной Север заставил служить интересам обороны южной границы, шедшей по землям Полян, Уличей и Северян.

Из пяти рек, на которых строились новые крепости, четыре находились на левом берегу Днепра. Это объяснялось тем, что на левобережье было меньше естественных лесных заслонов и степь поднималась здесь до самого Чернигова.

После создания оборонительных линий печенеги должны были преодолеть четыре барьера. Первым был рубеж на Суле, которая двести лет была границей между русскими и кочевниками. В «Слове о полку Игореве» воспеваются Сула, текущая «серебряными струями», а половецкая земля иносказательно изображалась так: «Комони ржут за Сулою».

В устье Сулы археологи раскопали крепость-гавань, куда могли заходить во время опасности днепровские суда; укрепленная гавань носила характерное название — Воишь. Далее по Суле шли крепости на расстоянии 15—20 км друг от друга.

Если печенеги преодолевали этот рубеж, то далее они встречались с новым заслоном по Трубежу, где был один из крупнейших городов Киевской Руси — Переяславль. Если это препятствие им удавалось взять или обойти, то перед ними открывались пути на Чернигов и на Киев. Но перед Черниговом лежали оборонительные линии по Остру и Десне, затруднявшие подход к этому древнему богатому городу.

Печенеги могли попасть с левого берега Днепра к Киеву, только перейдя реку вброд под Витчевым и затем преодолев долину Стугны. Но именно здесь-то Владимир и поставил свои крепости.

Археологические раскопки в Витчеве открыли здесь на высокой горе над бродом мощную крепость конца X в. с дубовыми стенами и сигнальной башней на вершине горы. При первой же опасности на башне зажигали огромный костер, и так как оттуда простым глазом был виден Киев, то в столице тотчас узнавали о появлении печенегов на Витчевском броду.

Стугнинская линия окаймляла «бор велик», окружавший Киев с юга. Это была уже последняя оборонительная линия, состоявшая из городов Триполья, Тумаща и Василева и соединявших их валов. В глубине ее, между Стугной и Киевом, Владимир построил в 991 г. огромный город-лагерь Белгород, ставший резервом всех киевских сил.

Постройка нескольких оборонительных рубежей с продуманной системой крепостей, валов, сигнальных вышек сделала невозможными внезапные вторжения печенегов и помогла Руси перейти в наступление. Тысячи русских сел и городов были избавлены от ужасов печенежских набегов.

Об этой пограничной линии писал русский летописец, современник Владимира; о ней упоминал западный епископ Брунон, ехавший из Киева в Печенегию; об этих же порубежных крепостях-заставах пел свои песни народ:

На горах, горах да на высоких,
На шоломя (холме) на окатистом,
Там стояла да тонкий бел шатер.
Во шатре-то удаленьки добры молодцы:
Во-первых, старый казак Илья Муромец,
Во-вторых, Добрынюшка Никитич млад,

Во-третьих-то, Алешенька Попович-от.
Эх, стояли на заставе они на крепкой,
Стерegli-берегли они красен Киев-град...

Князь Владимир испытывал большую нужду в крупных военных силах и охотно брал в свою дружину выходцев из народа, прославившихся богатырскими делами. Он приглашал и изгоев, людей, вышедших поневоле из родовых общин и не всегда умевших завести самостоятельное хозяйство; этим князь содействовал дальнейшему распаду родовых отношений в деревне. Изгойство перестало быть страшной карой: изгой мог найти место в княжеской дружине.

Победы над печенегами праздновались всенародно и пышно. Князь с боярами и дружиной пировал на «снях» (на высокой галерее дворца), а на дворе ставились столы для народа. На эти пиры съезжались «посадники и старейшины по всем градом и люди многы», «бесчисленное множество народа».

Знаменитые пиры Владимира, являвшиеся своеобразным методом вовлечения в дружину, воспеты и в былинах в полном согласии с летописными записями:

Во стольном городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимира
Было пированьице почестен пир
На многих на князей на бояров,
На могучиих на богатырей,
На всех купцов на торговых,
На всех мужиков деревенских...

Народ создал целые циклы былин о князе Владимире Красном Солнышке, о Добрыне, об Илье Муромце, о борьбе с Соловьем-Разбойником, который был олицетворением племенных князьков, о походах в далекие земли, о борьбе с жестокими языческими обычаями и о крепких заставах богатырских, охранявших Киевскую Русь от «силушки поганой».

Героическая эпоха Владимира (978—1015 гг.) была воспета и феодальным летописцем, и народом потому, что в главных ее событиях соединились воедино феодальное начало с народным, и политика князя стала подчиняться общенародным интересам.

ХРИСТИАНСТВО И ЯЗЫЧЕСТВО

Клерикальные историки резко противопоставляют христианство язычеству и обычно делят историю каждого народа на два периода, считая рубежом принятие христианства; дохристианские времена они называют веками мрака, когда народы пребывали в невежестве до тех пор, пока христианство будто бы ни пролило свет на их жизнь.

Для некоторых народов, сравнительно поздно вступивших на путь исторического развития, принятие христианства означало приобщение к многовековой и высокой культуре Византии или Рима и тем самым тезис церковников о «тьме и свете» как бы получал подтверждение. Но, разумеется, необходимо четко отделять уровень культуры (кстати говоря, сложившейся еще в «языческий» период) от вида религиозной идеологии.

Византия не тем превосходила древних славян, что была христианской страной, а тем, что являлась наследницей античной Греции, сохранившей значительную часть ее культурного богатства.

Христианство нельзя противопоставлять язычеству, так как это только две формы, два различных по внешности проявления одной и той же первобытной идеологии.

И язычество, и христианство в равной мере основаны на вере в сверхъестественные силы, «управляющие» миром. Живучесть христианства в значительной степени объясняется использованием в его идеологии древнего языческого представления о загробном мире, о «второй жизни» после смерти. В сочетании с очень древним дуалистическим воззрением на мир, как на арену борьбы духов добра с духами зла, мысль о загробном мире породила учение о таком же дуализме и «потусторонней жизни» — о существовании «рая» для добрых и «ада» для злых.

Христианство в своей практике широко использовало первобытную магию; молебен о дожде (когда священник кропил поля «святой» водой) ничем не отличался от действий первобытного жреца, пытавшегося таким же магическим путем упросить небеса окропить поля настоящим дождем.

Являясь эклектичным и стихийным объединением ряда древних земледельческих и скотоводческих культов, христианство по своей сущности очень близко подходило к языческим верованиям славян, германцев, кельтов, финнов и других народов. Недаром после христианизации так тесно слились местные народные верования с учением христиан.

Главное отличие христианства заключалось в том, что свой исторический путь оно проходило в условиях резко антагонистического классового рабовладельческого общества, а затем в трудной обстановке кризиса и перехода к феодализму.

Естественно, что первобытная сущность тех культов, из которых сложилось первоначальное христианство, осложнялась и видоизменялась: религия социальных низов, обещавшая рабам утешение в будущей загробной жизни, была использована рабовладельцами, внесшими в нее совершенно иные идеологические мотивы. Феодальное государство еще больше развило классовую сущность христианства. Византийский император рассматривался как представитель самого бога на земле. Пышный и величественный церемониал богослужений был направлен на освящение существовавших классовых порядков. На стенах церквей изображались «святые» императоры, патриархи, представители знати. Церковное помещение обычно было поделено на два яруса: внизу толпились простые люди, а на хорах, между людьми и изображением бога — «вседержителя», помещались владыки и высшая знать.

Христианство отличалось от язычества не своей религиозной сущностью, а только теми чертами классовой идеологии, которые наслоились за тысячу лет на примитивные верования, уходящие корнями в такую же первобытность, как и верования древних славян или их соседей.

Христианские миссионеры, шедшие к славянам или германцам, не создавали ничего принципиально нового; они приносили лишь новые имена для старых богов, несколько иную обрядность и значительно более отточенную идею божественного происхождения власти и необходимости покорности ее представителям. Мироззрение же миссионеров не отличалось от мироззрения языческих жрецов, колдунов и знахарей.

На корабле, плывшем по голубым волнам Эгейского моря, какой-то русский книжник XII в. решил написать исследование о славянском язычестве: «Слово о том, как язычники поклонялись идолам и приносили им жертвы». Нашему путешественнику были знакомы и древний египетский культ Озириса, и учение Магомета в арабских землях, и обычаи турок-сельджуков, и необычная для русского уха музыка органов в католических храмах крестоносцев.

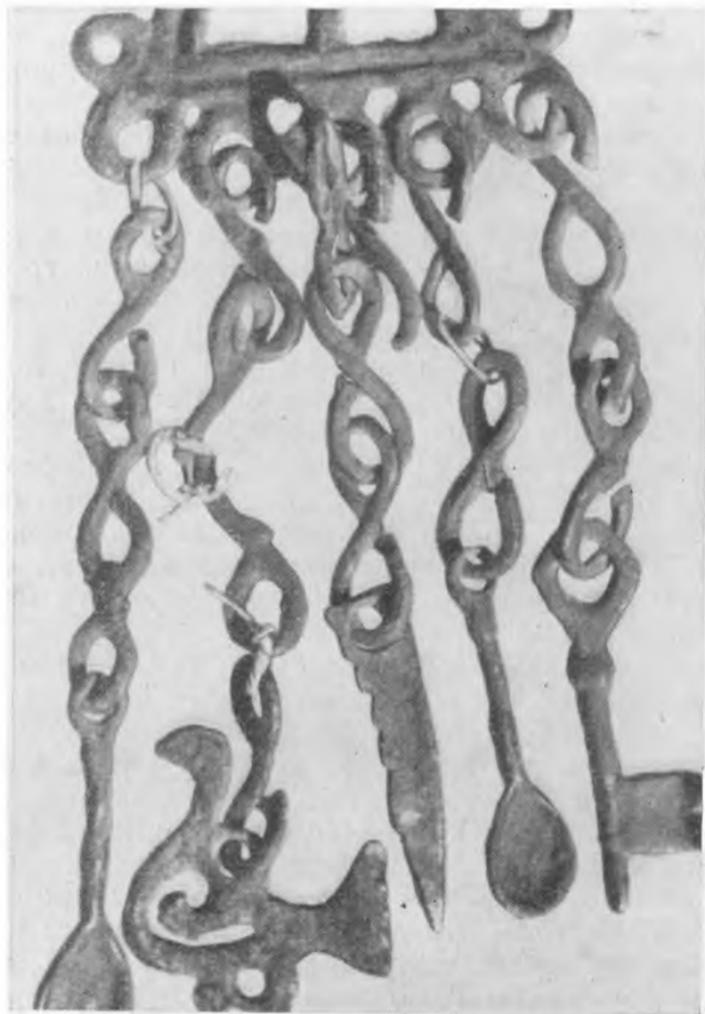
Его корабль плыл с юга на север, через Афон в Царьград и на своем пути, начавшемся, быть может, где-нибудь в Палестине или даже Египте, этот книжник должен был видеть и остров Крит, известный в древности культом Зевса, и античные храмы Афродиты, Артемиды, Афины, и место знаменитого дельфийского треножника, служившего для предсказаний оракула («трипода дельфического ворожа»).

Быть может, изобилие руин античных языческих святилищ, встреченных во время плавания, и вдохновило неизвестного автора на такую тему, как сопоставление славянского язычества с другими древними религиями.

Исключительный интерес представляет та периодизация истории славянских верований, которую предложил этот умный и образованный писатель:

1. Первоначально славяне «клали требы (т. е. приносили жертвы) упырям и берегыням...»
2. Затем они «начали трапезу ставити (тоже приносить жертвы) Роду и рожаницам».
3. Впоследствии славяне стали молиться главным образом Перуну (сохраняя веру и в других богов).

«Упыри» — это вампиры, фантастические существа, оборотни, олицетворяющие зло. «Берегыни» (от слов «беречь», «оберегать») — это добрые, помогающие человеку духи. Одухотворение всей природы и деление ее на доброе и злое начала — это очень древние представления, возникшие еще у охотников каменного века. Против упырей применялись различные заговоры, носились амулеты-обереги; в народном искусстве сохранилось много чрезвычайно древних символов добра и

Славянские амулеты из кургана. XI в.

плодородия, изображая которые на одежде, посуде, жилище, древний человек думал, что знаки добра, обереги, отгонят духов зла. К числу таких символов относятся изображения солнца, огня, воды, растения, женщины, цветка.

Култ Рода и рожаниц, божеств плодородия, несомненно связан с земледелием и действительно отражает более позднюю ступень развития человечества — неолит, энеолит и последующее время. По всей вероят-

ности, многочисленные глиняные фигурки женских божеств (иногда с зернами в составе глины), широко известные в раннеземледельческих культурах, являются изображениями этих рожаниц. Позднее, уже после крещения Руси, рожаниц приравнивали к христианской богородице.

Род был верховным божеством неба и земли, распорядившимся стихиями — солнцем, дождями, грозами, водой. Вера в единого верховного бога явилась основой позднейшего христианского монотеизма.

Культ Перуна, бога грозы, войны и оружия, появился сравнительно поздно в связи с развитием дружинного, военного, элемента в обществе.

Как видно, ступени развития первобытной религии указаны писателем-мореплавателем очень верно и точно. Последнюю стадию он тоже правильно обрисовал как двоеверие — славяне приняли христианство, «но и ныне по украинам молятся проклятому богу их Перуну» и другим богам.

Моления славян-язычников своим богам были строго расписаны по временам года и важнейшим сельскохозяйственным срокам. Год определялся по солнечным фазам, так как солнце играло огромную роль в мировоззрении и верованиях древних земледельцев.

Начинался год, как и сейчас, в пору зимнего солнцестояния, 1 января. Новогодние празднества — «святки» — длились 12 дней, захватывая конец старого года и начало нового. В эти дни сначала гасили все огни в очагах, затем добывали трением «живой» огонь, пекли специальные хлебы и по разным приметам старались угадать, каков будет наступающий год. Кроме того, язычники всегда стремились активно воздействовать на своих богов просьбами, молениями и принесением им жертв. В честь богов устраивались пиры, на которых закалывались быки, козлы, бараны, всем племенем варилось пиво, пеклись пироги. Богов как бы приглашали на эти пиры — братчины, чтобы они становились сотрапезниками людей. Существовали специальные святилища — «требища», — предназначенные для таких ритуальных пиров.

Церковь использовала новогодние языческие святки, приурочив к ним христианские праздники рождества и крещения (25 декабря и 6 января).

Языческий идол из с. Акулинина близ Москвы

Следующим праздником была масленица, буйный и разгульный праздник весеннего равноденствия, встречи солнца и заклинания природы накануне весенней пахоты.

Церковь боролась с этим праздником, но не смогла его победить и добилась только выдворения его за календарные сроки «великого поста» перед пасхой.

В пору пахоты, сева яровых и «прозябания» зерен в земле мысль древнего славянина обращалась к предкам — «дедам», тоже лежащим в земле. В эти дни ходили на кладбища и приносили «дедам» пшеничную кутью, яйца и мед, считая, что предки-покровители помогут

всходам пшеницы. Кладбища представляли собою в древности как бы «поселки мертвых»: над сожженным прахом каждого умершего строилась деревянная «домовина» («столп»); в эти миниатюрные дома и приносили угощение предкам весной и осенью. Позднее стали над могилами насыпать земляные курганы.

Обычай «приносов» в «родительские» дни сохранился до XIX в.

На протяжении весны и лета беспокойство древнего земледельца об урожае все возрастало — нужны были вовремя дожди, вовремя солнечное тепло. Первый весенний праздник приходился на 1—2 мая, когда появлялись первые всходы яровых.

Второй праздник, слившийся впоследствии с христианским «троицыным днем», — это день бога Ярила, бога животворящих сил природы (4 июня); в этот день молодую березку убирала лентами и украшали ветками дома.

Третий праздник отмечал летний солнцеворот 24 июня — день Купалы («Иван-Купала»).

Во всех этих праздниках ощущается настойчивое моление о дожде. Хороводы девушек, обрядовые песни и пляски в священных рощах, жертвоприношения рекам и родникам — все было направлено на получение дара неба, дождя. Дню Купалы предшествовала «русальная неделя». Русалки — нимфы воды и полей, от которых, по представлениям славян, зависело орошение земли дождем.

В славянской этнографии хорошо известно, что в дни таких русальных празднеств в деревнях выбирали самых красивых девушек, обвивали их зелеными ветками и с магической целью обливали водой, как бы подражая дождю, который хотели вызвать такими действиями.

Праздник Купалы был наиболее торжественным из весенне-летнего цикла. Здесь отмечалось и поклонение воде (бросание девушками венков в реку), и огню — в купальскую ночь на высоких холмах, на горах разводили огромные костры, и юноши и девушки попарно прыгали через огонь. Жизнерадостная, игровая часть этих молений сохранялась очень долго, превратившись из обряда в веселую игру молодежи.

Этнографы начала XIX в. описывают великолепное зрелище купальских костров в Западной Украине, Польше и Словакии, когда с высоких вершин Татр или Карпат на сотни верст вокруг открывался вид на множество огней, зажженных на горах.

Кульминационным пунктом славянского сельскохозяйственного года были грозные, жаркие июльские дни перед жатвой хлебов. Земледелец, бессильный перед лицом стихий, со страхом взирал на небо — урожай, возвращенный его руками, вымоленный (как он думал) у богов, был уже почти готов, но грозное и капризное небо могло его уничтожить. Излишний зной мог пересушить колосья, сильный дождь — обить созревшее зерно, град — начисто опустошить нивы, а молния — спалить сухое поле.

Бог, управлявший небом, грозой и тучами, был особенно страшен в эти дни; его немилость могла обречь на голод целые племена. День Рода-Перуна («Ильин день» — 20 июля) был самым мрачным и самым трагическим днем во всем годовом цикле славянских

Четырехликий идол. IX—X вв.

молений. В этот день не водили веселых хороводов, не пели песен, а приносили кровавые жертвы грозному и требовательному божеству, прямому предшественнику столь же жестокого христианского бога.

Наряду с языческими молениями об урожае, составлявшими содержание годового цикла праздников, в комплекс языческих представлений входили и первобытный анимизм (вера в леших, водяных, болотных духов), и культ предков (почитание мертвых, вера в домовых).

Сложной обрядностью обставлялись свадьбы и похороны. Свадебные обряды были насыщены магическими действиями, направленными на безопасность невесты, переходящей из-под покровительства своих домашних духов в чужой род, на благополучие новой семьи и на плодovitость молодой четы.

Погребальные обряды славян сильно усложнились к концу языческого периода в связи с развитием дружинного элемента. Со знатными русами сжигали их оружие, доспехи, коней. По свидетельству арабских путешественников, наблюдавших русские похороны, на могиле богатого руса совершалось ритуальное убийство его жены. Все эти рассказы полностью подтверждены археологическими раскопками курганов. В качестве примера можно привести огромный курган высотой в четырехэтажный дом — Черную могилу в Чернигове, где в процессе раскопок было найдено много различных вещей X в.: золотые византийские монеты, оружие, женские украшения и туры рога в серебряной оковке с изображением былинного сюжета — смерть Кашея Бессмертного в Черниговских лесах.

Черная могила, в которой, по преданию, был похоронен черниговский князь, расположена на высоком берегу Десны, и огонь грандиозного погребального костра должен был быть виден на десятки километров вокруг.

* * *

Вокняжившись в Киеве, Владимир I произвел своего рода языческую реформу, стремясь, очевидно, поднять древние народные верования до уровня государственной религии, — рядом со своими теремами, на холме, князь приказал поставить деревянных кумиров шести богов: Перуна с серебряной головой и золотыми усами, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Семаргла и Мокоши.

Будто бы Владимир узаконил даже человеческие жертвоприношения этим богам, что должно было придать их культу трагический, но в то же время и очень торжественный характер. «И осквернилась кровью земля Русская и холм тот».

Култ Перуна, главного бога дружинной знати, был установлен Добрыней и на северной окраине Руси, в Новгороде. Вокруг идола Перуна там горело восемь неугасимых костров, и память об этом вечном огне сохранялась у местного населения вплоть до XVII в.

Хорс и Дажьбог — оба одинаково означают бога солнца. На основании этого ученые делают вывод о том, что Владимир в своем языческом пантеоне объединил богов различных племен. Если Дажьбог и Стрибог были славянскими божествами, то Хорс, возможно, являлся богом Солнца у южных племен, где была сильна скифо-аланская примесь; этим же племенам, по всей вероятности, принадлежал и Семаргл, божество подземного мира, где находятся кости предков и корни, питающие растения.

Мокошь (или Макошь) была единственным женским божеством в этом пантеоне и, очевидно, олицетворяла собой женское начало природы и женскую часть хозяйства (стрижку овец, прядение).

Попытка превращения язычества в государственную религию с культом Перуна во главе, судя по всему, не удовлетворила Владимира, хотя киевляне охотно поддерживали даже самые крайние проявления кровавого культа воинственного бога.

В Киеве давно уже было известно христианство и его основные догматы, так хорошо приспособленные к нуждам феодального государства. Первые сведения о христианстве у русов относятся к 860—870-м годам. В X в. в Киеве была уже церковь св. Ильи, христианского двойника Перуна. Ко времени Святослава и Владимира уже существовала значительная христианская литература в соседней Болгарии, написанная на языке, вполне понятном для всех русских.

Но киевские князья медлили с принятием христианства, так как при тогдашних богословско-юридических воззрениях византийцев принятие крещения из их рук означало переход новообращенного народа в вассальную зависимость от Византии.

Владимир I вторгся в византийские владения в Крыму, взял Херсонес и отсюда уже диктовал свои условия императорам. Он хотел породниться с императорским домом, жениться на царице и принять христианство. Ни о каком вассалитете в таких условиях не могло быть и речи.

Около 988 г. Владимир крестился сам, крестил своих бояр и под страхом наказаний заставил креститься киевлян и всех русских вообще. В Новгороде тот же Добрыня, который учреждал там культ Перуна, теперь крестил новгородцев огнем и мечом.

Формально Русь стала христианской. Погасли погребальные костры, на которых сгорали убитые рабыни, угасли огни Перуна, требовавшего себе жертв наподобие древнего Минотавра, но долго еще по деревням насыпали языческие курганы, тайно («отай») молились Перуну и огню-варожицу, справляли старинные праздники. Язычество слилось с христианством.

* * *

Церковь на Руси была организована так: во главе ее стоял киевский митрополит, назначаемый или из Константинополя, или самим киевским князем с последующим избранием собором епископов. В крупных городах находились епископы, ведавшие всеми церковными делами большой округи — епархии. С обособлением отдельных княжеств каждый князь стремился к тому, чтобы его столица имела своего епископа.

Митрополит и епископы владели землями, селами и городами; у них были свои слуги, холопы, изгои и даже свои полки. Князья на содержание церкви давали «десятину» — десятую долю своих даней и оброков. Церковь имела свой особый суд и специальное законодательство, при помощи которого властно и бесцеремонно вмешивалась в семейную и интимную жизнь, в образ мысли и нормы поведения людей. В городах в XI—XII вв. было много каменных и деревянных церквей, в которых служили священники («попы») и их помощники — дьяконы. Служба в церкви велась ежедневно три раза в день («заутреня», «обедня» и «вечерня»); церковники стремились регламентировать всю жизнь и постоянно воздействовать на свое «стадо». В праздничные

Христианское изображение святого воина на шлеме. XII в.

дни устраивались особо торжественные службы, которым предшествовали ночные моления — «всенощные». Пышность богослужения должна была воздействовать на умы простых людей. Но долго еще церковники жаловались на то, что их храмы пустуют: «Если какой-нибудь плясун или скрипач, или комедиант позовет на

игрище, на сборище языческое, то все туда радостно устремляются и проводят там, развлекаясь, целый день. Если же позовут в церковь, то мы позевываем, чешемся, сонно потягиваемся и отвечаем: «Дождливо, холодно» или еще чем-либо отговариваемся...

На игрищах нет ни крыши, ни защиты от ветра, но нередко и дождь идет, дует ветер, метет метель, но мы ко всему этому относимся весело, увлекаясь зрелищем, гибельным для наших душ.

А в церкви и крыша есть и приятный воздух, но туда люди не хотят идти...».

Все средства искусства были использованы церковью для утверждения своих взглядов на жизнь и общественную структуру.

Ораторы убеждали аудиторию в том, что «властели бо от бога устроены», что человек должен купить себе покорностью и смирением в этой жизни вечное блаженство после смерти.

Художники изображали «Страшный суд», когда, по фантастическим предсказаниям пророков, восстанут из гробов все умершие за несколько тысячелетий существования мира и бог начнет последний суд, определяя праведно проживших свою жизнь в рай, а грешников — в ад на бесконечные муки. Кисть художника рисовала безобразных чертей, хватающих грешников и бросающих их в печь, пронзающих крючьями, рвущими грязными когтями их тела...

Стройное пение и торжественное театрализованное богослужбное действие должны были показать другой, праведный полюс христианского мира.

Архитекторы стремились вознести церковные здания над хижинами и хоромами, так чтобы именно церкви создавали архитектурный ансамбль города.

Утверждая свое искусство, церковь постоянно обрушивалась на светские забавы и интересы: «Горе тем, кто ждет вечера с его музыкой — гуслими, флейтами, тамбуринами... тем, кто делает вид, что не знает, какой вред приносят гусли, игры, танцы и пение...»

Церковный проповедник порицает тех солидных горожан, которые внешне благопристойны, но увлекаются игрой уличных артистов, танцами и песнями, даже детей водят на пиры.

«А спросите-ка этих бесстыдных старцев, как жили

Софийский собор в Киеве (построен в 1037 г.).
Реконструкция вида собора в XII в.

пророки и апостолы? Или сколько было апостолов и пророков? Не знают они этого и не ответят вам. А вот если речь пойдет о лошадях или о птицах или о чем-либо другом, то тут они — философы, мудрецы!»

Одной из сильнейших церковных организаций были монастыри, игравшие вообще очень важную роль в истории средневековых государств.

По идее монастырь — добровольное братство людей, отречшихся от семьи, от обычной жизни и целиком посвятивших себя служению богу. На деле монастыри были крупными землевладельцами-феодалами, владели селами, вели оптовую торговлю, ссужали деньги под ростовщические проценты и всегда находились в самой гуще жизни, принимая непосредственное участие в повседневной «суете мирской» и в крупных политических событиях.

Игумены монастырей наравне с епископами выступали как дипломаты, судьи, посредники.

В монастырях существовало резкое неравенство между бедняками без роду без племени и выходцами из боярской или купеческой среды.

Высшие церковные власти — епископы и митрополит могли выбираться только из среды монахов, которых

Софийский собор в Новгороде (построен в 1045 г.).
Макет

в отличие от обычных попов и дьяконов называли черным духовенством.

Некоторые центральные монастыри вроде Киево-Печерского (основанного в середине XI в.) стали своего рода духовной академией, куда охотно поступали сыновья крупных вельмож, стремившиеся сделать карьеру.

В таких монастырях были хорошие библиотеки; здесь велись летописи, записи внутренних монастырских событий, сочинялись проповеди, прославлялись монахи «подвижники», «отшельники», «молчальники».

Богатая хозяйственная жизнь монастырей и наличие в них аристократической прослойки, избавленной (как видно из позднейших данных) от черной работы, застав-

Монах, окруженный бесами.
Миниатюра Радзивилловской летописи

ляли администрацию принимать меры для создания такой декоративной завесы, которая прикрыла бы собой классовую сущность монастыря и отвлекла бы внимание горожан и крестьян. Этой завесой стали «блаженные», «юродивые» — психически ненормальные, слабоумные или искалеченные люди, недостатки которых беззастенчиво выставлялись напоказ всем посетителям монастыря. Сохранился рассказ об одном таком юродивом Исаакии, жившем в Печерском монастыре в 1060—1070-е годы. Он был «расслаблен телом и умом», его мучили кошмарные видения, одет он был в недубленую козью шкуру; монастырские повара издевались над его слабумием и заставляли ловить ворон. Исаакий то собирал детей и одевал их в монашеские одежды, то босыми ногами становился на горящую печь, то «поча по миру ходити, такоже уродом ся творя». Рассказ об этом несчастном был введен в летопись, и автор-монах сознательно преподносил читателю образ «божьего избранника».

К началу XIII в. мы видим проявления антицерковных и антимонашеских настроений. Один смоленский поп Авраамий, славившийся начитанностью и красноречием, обратил свою проповедь к очень широкому кругу

горожан и крестьян, среди которых были и «малые», и «рукодельные», и рабы. Его учение было близко к учению западноевропейских вальденсов, выступавших против духовенства.

Смоленский епископ, игумены и попы повлекли Авраамия на суд, поставили мечников на дороге, чтобы никто не приходил к нему.

На суде «игумены и попы, если бы было возможно, сожрали бы его живым». Предлагались различные виды казни: «Одни советовали заключить в тюрьму, другие — пригвоздить к стене и сжечь, третьи — утопить».

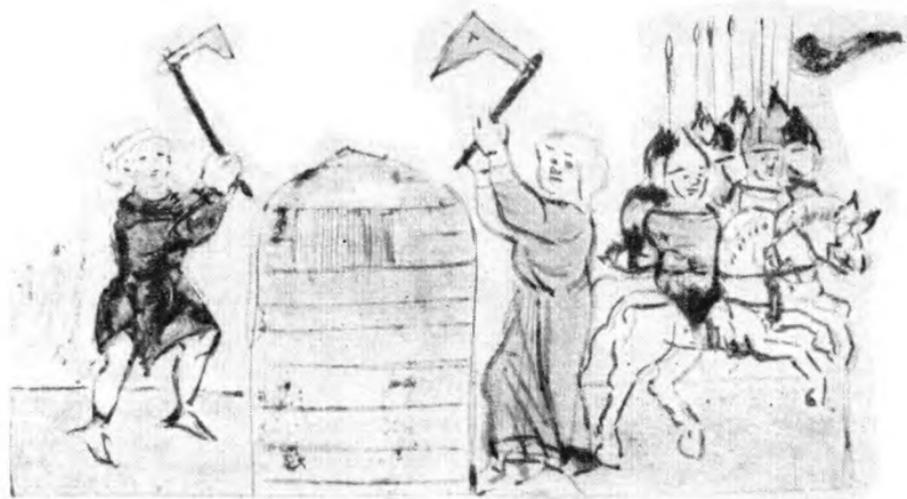
* * *

Русская церковь играла сложную и многогранную роль в истории Руси XI—XIII вв. С одной стороны, несомненно прогрессивная роль церкви как организации, помогавшей укреплению молодой русской государственности в эпоху бурного поступательного развития феодализма. Несомненно и ее положительная роль в развитии русской культуры, в приобщении к культурным богатствам Византии, в распространении просвещения и создании крупных литературных и художественных ценностей.

Но надо помнить, что русский народ дорогой ценой заплатил за эту положительную сторону церкви: яд религиозной идеологии проникал (глубже, чем в языческое время) во все поры народной жизни, он притуплял классовую борьбу, возрождал в новой форме первобытные воззрения и на долгие века закреплял в сознании людей идеи потустороннего мира, божественного происхождения властей и провиденциализма, т. е. представления о том, что всеми судьбами людей всегда управляет божественная воля.

Русские люди не были так религиозны, как это пытаются изобразить церковные историки, но все же религиозная идеология была препятствием на пути к свободному миропониманию.

УСОБИЦЫ КНЯЗЕЙ и НАРОДНЫЕ ВОССТАНИЯ

УСОБИЦЫ 1015—1026 гг. ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ

После расцвета при Владимире раннефеодальной империи Руси наступило время конфликтов, усобиц, убийств и вражеских нашествий.

Владимир управлял Русью с помощью своих двенадцати сыновей, посаженных им в крупных городах, главным образом в центрах древних племенных союзов. В северной земле Словен в Новгороде сидел его старший сын Вышеслав, у Полочан в Полоцке — Изяслав, у Дреговичей в Турове — Святополк, у Волян в городе Владимире — Всеволод, у Древлян — Святослав, у Муромы — Глеб, в Ростове у Мери — Борис, а в южном черноморском форпосте Руси, в Тмутаракани, — Мстислав. Неизвестно, как управляли молодые княжичи порученными им землями. Вероятнее всего, за их спиной стояли опытные княжеские посадники, бояре-огнищане, ведавшие княжеским хозяйством. По многу лет провели сыновья великого князя в своих землях; одни из них сжились с местным боярством и впоследствии выступали в окружении дружин своей земли, другие, наоборот, опирались на наемное войско. Летопись подробно повествует лишь об одном из сыновей Владимира — Ярославе, княжившем после смерти Вышеслава в Новгороде на Волхове.

Надо сказать, что этот раздел летописи написан каким-то новгородским боярином, враждебным Ярославу, и поэтому здесь особенно выпячены отрицательные черты князя.

Ярослав родился приблизительно в 978 г. Его мать была гордая полоцкая княжна Рогнеда, отказавшая «робичичу» в своей руке и взятая им затем как военный трофей при разгроме Полоцка. Ярослав еще в детстве охромел и его потом поддразнивали «хромцом».

Повествование о Ярославе начинается с 1014 г., последнего года княжения Владимира.

Ярослав жил в Новгороде и ежегодно собирал здесь дань в 3000 гривен; 1000 гривен он оставлял на содержание своей дружины в Новгороде, а две трети собран-

ного он посылал в столицу Руси. Таков был «урок», годовая норма. Но, пожив много лет в отдаленном торговом городе с широкими заморскими связями, Ярослав решил отказаться от выплаты этого «урока», чем вызвал гнев отца, строго следившего за единством всех частей Руси и заставлявшего в свое время новгородцев строить крепости от печенегов далеко на юге. Владимир приказал строить мосты, расчищать лесные дороги на Новгород, но разболелся.

Ярослав же, оказывается, собирался вступить в настоящую войну с родным отцом и нанял в Швеции большие отряды варягов.

Ярослав, женатый на дочери шведского короля Олафа, имел прямые связи с варягами. Скандинавские саги, повествующие о «конунге Ярислейфе» (Ярославе), называют имена варяжских предводителей — Эймунда и Рагнара, приглашенных им в Новгород, и сообщают любопытные подробности о договоре найма, жадности и вероломстве варягов.

Наемники буйно и разгульно вели себя в русском городе: «И начаша варяги насилие деяти на мужатых женах». Однажды августовской ночью 1015 г. новгородцы собрались и изрубили варягов-обидчиков во дворе Поромона. Князь Ярослав, ночевавший в ту ночь в пригородной усадьбе на берегу Ильменя, «разгневался на гражаны», но не сразу обнаружил свой гнев. Он заманил, «обольстил» 1000 славных воинов (возможно, бояр и воевод новгородской тысячи) и изрубил их в отместку за варягов; часть горожан бежала. К концу трагической ночи в Новгород прискакал гонец из Киева с письмом к Ярославу от его сестры Предславы, извещавшей о том, что 15 июля старый князь скончался, а между братьями уже началась кровавая борьба за престол.

Утро началось примирением Ярослава с новгородцами. Он собрал уцелевших горожан на поле, открыл вече и обратился к нему с необычной речью: «О, моя любимая и честная дружина, которую я вчера в безумии своем изрубил! Смерть их теперь никаким золотом нельзя искупить... Братья! Отец мой Владимир умер; в Киеве княжит Святополк. Я хочу идти на него войной — поддержите меня!».

Новгородцы выставили 3000 воинов и двинулись с

Ярослав Мудрый. Реконструкция М. М. Герасимова

Ярославом к Киеву. Три месяца простоял новгородский князь у северных ворот внутренней Руси, у Любеча на Днепре, где встретил его Святополк, и уже поздней осенью Ярослав решился напасть на брата. Битва под Любечем была выиграна новгородским войском, Святополк бежал к печенегам, а Ярослав торжественно вошел в Киев.

Войско его получило награды: смерды по одной гривне, старосты по десять гривен, а новгородцы все получили по десять гривен серебра.

«И отпусти их всех домой и давай им Правду и Устав списав, тако рекши им: по сей грамоте ходите, якоже

списах вам, также держите. А се есть Правда Русская...»

Далее в летописи помещен текст «Русской Правды» XI в., первые статьи которой, по всей вероятности, действительно связаны с обязательствами Ярослава по отношению к новгородцам. На всех статьях первой части, так называемой «Русской Правды», лежит явный отпечаток описанных выше новгородских событий в июле — августе 1015 г. Юридический документ, определяющий штрафы за различные преступления против личности, не менее красочно, чем летопись, рисует нам город в условиях заpopulation его праздными наемниками, бунтящими на улицах и в домах.

Город населен рыцарями и холопами; рыцари ездят верхом на конях, вооружены мечами, копьями, щитами; холопы и челядинцы иногда вступают в городскую драку, помогая своему господину, бьют жердями и батогами свободных людей, а когда приходится туго, то ищут защиты в господских хоробах. А иногда иной челядин, воспользовавшись случаем, скроется от господина во дворе чужеземца.

В числе рыцарей, ради которых написан охраняющий их закон, есть и прибывшие из Киевской земли «русины» и княжеские гриди, на которых шла 1000 гривен новгородских даней, и купчины, по обычаю того времени, очевидно, тоже препоясанные мечами, и важные княжеские чиновники — «ябедники» и мечники, следившие за сбором доходов и вершившие княжеский суд.

Закон заодно защищал и более широкие круги новгородского населения — тут упомянуты и изгои, выходящие из общин, порвавшие свои старые связи и еще не нашедшие своего самостоятельного места в жизни, и просто «словене», жители обширной новгородской земли. Эти категории простого люда напоминают нам о покаянных словах Ярослава на вече, когда результатом его призывов к братьям-новгородцам (и, очевидно, ответственных обещаний) была мобилизация большого по тем временам трехтысячного войска, в составе которого оказались даже простые смерды (может быть, «словене» «Русской Правды»).

«Древнейшая Русская Правда», как и летопись, рисует Новгород в 1015—1016 гг. расколотым на две части.

Лады варягов (фриз из Байё. XI в.)

на два лагеря: к одному из них принадлежит население Новгорода, от боярина до изгоя, а к другому — чужеземцы варяги и колбяги (жители Балтики). Они устраивают драки, наносят оскорбления, угрожают обнаженными мечами, хватают чужих коней и ездят на них по городу, берут чужое оружие, укрывают чужую челядь, выдирают усы и бороды, рубят руки и ноги, убивают насмерть, даже на пирах дерутся чашами и турьими рогами.

Все это очень хорошо дополняет рассказ летописца о варяжских насилиях в городе.

Варяги и колбяги поставлены законом Ярослава в неполноправное положение — § 10 «Русской Правды»

гласит, что если обидчик новгородец, то обиженный должен представить двоих свидетелей, если же грубияном, толкнувшим новгородца, окажется варяг или колбяг, то достаточно одной клятвы обиженного новгородца. Именно такой смысл явствует из сопоставления этой статьи «Краткой Правды» XI в. с соответствующей статьей «Пространной Правды» XII в., где варяги уже уравниены с остальными людьми (см. § 31 и 32 «Пространной Правды»). Только в отношении варягов и колбягов закон предусматривает штраф за укывательство чужого челядина (§ 11). Особенно важно отметить, что в подробном списке лиц, жизнь которых охраняется или древним обычаем кровной мести, или высоким штрафом в 40 гривен, есть все слои городского населения, указаны даже приезжие киевляне, но нет ни варягов, ни колбягов, хотя эти чужеземцы и владели домами в Новгороде.

Самое начало Ярославовой «Правды» как бы возвращает читателя к той злополучной ночи, когда возмущенные новгородцы мстили варягам на «Поромони дворе». «Русская Правда» (§ 1) узаконивает право на кровную месть:

Убьет муж мужа — то мстить:
брату (за) брата
или сынови (за) отца,
либо отцю (за) сына,
или брату чаду, либо сестрину сынови (племянникам).

Аще не будет, кто мстя, то — 40 гривен за голову,
аще будет русин, либо гридин, либо купчина, либо
ябетник, либо мечник. Аще изгой будет, либо словенин,
то 40 гривен положить за него.

Предполагая обороняться в Новгороде от киевских отцовских дружин, Ярослав заигрывал с наемными отрядами варягов и не только не унимал их, но даже зверски наказал новгородцев, творивших самовольный суд. Письмо княжны Предславы изменило все — перед Ярославом открылась возможность вмешаться в начавшиеся усобицы; менялась роль варягов и отношение к ним Ярослава. Теперь наемники должны были сами стремиться идти в поход на Киев, где они надеялись на богатую добычу. Но Ярослав не мог отважиться на борьбу с коварным Святополком всего лишь с 1000 воинов

Рукоять меча из Новгорода

и к тому же наемных, которые в решительный момент могли продать себя дороже другому князю или, достаточно награвив, уйти домой «за море». В этих условиях Ярославу нужно было опереться на иное, более надежное войско. Единственной возможностью был союз с Новгородом, с его боярством и даже простыми людьми, а для этого нужно было дать какие-то гарантии, оградить статьями княжеского закона всех новгородцев от бесчинств варяжских дружин Эймунда или иного конунга, которого судьба занесет в Новгород. Так появился закон, названный в летописи «Уставом Ярослава», а обычно называемый «Древнейшей Русской Правдой», 18 статей которого защищали жизнь, честь и имущество новгородских мужей и простых словен от бесцеремонных посягательств варягов, нанятых для участия в усобицах.

Частная инструкция о разборе драк и столкновений в Новгороде не ставила, разумеется, своей задачей всеобъемлющий охват всех сторон социальной жизни города и земли. Она, по самому своему замыслу, была очень ограниченной тематически и совершенно не вникала (да и не должна была вникать) во взаимоотношения господина и холопов, господина и крестьян и т. д. Лишь случайно, в связи с основной темой об уличных столкновениях, упомянут подравшийся холоп, прячущийся в хоромах своего господина.

Поэтому глубоко неправы те буржуазные историки, которые рассматривали «Древнейшую Русскую Правду» 1016 г. как первый свод законов, будто бы отражавший всю полноту тогдашней жизни. Из того факта, что этот юридический документ ничего не говорит о сельском хозяйстве, о формах феодальной зависимости крестьян, о смердах и закупах, делался совершенно нелогичный вывод о том, что раз закон обо всем этом молчит, то, значит, и в реальной жизни этих явлений не было.

«Устав Ярослава» не был первым законодательным актом. Уже в договорах с Византией 911 г. и 944 г. встречаются ссылки на «закон русский», и вполне возможно, что статьи «Правды» о челядине восходят к этому, не дошедшему до нас древнему закону, где применялась та же терминология. Многие положения «Русской Правды» опирались на обычное неписаное право. Созданный в конкретных исторических условиях в 1015 г. (в

Новгородской летописи ошибочно назван 1016 г.), «Устав Ярослава» оказался вполне применимым ко всем вообще случаям уличных побоищ, столь обычных в средневековых городах, и просуществовал несколько веков, входя в сборники других княжеских законов XI—XII вв.

* * *

Захват Киева Ярославом с новгородскими и варяжскими дружинами еще не принес успокоения. Святополк был связан с печенегами и польским королем Болеславом; вот эти-то две силы он и использовал для отвоевания киевского престола. В 1017 г. Киев подвергся нападению большого печенежского войска. Эймундова сага говорит, что, готовясь к осаде, горожане выкопали вокруг города ров, пустили в него воду и прикрыли сверху бревнами; на крепостных стенах укрепили много нарубленных зеленых ветвей, чтобы помешать печенежским стрелам залетать внутрь города. Двое ворот Киева были оставлены открытыми и в них расположились отряды для вылазки. Осада печенегов была отбита.

Но вскоре Болеслав Храбрый двинулся на Русь с запада, и Ярослав, разбитый в пограничной битве на Буге, ускакал в Новгород и пытался бежать оттуда в Швецию. Здесь снова решительно выступили новгородцы во главе с посадником Константином Добрыничем и рассекли корабли, приготовленные для бегства. Новгородцы собрали деньги для найма нового варяжского отряда, обложив свободное население: от мужа по четыре куны, от старост по десять гривен, а от бояр по 18 гривен.

В это время Святополк избавился от поляков и выгнал из Киева Болеслава Храброго. Польский историк Титмар сохранил интересное описание Киева, которое дали поляки, побывавшие в столице Руси: «В большом городе, который был столицей этого государства (Киеве), находилось более 400 церквей, 8 торговых площадей и необычайное скопление народа, который, как и вся эта область, состоит из беглых рабов, стекавшихся сюда отовсюду, и весьма проворных данов. Он (Киев) оказывал до сих пор постоянное сопротивление печенегам, приносящим много вреда, и подчинял себе других».

«Беглые рабы» в этом описании, очевидно, те изгои, которые со всех концов Руси стекались в города и попадали здесь то в дружину, то в дворцовые слуги феодалов. Под «проворными данами» следует понимать разных варягов, служивших тому или иному князю. Польское описание Киева указывает на его огромные размеры.

Как только Святополк лишился польской поддержки, он уже не смог удержать Киев в своих руках. Ярослав снова овладел Киевом, но в 1019 г. Святополк с громадным печенежским войском сделал последнюю попытку захвата великого княжения. В битве на р. Альте Ярослав разбил Святополка.

Однако усобицы не затихли. В 1021 г. Брячислав, внук Владимира, захватил Новгород, а в 1024 г., когда Ярослав усмирлял восстание в Суздальской земле, на Русь из Тмутаракани во главе русско-кавказских войск пришел Мстислав Владимирович. Битва под Лиственом (близ Чернигова) кончилась победой Мстислава; Ярослав и его варяги бежали. Но Мстислав не претендовал на Киев. Он предложил брату такой раздел древней Русской земли: «Седи в своем Кыеве..., а мне буди си сторона». В 1026 г., съехавшись для мира, братья «разделиста по Днепр Русьскую землю: Ярослав приа сю сторону, а Мстислав — ону», т. е. Мстислав овладел всем левобережьем Днепра с Черниговом и Переяславлем, а Ярославу остался Киев и правобережные земли. Десятилетняя усобица утихла.

Из 12 сыновей Владимира I многих постигла трагическая судьба: князь Глеб Муромский был убит на корабле под Смоленском. Его зарезал собственный повар, подкупленный Святополком, только что вокняжившемся в Киеве и стремившимся устранить братьев-соперников.

Князь Борис, любимый старшей отцовской дружиной и поэтому наиболее опасный соперник для других братьев, был убит во время его возвращения из похода на печенегов. По летописи, убийство было совершено двумя варягами, посланными Святополком, а по скандинавским сагам, его убили уже знакомые читателю союзники Ярослава — варяги Эймунд и Рагнар. Эймунд ночью ворвался в княжеский шатер и убил Бориса (Бурислейфа). Отрубленную голову молодого князя он преподнес Ярославу.

Два варяга убивают князя Бориса (миниатюра)

Святослав Древлянский бежал из Киевской Руси в Чехию, землю своей матери, но убийцы, посланные Святополком, настигли его в Карпатах и убили.

Всеволод Волынский погиб не в усобице, но тоже трагически. Согласно саге, он сватался к вдове шведского короля Эрика -- Сигриде-Убийце, и был сожжен ею вместе с другими женихами на пиру во дворце королевы. Этот эпизод саги напоминает рассказ летописи о княгине Ольге, которая сожгла посольство своего жениха Мала Древлянского.

Князь Святополк, прозванный Окаянным, приводивший на Русь то поляков, то печенегов, проиграв третью решительную битву за Киев, заболел тяжелым психическим недугом: «И бежашю ему, нападе на него бес и раслабеша кости его и не можаше седети на кони и несяхуть и на носилех...» Князя-убийцу мучила мания преследования, и он, проехав Брест, быстро проскакал

через всю Польшу и где-то вдали от Русской земли умер в неизвестном летописцу месте в 1019 г.

Судислав Псковский, один из самых незаметных князей, по клеветническому доносу был засажен своим братом Ярославом в «поруб», просидел там 24 года, и лишь спустя четыре года после смерти Ярослава племянники выпустили его из тюрьмы с тем, чтобы немедленно постричь в монахи. В одном из монастырей он и умер в 1063 г., пережив всех своих одиннадцать братьев. Как видим, значительная часть сыновей Владимира стала жертвой братоубийственных разорительных войн, заговоров, тайных убийств.

В 1036 г., разболевшись на охоте в Черниговских лесах, скончался князь-богатырь Мстислав, победивший в свое время в единоборстве северокавказского князя Редедю. После Мстислава не осталось наследников, и все левобережные земли снова соединились под властью Киева: «Прея власть его всю Ярослав и бысть самовластец Русской земли».

«Самовластец» укрепил свои северные форпосты — Новгород и Псков, дав Новгороду в князья своего старшего сына и нового епископа, а в Пскове арестовав Судислава. На юге Ярославу удалось разбить печенегов и отогнать их от рубежей Руси.

Разбогатев и укрепившись на престоле, князь Ярослав затратил большие средства на украшение своей столицы, взяв за образец столицу Византии Царьград. В Киеве, как и в Царьграде, строятся Золотые ворота, грандиозный Софийский собор, отделанный мрамором, мозаикой и великолепными фресками (1037 г.). Современный Ярославу западный летописец Адам из Бремена называл Киев украшением Востока и соперником Константинополя.

Льстивый придворный летописец-киевлянин подробно описывает церковные постройки Ярослава и его любовь к попам и монахам.

При Ярославе переписывались многие книги, многое переводилось с греческого языка на русский. Из числа таких переводов известно, например, греческое историческое сочинение — «Хроника Георгия Амартола». Возможно, что в то время уже были организованы школы для начального обучения грамоте, а может быть, как предполагают некоторые ученые, производилось

обучение и более серьезное, рассчитанное на взрослых людей, готовящихся в священники. Впоследствии Ярослава стали называть Мудрым. Самовластец всей Руси, киевский князь, с которым стремились породниться королевские дома Франции, Венгрии, Норвегии, не довольствовался уже титулом великого князя; его современники употребляли восточный титул «каган», а в конце концов Ярослава стали называть царем, как самого византийского императора.

Соперничество с Византией сказывалось не только в застройке Киева или в титулатуре, но и в отношении к церкви. В 1051 г. Ярослав Мудрый поступил так, как до тех пор поступал только византийский император: он сам, без ведома константинопольского патриарха, назначил главу русской церкви — митрополита, выбрав для этой цели умного киевского писателя Иллариона.

Хорошо понимая идеологическую силу христианства, Ярослав уделял много внимания организации русской церкви и монашества. При Ярославе Антоний Любечанин положил начало знаменитому впоследствии Киево-Печерскому монастырю. Ярослав умер в 1054 г., на 76-м году жизни; в Софийском соборе на стене была сделана торжественная запись об «успении царя нашего».

Со смертью Ярослава временно перестала существовать единая держава Русь, так как русские области оказались разделенными между сыновьями и племянниками Ярослава.

ФЕОДАЛЬНЫЙ ЗАМОК XI—XII вв.

Первые укрепленные усадьбы, обособленные от простых жилищ, окружающих их, относятся еще к VIII—IX вв. Усадьба-городище строилась на холме, подножье которого было окружено 100—200 небольших хаток-землянок, в беспорядке разбросанных вокруг. Археологам удалось установить, что обитатели усадеб жили несколько иной жизнью, чем их односельчане: в усадьбах чаще встречаются оружие и серебряные украшения.

Замок представлял собой маленькую крепостицу, образованную несколькими деревянными срубами, поставленными по кругу вплотную друг к другу; круговое жилище («хоромы») являлось одновременно и стенами, окаймлявшими небольшой двор. В таких «хоромах» могли проживать 20—30 человек; был ли это родовой старейшина со своими домочадцами или «нарочитый муж» с челядью, собиравший полюдь с населения окрестных деревень, сказать трудно. Вероятно, в такой форме должны были рождаться первые феодальные замки, именно так должны были выделять себя из среды земледельцев первые бояре, «лучшие мужи» славянских племен. Крепость-замок была слишком мала для того, чтобы укрыть за своими стенами в минуту опасности всех обитателей поселка, но вполне достаточно, чтобы господствовать над ним. Древнерусские слова, обозначающие замок, вполне подходят к этим маленьким круглым крепостицам: «хоромы» (т. е. сооружение, построенное по кругу), «двор», «град» (т. е. огражденное, укрепленное место).

Тысячи таких дворов-«хором» стихийно возникли в VIII—XI вв. по всей Руси, знаменуя собой рождение феодальных отношений, вещественное закрепление племенными дружинами достигнутого ими преимущества. Но только через несколько столетий после появления первых замков о них сообщают юридические источники — правовые нормы возникают лишь в результате жизненных требований, а не наоборот.

К XI в. явно обозначились классовые противоречия, и князья стали заботиться о том, чтобы их дворы, хоромы и амбары были надежно защищены не только военной силой, но и писаным законом. На протяжении XI в. складывается первый вариант русского феодального права — «Русская Правда». Она складывалась на основе тех древних славянских обычаев, которые существовали уже много веков, но в нее вплетались и новые юридические нормы, рожденные феодальными отношениями. Долгое время взаимоотношения между феодалами и крестьянами, дружинников между собой и положение князя в обществе определялись изустным, неписанным законом — обычаями, подкрепленными реальным соотношением сил.

Насколько можно судить по записям этнографов

XIX в., древние обычаи регламентировали все стороны человеческих взаимоотношений: от семейных дел до пограничных споров.

Внутри маленькой замкнутой боярской вотчины долгое время не было потребности в записывании этих устоявшихся обычаев или тех «уроков» — платежей, которые ежегодно шли в пользу господина. Вплоть до XVIII в. подавляющее большинство феодальных вотчин жило по своим внутренним неписаным законам.

Потребность в записи юридических норм должна была появиться прежде всего в условиях, когда установились какие-то внешние сношения с другими странами и когда «покон русский» сталкивался с законами этих стран, или же в княжеском хозяйстве, чьи угодья были разбросаны в разных землях, а сборщики штрафов и дани вынуждены были непрерывно объезжать все подвластные племена и судить там от имени своего князя по его законам.

Первые отрывочные записи отдельных норм «русского закона» возникали, как это уже было видно на примере «Устава Ярослава» Новгороду, по частным случаям, в связи с какой-либо особой надобностью и совершенно не ставили перед собой задач всеобъемлющего отражения многообразия русской жизни.

К середине XI в. обозначились острые социальные противоречия (и прежде всего в княжеском секторе феодального мира), которые привели к созданию княжеского домениального закона — так называемой «Правды Ярославичей» (примерно 1054—1072 гг.), отображающего княжеский замок и его хозяйство. Владимир Мономах (1113—1125 гг.) после киевского восстания 1113 г. дополнил этот закон рядом более общих статей, касающихся средних городских слоев. В конце его княжения или в княжение его сына Мстислава (1125—1132 гг.) был составлен еще более широкий по охвату свод феодальных законов — «Пространная Русская Правда», отражающий не только княжеские, но и боярские интересы. Феодальный замок и феодальная вотчина в целом очень рельефно очерчены в этом законодательстве. Трудami советских историков С. В. Юшкова, М. Н. Тихомирова и особенно Б. Д. Грекова подробно раскрыта феодальная сущность «Русской Правды» во всем ее историческом развитии более чем за столетие.

Б. Д. Греков в своем известном исследовании «Киевская Русь» так характеризует феодальный замок и вотчину XI в.: «В Правде Ярославичей обрисована в главнейших чертах жизнь вотчины княжеской».

Центром этой вотчины является «княж двор», где мыслятся прежде всего хоромы, в которых живет временами князь, дома его слуг высокого ранга, помещения для слуг второстепенных, жилища смердов, рядовичей и холопов, разнообразные хозяйственные постройки — конюшни, скотный и птичий дворы, охотничий дом и др.

Во главе княжеской вотчины стоит представитель князя — боярин-огнищанин. На его ответственности лежит все течение жизни вотчины, в частности, сохранность княжеского вотчинного имущества. При нем, по видимому, состоит сборщик причитающихся князю всевозможных поступлений — «подъездной княж». В распоряжении огнищанина находятся тиуны. В Правде назван также «старый конюх», т. е. заведующий княжеской конюшней и княжескими табунами коней.

Все эти лица охраняются установленной той же Правдой удвоенной 80-гривенной вирой, что говорит об их привилегированном положении. Это высший административный аппарат княжеской вотчины. Далее следуют княжеские старосты — «сельский» и «ратайный». Их жизнь оценивается только в 12 гривен. ...Мы получаем право говорить о подлинной сельскохозяйственной физиономии вотчины»¹.

Эти наблюдения подтверждаются и теми сведениями, которые рассыпаны в разных частях «Правды Ярославичей». В ней упоминаются клеть, хлев и полный, обычный в большом сельском хозяйстве, ассортимент рабочего, молочного и мясного скота и домашней птицы: кони княжеские и смерды (крестьянские), волы, коровы, козы, овцы, свиньи, куры, голуби, утки, гуси, лебеди и журавли.

Не названы, но с полной очевидностью подразумеваются луга, на которых пасется скот, княжеские и крестьянские кони.

Рядом с сельским земледельческим хозяйством находились также борти, которые именуются «княжими»:

¹ Б. Д. Греков. Избранные труды, т. VI. М., 1959, стр. 118, 119.

«А в княжи борти 3 гривне, любо пожгуть, любо изудруть».

«Правда» называет и категории непосредственных производителей, тех, кто своим трудом обслуживает вотчину. Это рядовичи, смерды и холопы. Их жизнь ценится в пять гривен.

Иногда князь, вероятно, навещал свою вотчину. За это говорит наличие в вотчине охотничьих псов и обученных для охоты ястребов и соколов.

«Первое впечатление от Правды Ярославичей, как, впрочем, и от Пространной Правды, — пишет Б. Д. Греков, — получается такое, что изображенный в ней хозяин вотчины с сонмом своих слуг разных рангов и положений, собственник земли, угодий, двора, рабов, домашнего скота и птицы, владеец своих крепостных, обеспокоенный возможностью убийств и краж, стремится найти защиту в системе серьезных наказаний, положенных за каждое деяние, направленное против его прав. Это впечатление нас не обманывает. Действительно Правды защищают вотчинника-феодала от всевозможных покушений на его слуг, крестьян, рабов, рабынь, на его землю, коней, волов, уток, кур, собак, ястребов, соколов и пр.»².

* * *

Археологические раскопки княжеских замков полностью подтверждают и дополняют нарисованный нами облик «княжего двора» XI в.

Экспедицией Б. А. Рыбакова (1957—1960 гг.) раскопан замок XI в. в Любече, построенный, очевидно, Владимиром Мономахом в ту пору, когда он был еще черниговским князем (1078—1094 гг.) и когда «Правда Ярославичей» еще только начала действовать.

Славянское поселение на месте Любеча существовало уже в первые века н. э. К IX в. здесь возник небольшой городок с деревянными стенами. По всей вероятности, именно его вынужден был брать с бою Олег на своем пути в Киев в 882 г. Где-то тут же должен был быть двор Малка Любечанина, отца Добрыни и деда Владимира I.

На берегу днепровского затона была пристань, где собирались «моноксилы», упомянутые Константином

² Там же, стр. 120.

Багрянородным; неподалеку, в сосновой корабельной роще — урочище «Кораблище», где могли строиться однокрепости. За грядой холмов — курганный могильник и место, с которым предание связывает языческое святилище.

Среди всех этих древних урочищ возвышается крутой холм, до сих пор носящий название Замковой горы. Раскопки показали, что деревянные укрепления замка были построены здесь во второй половине XI в. Могучие стены из глины и дубовых срубов большим кольцом охватывали весь город и замок; но замок, кроме того, имел и свою сложную, хорошо продуманную систему обороны; он был как бы кремлем, детинцем всего города.

Замковая гора невелика: ее верхняя площадка имела всего лишь 35—100 м, и поэтому строения там были расположены довольно тесно, близко друг к другу. Исключительно благоприятные условия археологического исследования позволили проследить основания всех зданий и точно восстановить количество этажей в каждом из них по земляным потолочным засыпкам, рухнувшим вниз во время пожара 1147 г.

Замок был отделен от города сухим рвом, через который был перекинут подъемный мост. Проехав мост и мостовую башню, посетитель замка оказывался в узком проезде между двумя стенами; мощенная бревнами дорога вела вверх к главным воротам крепости, к которой примыкали и обе стены, ограждавшие проезд.

Ворота с двумя башнями имели довольно глубокий тоннель с тремя заслонами, которые должны были преграждать путь врагу. Пройдя ворота, путник оказывался в небольшом дворе, где, очевидно, размещалась стража; отсюда ход вел на стены, здесь же находились помещения с маленькими очагами на возвышениях, для того чтобы мерзнувшие стражники могли около них согреться. Возле очагов было небольшое подземелье с каменным потолком. Слева от мощеной дороги шел глухой тын, за которым было множество клетей-кладовых для всевозможной «готовизны»: тут были и рыбные склады, и «медуши» для вина и меда с остатками амфор-корчаг, и склады, в которых не осталось никаких следов хранившихся в них продуктов. В глубине «двора стражи» возвышалось самое высокое здание замка —

Общий вид Замковой горы в Любече (в процессе раскопок)

башня («вежа»). Это отдельно стоящее, не связанное с крепостными стенами сооружение являлось как бы вторыми воротами и в то же время могло служить в случае осады последним прибежищем защитников, как донжоны западноевропейских замков. В глубоких подвалах любечского донжона были ямы для хранения зерна и воды.

Вежа-донжон была средоточием всех путей в замке: только через вежу можно было попасть в хозяйственный район клетей с готовизной; путь к княжескому дворцу лежал тоже только сквозь вежу. Тот, кто жил в этой массивной четырехъярусной башне, видел все, что делается в замке и вне его; он был своеобразным диспетчером и руководил передвижениями людей в замке — без его ведома нельзя было попасть в княжеские хоромы.

Судя по великолепным золотым и серебряным украшениям, спрятанным в подземелье башни, хозяин ее был богатым и знатным боярином. Невольно на память приходят статьи «Русской Правды» об огнищанине,

главном управителе княжеского хозяйства, жизнь которого ограждена огромным штрафом в 80 гривен (четыре килограмма серебра!). Центральное положение башни в князем дворе олицетворяло место ее владельца в управлении им. Перед огромным княжеским дворцом за донжоном открывался небольшой парадный двор, на котором стоял шатер, очевидно, для почетной стражи; здесь же был потайной спуск к стене, своего рода «водяные ворота».

Дворец представлял собой трехъярусное здание с тремя высокими теремами. Нижний этаж дворца был разделен на множество мелких помещений; здесь помещались печи, жила челядь, хранились запасы. Парадным княжеским был второй этаж с широкой галереей — сенями, где происходили летние пиры, и большой княжеской палатой, украшенной майоликовыми щитами и рогами оленей и туров. Если Любечский съезд князей 1097 г. проходил в замке, то, очевидно, именно в этой палате, где можно было поставить столы примерно на 100 человек.

В замке была небольшая церковь, крытая свинцовой кровлей. Стены замка состояли из внутреннего пояса жилых клеток и более высокого внешнего пояса заборол; плоские кровли жилищ служили боевой площадкой заборол, пологие бревенчатые сходы вели на стены прямо со двора замка. Вдоль стен были вкопаны в землю большие медные котлы для «вара» — кипятка, которым поливали врагов во время штурма. В трех разных точках замка — во дворце, в одной из «медуш» и рядом с церковью — обнаружены глубокие подземные ходы, расходившиеся в разные стороны от замка. В замке, по приблизительным подсчетам, могло проживать 200—250 человек. Во всех помещениях замка, кроме дворца, найдено много глубоких ям, тщательно вырытых в глинистом грунте. Здесь снова вспоминается «Русская Правда», карающая штрафами за кражу «жита в яме». Часть этих ям могла действительно служить для хранения зерна, но часть предназначалась и для воды, так как колодцев на территории замка не найдено. Общая емкость всех хранилищ измеряется сотнями тонн. Гарнизон замка мог просуществовать, не пополняя своих запасов, более года; судя по летописи, осада в XI—XII вв. никогда не велась более шести недель, следовательно,

Любечский замок Мономаха был снабжен всем необходимым с избытком.

Любечский замок был резиденцией черниговского князя и полностью был приспособлен к жизни и обслуживанию княжеского семейства. Ремесленное население селилось вне замка как внутри стен посада, так и за его стенами. Замок нельзя рассматривать отдельно от города.

О таких больших княжеских дворах сообщают летописи. В 1146 г. коалиция киевских и черниговских князей преследовала войска северских князей Игоря и Святослава Ольговичей, и под Новгородом-Северским было разграблено Игореве сельцо с княжеским замком, «иде же бяше устроил двор добре. Бе же ту готовизны много в бретьяницах и в погребех вина и медове. И что тяжкого товара всякого до железа и до меди — не тягли бяхуть от множества всего того вывозити». Победители распорядились грузить все на телеги для себя и для дружины, а потом — поджечь замок.

Любеч достался археологам после точно такой же операции, произведенной смоленским князем в 1147 г.: замок был ограблен, все ценное (кроме запрятанного в тайниках) вывезено, после чего он был сожжен. Таким же феодальным замком была, вероятно, и Москва, в которую в том же 1147 г. князь Юрий Долгорукий приглашал на пир своего союзника Святослава Ольговича.

Наряду с большими и богатыми княжескими замками, археологами изучены и более скромные боярские дворы, расположенные не в городе, а посреди села. Зачастую в таких укрепленных дворах-замках встречаются жилища простых пахарей и много сельскохозяйственного инвентаря — лемехи, плужные ножи, серпы. Советский археолог В. И. Довженок считает, что наличие таких дворов XII в. отражает ту же тенденцию временного закрепощения задолжавших крестьян, что и «Пространная Русская Правда», говорящая о «закупах», пользующихся господским инвентарем и находящихся на господском дворе, под присмотром «рядовича» или «ратайного старосты», откуда они могли уйти только в том случае, если отправлялись к высшим властям жаловаться на боярина.

Вся феодальная Русь представляла собой как бы совокупность нескольких тысяч мелких и крупных фео-

Любеч. Реконструкция замка Владимира Мономаха (XI в.),
по данным раскопок

дальних вотчин: княжеских, боярских, монастырских, вотчин «молодшей дружины», живших самостоятельной, экономически независимой друг от друга жизнью, представляя собой микроскопические государства, мало связанные друг с другом и в известной мере отгороженные от государства Руси. Боярский двор — своего рода столица такой маленькой державы, со своим хозяйством, своим войском, своей полицией и своими неписаными законами.

Княжеская власть в XI—XII вв. в очень малой степени могла объединить эти независимые боярские миры; она вклинивалась между ними, строя свои дворы, организуя погосты для сбора дани и повоза, сажая своих посадников по городам. Но все же Русь была боярской стихией, очень слабо объединенной государственной властью, которая сама постоянно путала государственные понятия с частновладельческим феодальным отношением к своему разветвленному домену.

Княжеские вирники и мечники разъезжали по земле,

Золотые и серебряные вещи из тайника Любечского замка

кормились за счет местного населения, судили, собирали доходы в пользу князя, наживались сами, но в очень малой степени объединяли феодальные замки или выполняли какие-то общегосударственные функции.

Структура русского общества оставалась в основном «мелкозернистой»; в ней яснее всего ощущалось присутствие этих нескольких тысяч боярских вотчин с замками, стены которых защищали не столько от внешнего врага, сколько от собственных крестьян и соседей-бояр, а иной раз, быть может, и от слишком ретивых представителей княжеской власти.

Судя по косвенным данным, княжеское и боярское хозяйства были организованы по-разному. Разбросанные владения княжеского домена не всегда были постоянно закреплены за князем — переход его в новый город, на новый стол мог повлечь за собою изменения в личных вотчинах князя. Поэтому, часто перемещаясь с места на место, князья относились к своим вотчинам как к временным владениям, т. е. стремились побольше взять и с крестьян, и с бояр (в конечном счете тоже

с крестьян), не заботясь о воспроизводстве неустойчивого крестьянского хозяйства, разоряя его. Исполнителям княжеской воли — подъездным, рядовичам, вирникам, мечникам, всем тем «юным» (младшим членам княжеской дружины) — поручался сбор княжеских доходов и передоверялась часть власти самого князя. Безразличные к судьбам смердов и ко всему комплексу хозяйств обьежаемых ими владений (которые для них также были временными), они заботились прежде всего о самих себе и путем ложных, выдуманных ими поводов для штрафов («творимых вир») обогащались за счет крестьян, а частично и за счет бояр, перед которыми они представляли как судьи, как представители главной власти в стране. Быстро разраставшаяся армия этих княжеских людей, чьи действия никем не контролировались, рыскала по всей Руси от Киева до Белоозера. Они должны были привезти князю определенный объем оброка и дани, а сколько они взяли себе, сколько сел и деревень разорили или довели до голодной смерти — никому не было ведомо.

Если князя жадно и неразумно истощали крестьянство посредством личных объездов (полюдья) и при помощи своих вирников, то боярство было осторожнее. Во-первых, бояре не имели такой военной силы, которая позволяла бы им перейти черту, отделяющую обычный побор от разорения крестьян, а во-вторых, боярам было не только опасно, но и невыгодно разорять хозяйство своей небольшой вотчины, которую они собирались передавать детям и внукам. Поэтому боярство должно было разумнее, осмотрительнее вести свое хозяйство, умерять свою жадность, переходя при первой возможности к экономическому принуждению — «кúпе», т. е. ссуде обедневшему смерду, крепче привязывавшей крестьянина, «закупа», к зámку.

Княжеские тиуны и рядовичи были страшны не только крестьянам-общинникам, но и боярам, вотчина которых состояла из таких же крестьянских хозяйств. Один из книжников XII в. дает совет боярину держаться подальше от княжеских мест: «Не имей двора близ княже двора, не держи села близ княже села — тиун бо его яко огонь..., а рядовичи его яко искры; аще от огня устережешься, то от искр не можешь устрещися».

Каждый феодал стремился сохранить в неприкосновенности свое микроскопическое государство — вотчины, и постепенно возникло понятие «заборони», феодального иммунитета, т. е. юридически оформленного договора между младшим и старшим феодалами о невмешательстве старшего во внутренние вотчинные дела младшего. Применительно к более позднему времени — XV—XVI вв., когда уже шел процесс централизации государства, феодальный иммунитет стал явлением консервативным, помогающим сохранить элементы феодальной раздробленности. Но для Киевской Руси иммунитет боярских вотчин был непременным условием нормального развития здорового ядра феодального землевладения — многих тысяч боярских вотчин, составлявших устойчивую основу русского феодального общества.

ВОССТАНИЕ В КИЕВЕ 1068 г.

Летописцы, смотревшие на жизнь из окон монастырской кельи или княжеского дворца, не любили заносить на свои страницы рассказы о мятежах и восстаниях; они считали своей задачей только повествовать о битвах и храбрости воинов. Поэтому о классовой борьбе в эпоху раннего феодализма известно очень мало; из отдельных эпизодических упоминаний летописи нельзя создать даже приблизительной картины. Случайно летопись сохранила рассказ о всенародном выступлении в земле Древлян в 945 г. против князя, нарушившего нормы сбора дани, так как оно закончилось небывалым событием — убийством князя. Случайно, объясняя причины отсутствия князя Ярослава в Киеве, летописец мимоходом сообщил о восстании бедняков в Суздальской земле в 1024 г., во время голода.

Значительно полнее знакомит с социальными конфликтами и с размахом классовой борьбы «Русская Правда». Юридический документ был создан не для того, чтобы донести до потомков сведения о тех далеких временах, а затем, чтобы управлять уже возникшими жизненными явлениями. Особенно примечательны те эпо-

Глиняная посуда смердов

хи, события которых нашли свое отражение и в грозных нормах законов и в скупых словах летописцев. Поэтому особый интерес представляют 1060-е годы и 1113 г. К середине XI в. классовые противоречия обострились прежде всего на самом верху феодальной лестницы, в системе княжеских хозяйств, и именно для княжеского домена была составлена «Правда Русской земли» тремя сыновьями Ярослава Мудрого («Правда Ярославичей»); в ее составлении принимали участие и несколько бояр. Без всяких предисловий в законе трех князей излагаются меры по ограждению жизни княжеских администраторов и неприкосновенности замкового имущества.

«Если убьют огнищанина...» — так начинаются три первых параграфа закона. Убийство огнищанина каралось смертью («во пса место»), если было совершено грабителем; если огнищанин сам кого-то обидел и его убили из мести, то огромным штрафом в четверть пуда серебра; если огнищанина убили разбойники на дороге, то этот же штраф возлагался на всю общину, в которой было найдено его тело. Размер виры за убийство огнищанина, княжьего подъездного, тиуна или конюшенного боярина (80 гривен) равнялся годовой дани с крупной волости и, таким образом, удваивал налоговое бремя для целой округи. Необходимость такой решительной защиты диктовалась, очевидно, тем, что крестьяне, доведенные до крайности, брались за оружие.

Серебряная чара княжеского обихода

Во второй половине XI в. перемещения князей из города в город участились; это неизбежно порождало у них стремление обогатиться покидаемое княжество, не заботясь о будущем крестьян. Усобицы, борьба за богатые столы разоряли народ и увеличивали расходы князей, а следовательно, еще более обостряли их взаимоотношения с крестьянством. Крестьянское земледельческое хозяйство по самой своей природе было неустойчивым. Достаточно было града, засухи или излишних дождей, чтобы тысячи людей целый год голодали. Чем больше

отбирали в такие тяжелые годы у смердов княжеские рядовичи и огнищане, тем большей опасности подвергался последний жизненный резерв деревни — зерно, оставленное на семена. Если поборы были так велики, что возникала угроза семенам, то новый хозяйственный год, независимо от погоды, сулил смердам голодную смерть, и, зная это, крестьяне вынуждены были браться за оружие и вести неравные бои с княжескими подъездными, сельскими старостами и рядовичами, что и потребовало издания специального закона Ярославичами.

Неурожай особенно обостряли все противоречия в деревне и заставляли крестьянство то сопротивляться сборщикам дани, то иступленно обращаться к древним богам и кровавым обрядам. Очень интересен рассказ боярина Яна Вышатича, который был, по всей вероятности, огнищанином одного из Ярославичей и наблюдал в Ростовской земле последствия неурожая; рассказ внесен в летопись под 1071 г., но самые события происходили ранее, в 1060-е годы.

Однажды, во время голода в Ярославле, объявились два кудесника, которые заявили, что могут назвать тех, по чьей вине произошел голод, и в шаманском экстазе указывали на богатых крестьянок: «Эта препятствует рождению жита, эта — меда, рыбы или пушных зверей». При этом кудесники будто бы доставали из-за спины образцы указываемых продуктов — то жито, то рыбу или белку. Предполагаемых виновниц убили, а их имущество волхвы (к которым уже присоединилось около 300 человек) забрали себе. Когда все они дошли до Белоозера, то вступили в бой с Яном Вышатичем, но были разбиты им. Волхвы были выданы Яну, но потребовали, чтобы их судил сам князь Святослав Ярославич. Ян после споров с волхвами о сущности языческой религии передал их родственникам убитых, и те отомстили кудесникам, отдав их на съедение медведю.

В этом рассказе сквозь мрачную романтику колдовского ритуала проглядывает социальная сущность событий: во время голода бедные смерды, возглавляемые волхвами, обвиняли в колдовстве богатую часть населения погостов, чтобы затем конфисковать их имущество. Это не было движением против феодальных порядков

Золотые ворота Киева. Реконструкция

вообще, а лишь борьба за перераспределение жизненных запасов. Княжеский посланец встал, естественно, на сторону «лучших людей». Попытка восставших зарубить Яна топором могла бы подвести всю Белозерскую округу под тяжелую 80-гривенную виру, полагающуюся по «Русской Правде» за убийство огнищанина «в разбое».

В 1060-е годы летописец усиленно обращает внимание на разнообразные «знамения», все время повторяя, что они предвещают недоброе. В разных местах, то на Белоозере, то в Новгороде, то в самом Киеве, появляются язычники-волхвы, предрекающие несчастья. Очевидно, сильные неурожайи были не только в Поволжье, так как киевский летописец написал целое сочинение о том, как важно для установления хорошей погоды молиться христианскому богу, а не языческому.

В довершение всего в 1068 г. на Русь обрушились полчища половцев во главе с ханом Шаруканом. Трое Ярославичей, трое составителей «Русской Правды» — Изяслав, Святослав и Всеволод — бежали от половцев, проиграв битву на реке Альте.

Киевляне, участники ополчения, которое было разбито Шаруканом, понимали опасность половецкого

вторжения в глубь Руси и стремились продолжать борьбу, но для этого у них не было ни оружия, ни коней. На торговой площади на Подоле, вдали от княжеской крепости, 15 сентября 1068 г. собралось народное вече, на котором было решено организовать поход против половцев и отправить посланцев к великому князю Изяславу. Они заявили князю: «Вот половца хозяйничают в нашей земле... Так дай же, князь, нам оружие и коней и мы снова будем биться с ними!» Недальновидный князь отказал представителям народа в их такой естественной просьбе. Трудно сказать, чем был вызван этот отказ — может быть, слишком много окрестных смердов вошло в ворота Киева в поисках убежища, и князь боялся, что его кони попадут в руки крестьян, разоренных войной, может быть, князь не хотел открыть свой арсенал киевлянам, не одобрявшим княжеской политики усабиц.

Только за год до нашествия Шарукана Изяслав вместе с братьями жестоко расправился с полоцким князем Всеславом. Эти братья, пишет летописец, взяли Минск и изрубили всех мужчин, а женщин и детей увели в рабство («взяша на щит»). Князя Всеслава разбили в сражении, но потом Ярославичи решили с ним примириться, поклялись на кресте, что не сделают ему никакого зла. Когда же Всеслав Полоцкий, надеясь на торжественную клятву родичей, приехал к Изяславу в его лагерь под Оршей, то был тут же в присутствии великого князя вероломно схвачен и вместе с двумя сыновьями перевезен в Киев. В Киеве Всеслав Брючиславич содержался в «порубе», особо строгой тюрьме без дверей, лишь с маленьким оконцем для передачи пищи; построен был поруб где-то поблизости от княжьего двора; это сооружение целый год могло напоминать киевлянам о лукавстве их князя Изяслава.

Заключенный князь Всеслав пользовался народными симпатиями; за ним закрепилась слава стремительного и удачливого полководца, как бы по колдовству перенесившегося с места на место и бравшего смелостью и пронизательным умом то Новгород на севере, то Тмутаракань на юге. О Всеславе — «Волхве Всеславиче» — были сложены народные былины, о нем с большим сочувствием говорит автор «Слова о полку Игореве», восхищаясь его смелой душой и сожалея о тех бедах,

которые выпали на его долю. Всеслав изображается то серым волком, который за одну ночь пробегает расстояние от Киева до Черного моря, то волшебником, который слышит в Киеве звон полоцких колоколов, то рысью, исчезающей из осажденной крепости в синей полуденной мгле. Князь-волхв, князь-оборотень, каким он рисуется в летописях и песнях, владел умами людей XI в., и, может быть, не случайно летописец Никон предпослал рассказу о киевском восстании 1068 г. пространные рассуждения о вреде язычества. Можно предположить, что полоцкий князь, враждуя с тремя Ярославичами, опирался на недовольство народа ими, поддерживал народные языческие верования и обряды, под прикрытием которых проявлялось тогда классовое недовольство, как, например, во время голода в Ярославле и при битве у Белоозера. Если это так, то еще понятнее становятся и симпатии киевлян к томящемуся в порубе князю-чародею, и недоверие великого князя Изяслава к киевскому народу, боязнь выдать ему оружие и коней.

События 15 сентября развивались далее: узнав об отказе Изяслава, вече стало обсуждать действия воеводы Коснячки (Константина), одного из авторов «Правды Ярославичей». Народ решил, очевидно, наказать этого вельможу и прямо с вече двинулся на киевскую гору в крепость. Это было уже восстанием против князя. Восставшие пришли на воеводский двор, но самого Коснячку не нашли. Тогда они разделились на две части — одни отправились освобождать каких-то своих друзей («дружину») из тюрьмы, а другие пошли через мост прямо на княжеский двор. Тюрьма, куда была заключена дружина, находилась около дворца Брячислава (вероятно, отца Всеслава Брячиславича). Полный недомолвок рассказ летописца можно понять приблизительно так: еще до восстания 15 сентября какая-то часть киевлян или близких к киевлянам полочан (из окружения старого Брячислава или молодого Всеслава) была арестована князем Изяславом и заперта в погребу близ киевской резиденции полоцких князей. Восставший народ решил: «Пойдемте, освободим дружину свою из погреба!», — и погреб был открыт.

В это время двор перед великокняжеским дворцом уже был запружен народом, спорившим с князем. Изя-

слав, окруженный боярами, смотрел из оконца галереи на толпу, а боярин Туки, брат Чудины, советовал ему усилить стражу около Всеслава поруба: «Видишь, князь, — люди взвыли!» Очевидно, придворные бояре уже знали о симпатиях киевлян к Всеславу и советовали предотвратить освобождение опасного узника. Как раз в это время во дворе появилась та половина восставших киевлян, которая освобождала «свою дружину» из погреба. Бояре сказали князю: «Дело плохо. Пошли стражу к порубу Всеслава — пусть его обманом подзовут к оконцу и убьют, пронзив мечом». Князь не решился на этот шаг, а народ с криком бросился к порубу Всеслава. Едва увидев это, великий князь и его брат Всеволод бежали из Киева. Изяслав уехал в Польшу и там на золото и серебро великокняжеской казны нанимал войско для отвоевания престола.

Восставший народ разрубил сплошные стены поруба и освободил князя Всеслава «и прославиша и среде двора княжа» — т. е. его провозгласили великим князем взамен бежавшего Изяслава.

Семь месяцев княжил народный избранник в Киеве, но о его деятельности известно очень мало, так как летопись князя Всеслава дошла до нас в незначительных фрагментах.

Автор «Слова о полку Игореве» говорит, что, добившись киевского престола, как сказочный герой,

Всеслав князь людям судяше,
Князем грады рядяше,
А сам в ночь волком рыскаше
Из Кыева дорискаше до кур. Тмутороканя,
Великому Хорсови волком путь прерыскаше.

Придворный певец XI в. Боян отрицательно отнесся к ставленнику восставшего народа: «Как бы ни был искусен и удачлив он, какой бы успех ни предрекало гадание на птицах — но божьего суда ему не миновать!»

Но автор «Слова», насквозь проникнутый народными воззрениями, взял под защиту Всеслава, воспел его как эпического героя и даже своим современникам ставил его в пример.

Киевский летописец скрыл истинный характер событий 1068 г. Так, например, он умолчал о таком из

ряда вон выходящем эпизоде, происшедшем в Киеве в том же 1068 г., как убийство своими холопами новгородского епископа Стефана. А это косвенно указывает на размах народного движения в то время. Социальное снова переплеталось с религиозным — новгородские холопы, удавившие своего господина, главу новгородской церкви, нашли подражателей: в 1069—1070 гг. против преемника Стефана, епископа Федора, выступил в Новгороде какой-то языческий жрец-волхв. «И бысть мятежь в граде и вси яша ему (волхву) веру и хотяху побити епископа Федора». Только решительные действия князя Глеба, собственноручно зарубившего волхва топором, подавили мятеж.

В 1071 г. какой-то языческий пророк появился в Киеве и предрекал от имени пяти языческих богов большие перемены в жизни Киевской Руси и Византии.

Все это говорит о напряженности положения, о брожении народных масс, в частности, о ненависти к феодальной церкви, и о надеждах на исконную народную языческую веру. Народ везде поддерживал волхвов, верил им, шел за ними. Как и в Западной Европе, на Руси классовая борьба выступала нередко под религиозной оболочкой. Смысл классовой борьбы был все же не в возврате к старым формам первобытного строя. Классовая борьба была направлена не против феодализма как формации, а лишь против неумеренных поборов. Несметные богатства Изяслава, поражавшие воображение королевских дворов Европы, были созданы, очевидно, путем неслыханной эксплуатации народа, переходившей грани разумного. Неурожаи и нашествия кочевников окончательно подрывали крестьянское хозяйство и ставили под угрозу его нормальное воспроизводство. Возврат к язычеству был актом отчаяния перед лицом стихийных бедствий, а убийства огнищан и рядовичей, изгнание одного князя и замена его другим — это были акты действительной защиты своих прав, своего хозяйства, своего существования не как бесправного холопа, а как непосредственного производителя, владеющего своей крестьянской усадьбой или ремесленной мастерской.

Народные восстания вызывали феодальную реакцию. Изяслав, вернувшись в Киев, при поддержке польских войск перевел торг, на котором собралось вече

15 сентября 1068 г., из демократического Подола на Гору, в непосредственное соседство с княжескими и боярскими дворами. Сын Изяслава (будто бы без ведома отца) зверски расправился с киевлянами: 70 человек, участвовавших в освобождении Всеслава, он казнил, а другим выколол глаза и «без вины погуби, не испытывав».

Народ продолжал борьбу — в селах, куда Изяслав поместил на прокорм войска поляков-интервентов, их тайно избивали и заставили в конце концов покинуть Русь.

«Правду Ярославичей» с ее жестокими нормами охраны княжеского хозяйства нередко связывают со съездом князей в Киеве в 1072 г. по случаю перенесения гробов Бориса и Глеба в новую церковь в Вышгороде. Но в «Правде Ярославичей» нет никакого отражения тех неслыханных событий вроде изгнания князя и разгрома княжеского дворца и тюрем, которые происходили в сентябре 1068 г. Нет ни одного слова о волхвах, так часто упоминаемых летописью в 1065—1071 гг., нет совершенно данных о городе. Очевидно, «Русская Правда» создавалась до этих событий как противодействие стихийным повсеместным выступлениям народа против княжеской администрации с ее «творимыми вирами», как ответ на борьбу народа.

И в восстании 1068 г. в центре столицы Руси стояли друг против друга — народ, заполнивший двор перед дворцом, полный решимости с оружием в руках отстаивать свою независимость и от половцев, и от княжеских вирников, и феодальная знать во главе с князьями, с ужасом сквозь оконце галереи дворца наблюдавшая за разбушевавшейся народной стихией.

Среди бояр и князей, противостоявших в тот день народу, было несколько авторов «Русской Правды»: князь Изяслав и Всеволод, воевода Коснячко, едва избежавший народного гнева, и Чудин, брат которого советовал предательски убить Всеслава. На сохранный летописцем картине восстания очень символично противостоят друг другу составители грозного феодального закона и те простые люди, которые должны были подчиниться этому закону.

КНЕВСКАЯ
РУСЬ
НА ГРАНИ
ДВУХ ВЕКОВ
И ДВУХ ЭПОХ

КНЯЗЬЯ «ГОРИСЛАВИЧИ» И КИЕВСКОЕ ВОССТАНИЕ 1113 г.

Автор «Слова о полку Игореве», блестящий поэт и умный историк, умел проникать мысленным взором в далекие от него времена и находить там материал для сопоставления с современностью. Безусловно интересен экскурс в XI в., где поэт выделил две контрастных фигуры — Всеслава Брючиславича Полоцкого и Олега Святославича Черниговского. На противопоставлении этих двух князей построены все его исторические взгляды. Всеслав, герой народного восстания 1068 г., воспет в приподнятых, эпических тонах, в духе народных былин о молодом отважном и мудром князе-чародее, а Олег, родоначальник целой династии хищных Ольговичей, приятель половецких ханов и зачинщик усобиц, обрисован в «Слове» мрачными тонами:

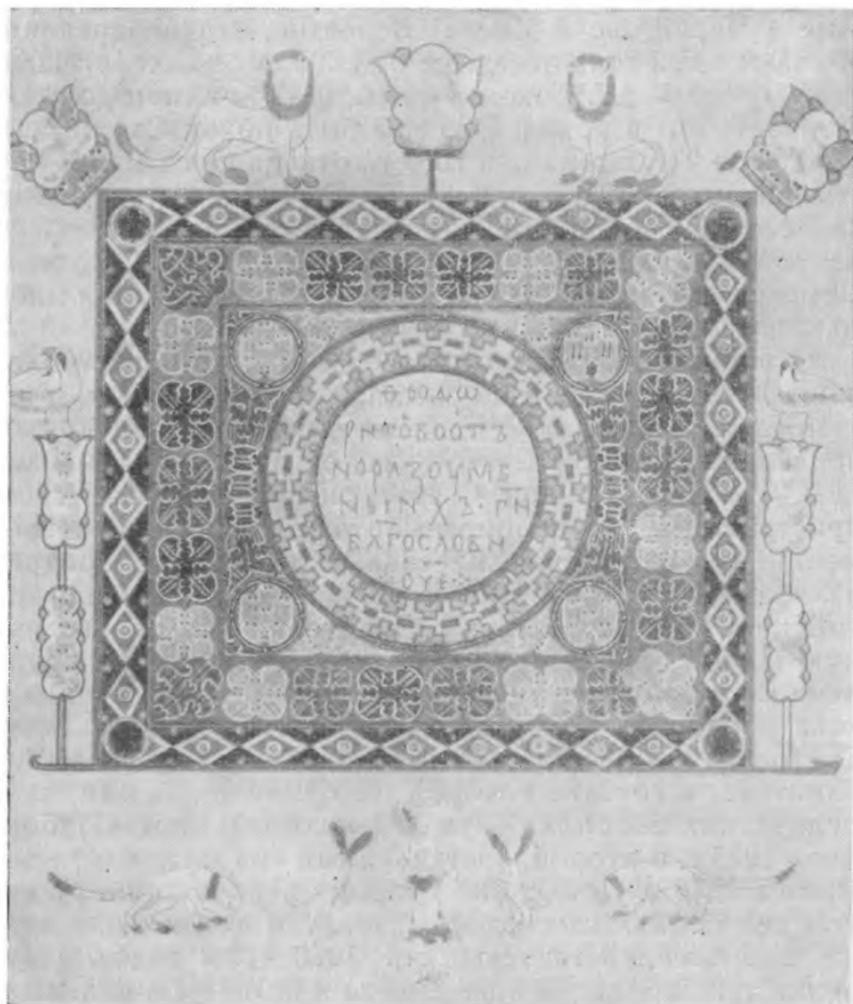
Той бо Олег мечем крамолу коваше
И стрелы по земли сеяше

. . . . .

Тогда, при Олезе Гориславичи
Сеяшется и растяшеть усобицами,
Погибашеть жизнь даждьбожа внука.
В княжих крамолах
Веци человеком скратишась.
Тогда по Руской земли
Редко ратаеве кикахуть,
Но часто врани граяхуть,
Трупия себе деляче...

Смелая правдивость поэта-публициста становится особенно яственной, если вспомнить, что эти обличительные строки писались при родном внуке Олега, великом князе Святославе Всеволодиче. Олег Святославич, получивший печальное прозвище «Гориславича», олицетворил большую плеяду князей XI — начала XII в., заботившихся прежде всего о личной наживе, начинавших войны ради захвата богатых городов, пренебрегавших интересами народа. К ней следует отнести и великого князя Всеволода Ярославича и сменившего его Святополка Изяславича, доведшего киевлян до нового восстания в 1113 г.

Рассмотрим повнимательнее дела и замыслы того князя, которого еще автор «Слова о полку Игореве» выбрал для показа потомству как отрицательного героя. Олег был внуком Ярослава Мудрого и сыном Святослава Ярославича. Его отец, владевший богатым Черниговским уделом и собиравший дань вплоть до самого Белоозера, был обладателем больших сокровищ, но держал их в своей казне, не оделяя ими приближенных. Он был беззастенчив в достижении своих целей и, по выражению летописца, «положил начало свержению братьев с княжеских престолов». В свое время Святослав участвовал в коварном обмане Всеслава Полоцкого, а в 1073 г. он посягнул и на родного брата, простоватого Изяслава. Только год тому назад, в 1072 г., в Вышгороде все трое Ярославичей мирно пировали за одним столом, празднуя память своих родных дядей — святых Бориса и Глеба, канонизованных как раз ради того, чтобы «утишить» усобицы, а Святослав вскоре составил заговор с Всеволодом и выгнал старшего брата Изяслава из Киева, сам сев на его место. Таков был отец; о его сыновьях в молодости известно мало — не ясно даже, когда они родились, как жили при отце. До нас не дошла не только Черниговская летопись Святослава, но даже и летопись тех трех лет (1073—1076 гг.), когда он был великим князем Киева. Впервые со всем семейством Святослава нас знакомит великолепная энциклопедия, известная под названием «Изборника Святослава» 1073 г. В книгу был вложен лист с миниатюрой, изображающей все княжеское семейство: впереди сам Святослав Ярославич в княжеской шапке и парчевом плаще с книгой в руках, рядом его жена с маленьким сыном Ярославом, а далее толпятся четверо взрослых сыновей — Глеб, Олег, Давыд и Роман. Сыновья — с бородами; они родились, вероятно, еще при жизни деда, в 1050-х годах, и ко времени составления «Изборника» выходили на самостоятельную дорогу. Старший, Глеб, уже прославился тем, что в Новгороде собственноручно зарубил волхва топором. В подписи к семейному портрету Святослав обращался к богу с изречением из псалтыри: «Не оставь, господи, без внимания стремлений моего сердца! Но прими нас всех и помилуй!» Старый князь хорошо знал сложность человеческих отношений и мог предугадать тяжелую судьбу своих сыновей, продолжавших интриги и коварные дела отца.

Заставка «Изборника Святослава» 1073 г.

Глеб Святославич был убит далеко в Заволочье, за Северной Двиной, вероятно, при сборе дани, как его прапрапрадед Игорь. Роман, воспетый Бояном, приво-
дил половцев на Русь и пытался взять Воинь, погранич-
ную русскую гавань-крепость для днепровских судов;
он был убит своими вероломными союзниками где-то в
степях:

И суть кости его и доселе тамо лежаше
Сыне Святослава, внука Ярослава...

Как мог воспитываться молодой княжич Олег при отце в Чернигове и Киеве? Вероятно, его по древним обычаям в три года посадили на коня, в семь лет начали учить грамоте, а отроком в двенадцать лет отец должен был взять его в поход. Это мог быть поход Святослава в далекую Тмутаракань в 1066 г., откуда князь-изгой Ростислав выгнал Олегова брата Глеба, а мог быть и поход на Всеслава Полоцкого, во время которого Ярославичи изрубили всех мужчин побежденного Минска. Во всяком случае, у княжича Олега прошло перед глазами много кровавых событий.

О войнах и битвах, о заговорах и клятвопреступлениях Олег мог знать и по былинам своего времени, и по «замыслению Бояню»: прославленный поэт XI в. был придворным певцом Святослава; он воспел брата Олега — «красного Романа Святославича»; он давал свои пристрастные, тенденциозные характеристики современникам Олега вроде Всеслава, которому он предрекал божий суд. Олег мог читать и летопись, и византийскую хронику Георгия Амартола, уже переведенную к этому времени на русский язык. Один из крупнейших летописцев тех лет — Никон Великий, основатель монастыря в Тмутаракани, был близок к князю Святославу. В распоряжении Олега была отцовская библиотека, в составе которой находились два энциклопедических сборника — уже знакомый нам «Изборник» 1073 г. и второй, составленный «из мног книг княжих» в 1076 г. Последний сборник весь проникнут духом тех социальных конфликтов, которыми была полна русская действительность 1060—70-х годов. Поучения «Изборника» обращены то к богатым и сильным, то к убогим. Бедным и слабым внушались покорность и смирение («ярем мой благ есть и бремя мое легко»), им нужно «послушливу быти до смерти, тружатися до смерти». А богатым и знатым рекомендовалось, во-первых, бояться князя («князя бойся всею силою своею»), а во-вторых, не раздражать сверх меры бедных («...не разгневай мужа в нищете его») и, по возможности, смягчать социальные контрасты: «Сидящу ти в зиму в тепле хранине и без боязни изнажившуся, вздохни, помыслив о убогих, како клячат над малом оганьцем скорчившеся, большу же беду очима от дыма имуще...» Все это было навеяно классовыми битвами 1060-х

годов. Составитель «Изборника» советовал своим читателям скрывать свои мысли и надежно хранить тайны. В эту эпоху, когда некоторые вопросы решались ударом ножа подосланного убийцы, читателя предостерегают: «Не всякого человека введи в дом свой — блюди-ся злодея».

«Изборники» были нужны для того, чтобы князь мог иметь под рукой афоризмы на все случаи жизни и, не роясь в книгах, блеснуть остроумием и начитанностью, чтобы князь мог мудрость «изметь, как сладкий мед из уст своих перед боярами».

Олег и его братья, читая подобную литературу, приучались к лицемерию, к показной благовоспитанности, приучались постоянно носить маску благодетеля, будто бы заботящегося о нищих и убогих. Всей своей дальнейшей жизнью Олег показал, что он не собирался следовать некоторым советам; в «Изборнике» 1073 г. составитель дьяк Иоанн приписал от себя: «Оже ти собе не любо, то того и другу не твори». Олег «Гориславич» начал свою карьеру с отрицания этого благородного тезиса. Впервые Олег упомянут летописью в 1073 г., когда он получил от отца в удел далекую Ростовскую землю, где незадолго до этого Ян Вышатич усмирлял восстание смердов князя Святослава. В 1076 г. Олег вместе с Владимиром Мономахом (своим двоюродным братом) был послан в Польшу воевать против чешского короля Вратислава.

Для понимания неустойчивости судеб русских земель в эту эпоху достаточно взглянуть на историю соседнего с Киевом Чернигова: в 1073—1076 гг. там княжил Всеволод, отец Мономаха; с 27 декабря 1076 г. по 4 мая 1077 г. в Чернигове сидел Владимир Мономах. Его выгнал оттуда двоюродный брат Борис Вячеславич, продержавшийся в Чернигове всего лишь восемь дней! В июле 1077 г. здесь снова княжил Всеволод, а при его дворе жил его племянник Олег. Честолюбие Олега не позволило ему оставаться на положении вассала, и он неожиданно бежал в 1078 г. из Чернигова в Тмутаракань, где его ждали и неудачливый Борис Вячеславич и брат Роман. Войдя в союз с половецкими ханами, «приведе Олег и Борис поганые на Русьскую землю». С помощью половцев Олег на 39 дней стал князем Чернигова, выгнав родного дядю. Но новая битва на Нежа-

тиной ниве 3 октября 1078 г., во время которой были убиты и Борис и вступившийся за Всеволода великий князь Изяслав, заставили Олега снова скакать в Тмутаракань. На этот раз он бежал без войск и без надежд. Богатый портовый город оказался ненадежным убежищем. Половцы убили Олегова брата, а хазары схватили самого Олега и увезли его в Константинополь. В Чернигове же еще раз сменился князь — там вторично стал княжить Владимир Всеволодич.

Четыре года провел Олег «Гориславич» в Византии. Из них два года он прожил на большом и богатом острове Родосе, близ Малоазийского побережья. Молодой князь женился в изгнании на знатной гречанке Феофании Музалон и, очевидно, перестал быть пленником. В 1083 г. Олег вернулся в Тмутаракань, жестоко расправился с хазарами и выгнал двух второстепенных князей, незадолго перед этим захвативших город; один из них, Давыд Игоревич, начал разбойничать на Черном море и отобрал все товары у купцов в устье Днепра.

Запись 1068 г. на мраморной плите об измерении Керченского пролива от Тмутаракани (Тамань) до Корчева (Керчь) князем Глебом Святослави-
чем

Деревянная бирка сборщика княжеских пошлин (емца). Надпись: «Ема 3 гривны»

Десять лет прокняжил Олег в Тмутаракани, вдали от Руси. Его имя не встречалось за эти годы в летописях, но едва ли жизнь в многонациональном приморском городе была тихой,— известно, как быстро менялись здесь князья, как применялись здесь для устранения соперников коварные византийские приемы вроде чаши вина, отравленного ядом, скрытым под ногтем подносившего ее.

На Руси в это время снова обострялся социальный кризис; великокняжеская власть широко использовала право суда и сбора вир для непомерного обогащения. Многочисленная армия младших дружинников («уных») разъезжала по стране, собирая правые и неправые штрафы, обогащаясь сама и разоряя народ. Великий князь Всеволод, пренебрегая советами «смысленных» знатных бояр, совещался с этими «юными», которые помогали пополнять его казну. Княжеские тиуны «начаша грабити люди и продаяти». Положение обострялось постоянными усобицами князей: племянники Всеволода требовали у него то одной волости, то другой и по любому поводу брались за оружие или для того, чтобы воевать в

открытом поле, или для того, чтобы исподтишка вонзить саблю в опасного соперника, как это было с Ярополком Изяславичем, заколотым подосланным убийцей. Князья слишком бесцеремонно пользовались своим могуществом, мир с половцами позволял им обращать его против народа. Слабые князья непрерывно интриговали друг против друга и разоряли Русь своими усобицами. К внутренним противоречиям добавились внешние факторы: в 1092 г. была страшная засуха, «земля была, как выжженная, леса и болота загорались сами». Вспыхивали эпидемии то в Полоцкой земле, то в Киевской, где число умерших исчислялось тысячами.

Социальный кризис, обостренный этими внешними обстоятельствами, мог вылиться в восстание не в 1113 г., а на 20 лет раньше, но этому помешал еще один внешний фактор — новое грозное наступление половцев на Русь, может быть тоже связанное как-то с ухудшением жизненных условий в степях и попыткой половецких ханов выйти из кризиса за счет ограбления Руси. В том же засушливом 1092 г. «рать велика бяше от Половецъ отовсюду». Половцы штурмовали пограничную линию по Суле и захватывали русские села как на левом, так и на правом берегах Днепра. В этой обстановке умер в 1093 г. одряхлевший и больной князь Всеволод, последний из Ярославичей. Открылась широкая возможность борьбы за великокняжескую власть — каждый из Ярославлих внуков считал себя претендентом на киевский престол. В Киев в это время прибыл к больному отцу Владимир Мономах, но он будто бы добровольно, не желая усобиц, отказался от великого княжения и ушел в свой Чернигов. Однако дело обстояло, очевидно, далеко не так, как это обрисовал впоследствии придворный летописец Мономаха: ведь со Святополком, своим двоюродным братом, Владимир ссорился и воевал с первых же дней его вокняжения и на них обоих прикрикнули киевские знатные бояре: «Почто вы распря имата между собою, а погании губять землю Русьскую?»

Боярские взгляды отражает и та часть летописи, где возводятся обвинения на Всеволода, возлюбившего окружение «юных» и пренебрегшего советами «смысленных», т. е. знатных. Боярскую оппозицию возглавлял уже знакомый нам по восстанию 1071 г. богатый боярин Ян Вышатич. Недовольное политикой Всеволода киев-

ское боярство, очевидно, не захотело посадить в Киеве его сына Владимира Мономаха. Приглашен был Святополк, незначительный князь из Турова, но и он не оправдал надежд. Плохой полководец, неумелый политик, заносчивый, жадный до денег, подозрительный и жестокий, он быстро настроил всех против себя и своей политикой еще больше способствовал углублению кризиса.

В 1093 г. половцы жестоко разбили русские войска под Трипольем и дошли до предместий Киева; Святополк убежал с поля боя лишь с двумя спутниками.

Половцы хозяйничали во всей Южной Руси, «пожигая села и гумна». Современник тех событий с ужасом писал: «Все города и села опустели. Пройдем по полям, где раньше паслись стада коней, овец и волков,— мы увидим все бесплодным; нивы поросли бурьяном, и только дикие звери живут там».

Половцы берут в рабство население сел и городов «и ведут в свои юрты к родичам множество народа христианского, людей, страдающих, печальных, подвергаемых мученьям, оцепеневших от холода, мучимых голодом и жаждой, с распухшими лицами, почерневшими телами, воспаленным языком, бредущих по чужой стране без одежд, босиком, обдирая ноги о колючие травы...»

В этих условиях киевское боярство стремилось укрепить великокняжескую власть, предотвратить новые усобицы и устранить опасность небывалого половецкого натиска, угрожавшего всем слоям и классам Руси от бедного смерда до князя. Вотчины многих киевских бояр были расположены в черноземной лесостепной полосе, которая стала ареной хищнических наездов половцев, и это делало «смысленных» особенно воинственными. Их патриотизм не был бескорыстным, но объективно позиция боярства в тех конкретных условиях наиболее отвечала общенародным интересам, так как половецкий грабеж, сопровождавшийся сожжением сел, убийством и угоном в рабство, был, разумеется, страшнее конфликтов смерда или закупа с господином.

А князья-«гориславичи» между тем продолжали сводить династические и личные счеты, не считаясь с интересами родной земли и своего народа.

В 1094 г. великий князь Святополк, заигрывая с могущественным половецким ханом Тугортканом, выдал

за него свою дочь, но это не спасло Киев от половецкой угрозы.

Олег Святославич, оттесненный при Всеволоде в далекую Тмутаракань, теперь решил использовать тяжелый для Руси момент: снова, как и шестнадцать лет назад, он шел на Русь во главе половецких полчищ.

Осадив Мономаха в Чернигове, он сжег все предместья и монастыри, взял город, а половцев распустил грабить всю Черниговскую землю. Это было своеобразной платой за их военную помощь. Современники возмущались корыстными действиями Олега: «Вот уже в третий раз натравливает он этих язычников-половцев на Русскую землю... Много христиан (русских) изгублено, многие уведены в рабство в далекие земли...»

Владимир Мономах очень красочно описывал, как двоюродный брат выгнал его из Чернигова; после упорных восьмидневных боев, желая уберечь горожан от истребления, Владимир уступил город Олегу, «и вышел я из Чернигова на день святого Бориса (24 июля 1094 г.) и ехал сквозь полки половецкие лишь с сотней дружины с детьми и женами. А половцы, стоявшие у перевоза и на горах, облизывались на нас, как волки...»

В последующие три года Олег Святославич укрывал у себя половецких ханов, уклонялся от общерусских походов на половцев и явно показывал свое расположение к этим врагам Руси. Святополк и Мономах пригласили его в Киев для решения вопросов обороны Руси, но «Гориславич» ответил им крайне высокомерно, и в Киеве поняли, что князь Олег не променяет дружбу с ханами на союз с русскими князьями. Началась война против Олега. Он бежал из Чернигова в Стародуб, потом в Смоленск, а оттуда, изгнанный смолянами, в Рязань, Муром. Пока сам Мономах отражал на юге натиск Тугорткана и Боняка, его сыновья яростно сражались с Олегом, начавшим бесчинствовать в Северо-Восточной Руси. Трехлетняя усобица завершилась тем, что Олег явился на княжеский съезд в Любече в ноябре 1097 г.

Город Любеч, из которого вел свой род Владимир I, был, во-первых, родовым гнездом всех русских князей, а во-вторых, он уже принадлежал Олегу и сюда не зазорно было явиться на княжеский съезд.

На Любечском съезде был провозглашен принцип династического разделения Русской земли между раз-

личными княжескими ветвями при соблюдении ее единства перед лицом внешней опасности: «Отселе имемся в едино сердце и блюдем Русьские земли. Кожьдо да держит отчину свою...» Но эти слова были основаны не на реальных интересах отдельных земель, не на действительном соотношении сил. Князья делили Русь на куски, сообразуясь со случайными границами владений сыновей Ярослава. Княжеские съезды не были средством выхода из кризиса. Благородные принципы, провозглашаемые в живописном днепровском городке, не имели гарантий и оказались нарушенными через несколько дней после торжественного целования креста в деревянной церкви Любечского замка.

Во всех подробностях известны события, развернувшиеся в 1097—1099 гг. после Любечского съезда, так как Мономах, враждуя со Святополком, позаботился о составлении почти протокольных описаний заговоров, тайных союзов, кровавых расправ своего соперника. Князь-пират Давыд Игоревич убедил Святополка в том, что будто бы Василько Ростиславич Теремовский вошел в заговор с Мономахом против него. Люди Святополка схватили Василька, выкололи ему глаза. Началась длительная, полная драматических эпизодов усобица. Мономах, примирившись с Олегом, выступал против Святополка. В усобицу были втянуты и Польша, и Венгрия, и Половецкая земля, и десятки русских князей и городов. Завершилась она в 1100 г. княжеским съездом в Уветичах (Витчеве), где судили князя Давыда, «ввершего нож» в среду князей; обвинителем, во всеоружии летописных записей, выступал Владимир Мономах.

Князь Олег «Гориславич» к этому времени поутих. Он был уже отцом взрослых сыновей, Ольговичей, которые в XII в. снискали себе плохую славу таких же авантюристов, как и их отец. Его старший сын Всеволод, пьяница и распутник, прославился в молодости разбойничьими набегами на мирное население и даже попал в былины как отрицательный герой («Чурила»). Младший сын, Святослав, женатый на половчанке, продолжал, как и его отец, приводить на Русь половецкие отряды своих степных родичей. А средний сын, Игорь, любитель книг и церковного пения, неудачный продолжатель отцовской политики, был в конце концов убит разъяренным киевским народом, видевшим в нем олицетворение

той печальной поры, когда «в княжьих крамолах вещи человеком сократишася».

Олег Святославич умер в 1115 г. в Чернигове. За три месяца до смерти беспокойный князь начал распрю с Мономахом относительно места саркофагов Бориса и Глеба в новой вышгородской церкви. После его смерти родовое имя его сыновей и внуков — Ольговичи — надолго стало символом беспринципных усобиц, кровавых дел и вероломных клятвопреступлений.

Мы проследили от начала и до конца судьбу одного из князей-разорителей Руси. Прозвище «Гориславич», данное автором «Слова о полку Игореве», полностью подтверждено всеми делами Олега Святославича. Но он был не одинок, он был типичен для той эпохи.

Второй печальной фигурой русской истории рубежа XI—XII вв. был великий князь Святополк Изяславич, с которым отчасти мы уже знакомы. Историк В. Н. Татищев, сподвижник Петра Великого, сохранил любопытную характеристику этого князя, почерпнутую им из не дошедших до нас источников:

Сей великий князь был ростом высок, сух, волосы черноваты и прямы, борода долгая, зрение острое. Читатель был книг и вельми памятен... К войне не был охотник и хотя на кого скро осердился, но скоро запамятовал. При том вельми сребролюбив был и скуп...

Последние слова характеристики подтверждаются многими источниками. Князь Святополк изыскивал любые способы обогащения казны. Его сын пытками вынуждал монахов указывать места зарытых сокровищ. Сам Святополк изобретал новые налоги; введенный им соляной налог был очень тяжел для народных масс и вызвал возмущение. Вопреки ожиданиям киевского боярства, Святополк не сумел оградить Русь от половцев и только разорял ее лишними войнами. Как только он умер, в Киеве тотчас же вспыхнуло народное восстание.

17 апреля 1113 г. Киев разделился надвое. Киевская знать, те, кого летописец обычно называл «смысленными», собралась в Софийском соборе для решения вопроса о новом князе. Выбор был широк, князей было много, но боярство совершенно разумно остановилось на кандидатуре переяславского князя Владимира Мономаха.

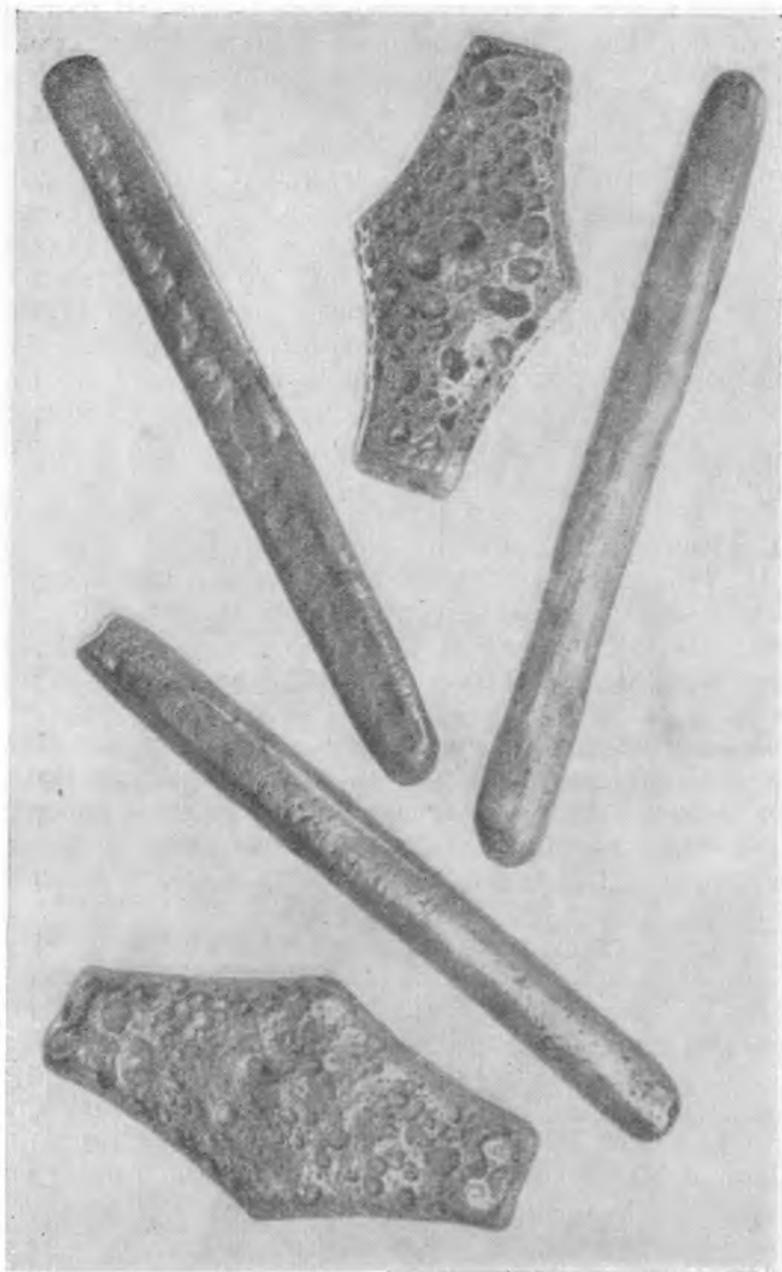
В то время, пока боярство внутри собора выбирало великого князя, за его стенами уже бушевало народное восстание. Народ, разгневанный финансовой политикой Святополка, взял с бою дворец крупнейшего киевского боярина, тысяцкого Путяты Вышатича (брата Яна) и разгромил дома евреев-ростовщиков, которые пользовались какими-то льготами великого князя. В разгар восстания боярство послало гонцов к Мономаху с просьбой ускорить его приезд в Киев: «Князь! Приезжай в Киев! Если ты не приедешь, то знай, что произойдут большие несчастья: тогда не только Путятин двор или дворы сотских и дворы ростовщиков будут разгромлены народом, но пойдут и на вдову покойного князя, твою невестку, и на всех бояр, и на монастыри. Ты, князь, будешь в ответе, если народ разграбит монастыри!»

Восстание бушевало четыре дня, пока в Киев не прибыл Мономах. Советские историки Б. Д. Греков и М. Н. Тихомиров справедливо полагают, что восстание не ограничилось только городом, но охватило и те многочисленные боярские и княжеские вотчины, которые широким полукругом располагались в лесостепи на юг от Киева.

Восстание несомненно имело успех, так как Владимир немедленно издал новый закон — «Устав Володимерь Всеволодича», облегчающий положение городских низов, задолжавших богатым ростовщикам, и закрепощенных крестьян-закупов, попавших в долговую кабалу к боярам.

Новому уставу, дополнявшему и изменявшему «Правду Ярославичей», был придан общерусский характер. «Устав Владимира» составляла целая комиссия: новый киевский тысяцкий Ратибор, старый боярин, служивший еще Всеволоду, белгородский тысяцкий Прокопий, перяславский тысяцкий Станислав, представитель Олега Черниговского Иван Чудинович и еще два боярина — Нажир и Мирослав. Возглавлял комиссию новый, великий князь Владимир II Мономах, в родовом дворце которого и происходили заседания.

По «Уставу Владимира» было сильно ограничено взимание процентов за взятые в долг деньги. Поясним эту статью примером. Предположим, что какой-то крестьянин занял у боярина в тяжелую годину шесть гривен

Гривны — денежные слитки. XII в.

серебра. По существовавшим тогда высоким нормам годового процента (50%) он ежегодно должен был вносить боярину три гривны процентов (а это равнялось стоимости трех волов). И если должник не в силах был, кроме процентов, выплатить и самый долг, то он должен был нескончаемое количество лет выплачивать эти ростовщические проценты, попадая в кабалу к своему заимодавцу. По уставу срок взимания процентов ограничивался тремя годами — за три года должник выплачивал девять гривен процентов, что в полтора раза превышало сумму первоначального долга. Мономах разрешил на этом прекращать выплаты, так как в эти девять гривен входил и долг («исто») — шесть гривен и три гривны «роста». Долг погашался. Фактически это приводило к снижению годового процента до 17% и избавляло бедноту от угрозы длительной или вечной кабалы. Это была большая победа восставшего народа. В вотчинном хозяйстве новый закон защищал некоторые человеческие права должников-закупов. Закуп уже имел право уйти с господского двора, если он открыто отпраплялся на поиски денег или если шел жаловаться судьям или князю. Закуп уже не отвечал за господское имущество, если его расхищали другие люди. Господин не должен был обижать закупа, не имел права самовольно продавать его, как холопа. За это грозил большой штраф в 12 гривен. Нельзя уже было бить закупа без всякой его вины. Крестьянин-закуп получал право свидетельствования в небольших судебных делах. Все это тоже явилось завоеванием восставшего народа. Феодалы вынуждены были пойти на некоторые уступки, улучшившие экономическое и юридическое положение городских ремесленников и крестьян.

ВЛАДИМИР МОНОМАХ

В оценке исторических лиц очень важно определить не столько их субъективные качества, которые могут дойти до нас в искаженной передаче пристрастных современников, сколько объективное значение их деятельности: шла ли она против течения жизни или, наоборот,

способствовала утверждению намечавшихся новых явлений.

Пожалуй, ни об одном из деятелей Киевской Руси не сохранилось столько ярких воспоминаний, как о Владимире Мономахе. Его вспоминали и во дворцах и в крестьянских избах спустя много веков. Народ сложил о нем былины как о победителе грозного половецкого хана Тугорткана — Тугарина Змеевича, а из-за одинаковости имен двух Владимиров объединил эти былины со старым циклом киевского эпоса Владимира I.

Когда века феодальной раздробленности и татарского ига сменились неожиданно быстрым расцветом Московского централизованного государства, великий князь Иван III, любивший в политических интересах «ворошить летописцы», обратился к величественной фигуре Владимира Мономаха, возвышавшейся, как и сам Иван, на грани двух эпох.

Неудивительно, что в конце XV в. для московских историков заметнее всего в прошлом Руси была фигура Мономаха, с именем которого они связали легенду о царских регалиях, будто бы полученных Владимиром от императора Византии. «Шапка Мономаха» стала символом русского самодержавия, ею короновались все русские цари вплоть до тяжелого дня ходынской катастрофы, когда венчали ею последнего царя.

При Владимире Мономахе Русь побеждала половцев, и они на время перестали быть для нее постоянной угрозой. Власть киевского князя простиралась на все земли, заселенные древнерусской народностью. Усобицы мелких князей решительно пресекались тяжелой рукой великого князя. Киев был действительно столицей огромного, крупнейшего в Европе государства.

Понятно поэтому, что в мрачные годы после походов Чингисхана и Батгя, когда русские люди искали утешения в своем величественном прошлом, их взгляды обращались ко времени Владимира Мономаха. «Слово о погибели Русской земли», написанное вскоре после татарского нашествия, идеализирует Киевскую Русь, воспекает Владимира Мономаха и его эпоху. Гигантским полукругом очерчивает поэт границы Руси: от Венгрии к Польше, от Польши к Литве, далее к прибалтийским землям Немецкого ордена, оттуда к Карелии и к «Дышущему морю» — Ледовитому океану, оттуда к Волжской

Болгарии, бургасам, мордве и удмуртам. Все эти земли с давних пор были подчинены Владимиру Мономаху,

Которым половцы детей пугали в колыбели,
При ком Литва не лезла из болот,
А венгры каменные горы укрепляли
Железными воротами, чтоб к ним не въехал,
Воюя их, Великий Володимир.

Перемешивая правду с вымыслом, поэт считает даже, что византийский император, побаиваясь Мономаха,

Богатые дары послал к нему,
Чтобы Владимир-князь Царь-города не взял под ним.

Единодушие оценок Владимира II в феодальной письменности, дружинной поэзии и народном былинном эпосе заставляет внимательнее рассмотреть долгую деятельность этого князя.

Владимир Мономах родился в 1053 г., по всей вероятности, в Киеве, где его отец Всеволод, любимый сын Ярослава Мудрого, находился при великом князе, доживавшем свои последние годы. Рождение Владимира скрепило задуманные его дедом политические связи между Киевской Русью и Византийской империей — матерью его была принцесса Мария, дочь императора Константина IX Мономаха.

Отец Владимира, Всеволод Ярославич, не выделялся из среды князей особыми талантами государственного деятеля. Но это был образованный человек, знавший пять языков. К сожалению, Владимир Мономах, написавший в своей автобиографии, что отец, «сидя дома изучае пять язык», не упомянул о том, какие это именно языки. Можно думать, что ими были греческий, половецкий, латинский и английский.

Владимир получил хорошее образование, которое позволило ему в своей политической борьбе использовать не только меч рыцаря, но и перо писателя. Он прекрасно ориентировался во всей тогдашней литературе, владел хорошим слогом и обладал незаурядным талантом.

Детские годы Владимира прошли в пограничном Переяславле, где начинались знаменитые «Змиевы валы», древние укрепления, много веков отделявшие земли

пахарей от «земли незнаемой», от степи, раскинувшейся на месяцы конного пути.

В степях в эти годы происходила смена господствующих орд: печенеги были отодвинуты к Дунаю, их место временно заняли торки, а с востока уже надвигались несметные племена кипчаков-половцев, готовых смести все на своем пути и разграбить всю Русь.

Полжизни, свыше трех десятков лет, пришлось Владимиру провести в Переяславле на рубежах Руси, и это не могло не наложить своего отпечатка на все его представления о губительности половецких вторжений, о жизненной необходимости единства русских сил.

Перед глазами Владимира с детства проходили войны с торками и первые набеги половцев. Не было во всей Руси другого такого города, как Переяславль, который подвергался бы так часто нападениям степняков. Самыми тяжелыми были, вероятно, впечатления от похода хана Шарукана 1068 г. Былины, сложенные по поводу этого нашествия, очень поэтично описывают, как по степи от самого синего моря бегут стада гнедых туров, вспугнутые топотом коней половецкого войска:

Да числа-сметы нет!
А закрыло луну до солнышка красного,
А не видно ведь злата-светла месяца,
А от того же от духу да татарского (половецкого),
От того же от пару лошадиного...

. . . . .
Ко святой Руси Шарк-великан (Шарукан)
Широку дорожку прокладывает,
Жгучим огнем уравнивает,
Людом христианским речки-озера запруживает...

Неизвестно, участвовал ли 15-летний Владимир в том несчастливом бою, где Шарукан разбил его отца и дядей, и пришлось ли ему самому испытать тяжесть бегства, но все равно половецкий разгром, завершившийся восстанием в Киеве, изгнанием великого князя и смертью епископа, должен был оставить глубокий след в его уме.

Владимир прошел суровую школу; ему с отроческих лет приходилось помогать отцу, долгие годы бывшему второстепенным князем, вассалом своего брата. Недаром

на склоне лет Мономах вспоминал о 83 своих больших походах по Руси, по степям и по Европе. Первое большое путешествие он совершил 13-летним мальчиком, проехав из Переяславля в Ростов «сквозь Вятичи», через глухие Брынские леса, где, по былинам, залегал Соловей-Разбойник, где не было «дороги прямоезжей», где в лесах еще горели огни погребальных костров, а язычники убивали киевских миссионеров.

За время от этого первого «пути» до прочного утверждения в Чернигове, уже будучи взрослым 25-летним человеком, Владимир Мономах переменял по меньшей мере пять удельных городов, совершил 20 «великих путей», воевал в самых разных местах и, по самым минимальным подсчетам, проскакал на коне от города к городу не менее 16 000 км (не считая не поддающихся учету разъездов вокруг городов).

Жизнь рано показала ему и минусы княжеских усобиц, и тяготы вассальной службы, и невзгоды половецких набегов. Энергичный, деятельный, умный и хитрый, он, как показывает дальнейшее, хорошо использовал эти уроки, так как уже с юности знал жизнь Руси от Новгорода до степей, от Волыни до Ростова, пожалуй, лучше, чем кто-либо из его современников.

Битва на Нежатиной ниве 3 октября 1078 г. резко изменила соотношение сил в размножившейся княжеской семье. Великим князем стал Всеволод Ярославич, утвердивший свою власть над всей «Русской землей» в узком смысле слова, т. е. над Киевом, где княжил сам, над Черниговом, где он посадил после победы над Олегом «Гориславичем» своего сына Владимира, и над третьим древним городом Приднепровской Руси — Переяславом Русским, в котором он княжил уже несколько лет.

16 лет (1078—1094 гг.) княжил Владимир Мономах в Чернигове. К этому времени, по всей вероятности, относится постройка каменного терема в центре черниговского кремля-детинца и создание неприступного замка в Любече на Днестре.

Владимир был уже женат на английской принцессе Гите, дочери короля Гаральда, погибшего в битве при Гастингсе. В Чернигов молодая чета прибыла с двухлетним первенцем — Мстиславом, впоследствии важным деятелем Руси.

В своем автобиографическом «Поучении» Владимир часто вспоминал об этом вполне благополучном периоде своей жизни.

У князя был, по его словам, строго заведенный порядок; он сам, не доверяясь слугам, все проверял: «То, что мог бы сделать мой дружинник, я делал всегда сам и на войне и на охоте, не давая себе отдыха ни ночью, ни днем, невзирая на зной или стужу. Я не полагался на посадников и бирючей, но сам следил за всем порядком в своем хозяйстве. Я заботился и об устройстве охоты, и о конях, и даже о ловчих птицах, о соколах и ястребах». Архитектура уже упоминавшегося Любечского замка свидетельствует о необычайной продуманности всех частей этой грандиозной постройки, где рационально использована каждая сажень полезной площади, где предусмотрены все случайности феодальной жизни.

В средневековой Руси, как и везде в ту пору, княжеская охота была и любимым развлечением, и хорошей школой мужества. Иногда князья со свитой, с княгинями и придворными дамами выезжали на ладьях стрелять «сизых уток и белых лебедей» в днепровских заводях или ловили за Вышгородом зверей тенетами, а иной раз «ловы» превращались в опасный поединок с могучим зверем. «Вот когда я жил в Чернигове,— писал Мономах,— я своими руками стреножил в лесных пущах три десятка диких коней, да еще когда приходилось ездить по степи («по ровни»), то тоже собственноручно ловил их.

Два раза туры поднимали меня с конем на рога. Олень бодал меня рогами, лось ногами топтал, а другой бодал; дикий вепрь сорвал у меня с бедра меч, медведь укусил мне колено, а рысь однажды, прыгнув мне на бедра, повалила вместе с конем...». В лесах под Черниговом в 1821 г. был найден тяжелый золотой амулет-змеевик, принадлежавший Владимиру Мономаху. Очевидно, князь потерял дорогую вещь, стоившую около 100 гривен кун, во время одного из своих охотничьих единоборств; не лось ли втоптал в землю золотую княжескую гривну?

Митрополит Никифор в одном из писем к Мономаху упоминает о его привычке бегать на лыжах. Быстрый и решительный в своих действиях, Владимир Всеволодич наладил скорую связь Чернигова с Киевом: «А из

Золотой змеевик Владимира Мономаха. Найден в лесах под Черниговом

Чернигова я сотни раз скакал к отцу в Киев за один день, до вечерни». Такую бешеную скачку на 140 км можно было осуществить только при системе постоянных подстав, расставленных на пути. Как показывает исследование пути от Чернигова до Любеча (60 км), дорога шла долинами и была поделена специальными сторожевыми курганами на небольшие участки, где и могли находиться запасные кони для подставы.

В. Н. Татищев сохранил такое описание внешности Мономаха (возможно, восходящее к записям современников): «Он был красив лицом, глаза у него были боль-

шие, волосы рыжеватые и кудрявые, лоб высокий, борода широкая. Ростом он был не особенно высок, но крепок телом и очень силен...».

16 лет черниговской жизни не были годами спокойствия и изоляции. Много раз приходилось Владимиру помогать отцу в его борьбе с внешними и внутренними врагами. Племянники Всеволода дрались из-за вотчин. Хитрый князь вел на просторах Руси сложную «шахматную игру»: то он выводил из игры Олега Святославича, то загонял в далекий новгородский угол старейшего из племянников, династического соперника Владимира — князя Святополка, то оттеснял изгоев — Ростиславичей, то вдруг рука убийцы выключала из игры другого соперника — Ярополка Изяславича. И все это делалось главным образом при участии Владимира Мономаха. Это он, Владимир, выгонял Ростиславичей, привел в Киев свою тетку, вдову Изяслава, и забрал имущество ее сына, своего двоюродного брата Ярополка.

Правда, следует заметить, что обо всех этих делах мы узнаем из летописи Нестора, придворного летописца Святополка. Чтобы дополнить этот тенденциозный перечень своих деяний, Владимир сам стал писать как бы конспект автобиографической летописи. Он записал много эпизодов своей борьбы с половцами, не вошедших тогда в официальную летопись. Он писал о том, как брал в плен половецких ханов, о внезапных встречах в степи с огромными силами половцев, об удачных преследованиях, о битвах на огромной степной поляне между Русью и Стугной. Чувствуется, что главная тяжесть всех военных и полицейских функций в великом княжении Всеволода лежала на плечах его старшего сына, так как сам великий князь последние девять лет своей жизни не участвовал в походах.

Фактически, владея вместе с отцом всеми тремя частями «Русской земли» — Киевом, Черниговом и Переяславом, Владимир Мономах несомненно мог рассчитывать на получение (по наследству и по праву владения) великого княжения после отца. Однако, когда болезненный Всеволод в 1093 г. умер, то на киевском престоле оказался не Владимир, бывший в эти дни в Киеве, а Святополк, приглашенный из Турова. Летопись, быть может, подправленная потом рукою Мономаха, объясняет это обстоятельство благочестивыми размышления-

ми Владимира, не желавшего будто бы начинать новую усобицу и будто бы уважавшего династическое старшинство своего кузена.

Едва ли это так: спустя 20 лет Владимир не побоялся пренебречь династическим старшинством, а что касается усобицы, то известно, что в руках Владимира и его брата Ростислава были дружины всего воинственного левобережья, а Святополк Туровский располагал всего-навсего восемь сотнями собственных «отроков».

Дело было в другом. Как станет ясно в дальнейшем, главной силой, останавливавшей торопливые переезды князей из города в город, было крупное землевладельческое боярство. Выбор князя в конечном счете был обусловлен волей «лучших мужей», «старой дружины». С конца XI в. политическая роль боярства непрерывно возрастала. Все чаще и чаще боярство, приглядываясь к пестрой веренице князей, оценивало дела и успехи, ум и сговорчивость того или иного князя и «вабило» подходящего кандидата на престол, приглашало по своей воле из другого города, а иной раз и закрепляло свои преимущества, заключая с ним договор, «ряд», без которого князь еще не считался полноправным. От воли «смысленных», считавших себя опорой феодального войска Руси и составлявших боярскую думу, зависело — открыть ли ворота князю, стоящему под стенами Киева, и торжественно ввести его в Софийский собор, принося ему присягу верности: «Ты — наш князь; где узрим твой стяг, там и мы с тобой!», или же твердо сказать уже правящему князю горькие слова: «Поиди, княже, прочь. Ты нам еси не надобен!».

Политика князя Всеволода, за которую нес ответственность и Мономах, вызвала резкое недовольство «смысленных». Боярство возмущалось произволом княжеских судей и сборщиков, изобретавших ложные штрафы и грабивших народ. «Народолюбие» бояр было, конечно, демагогическим приемом, но применение такого приема говорит о том, что разгул княжеских тиунов и вирников затрагивал и боярские интересы, нарушая, очевидно, иммунитет их вотчин.

Тяжелые годы (засуха, мор, нашествие половцев), совпавшие с концом княжения Всеволода, должны были обострить социальные конфликты, и киевское боярство

предпочло видеть на великокняжеском престоле князя Святополка Изяславича, родного брата того Мстислава, который в свое время предал смертной казни 70 участников восстания 1068 г., а других ослепил и «без вины погубил».

Вокняжение Святополка принесло не только крушение надежд, но и много несчастий Владимиру Мономаху: неопытность Святополка привела к страшному разгрому русских войск половцами под Трипольем. Мономах вспоминал, что это было единственное поражение в битве за всю его жизнь; здесь в водах Стугны на глазах у него утонул брат Ростислав. Вынужденный довольствоваться вместо Киева Черниговом, Мономах скоро утратил и его — Олег Святославич с половцами выгнал Владимира из города, в котором прошли его лучшие годы.

40-летнему князю с женой и детьми пришлось, как уже говорилось, покинуть город и проехать сквозь стан половцев.

Владимир снова оказался в городе своего детства — в Переяславле, на краю Половецкой степи, где начал жизнь его отец, где потом княжил его младший брат. «И седех в Переяславли 3 лета и 3 зимы и с дружиною своею. И многы беды прияхом от рати и от голода...»

* * *

Двадцатилетний переяславский период жизни Владимира Мономаха (1094—1113 гг.) характеризуется двумя чертами: во-первых, это активная, наступательная борьба против половцев, рвавшихся на Русь через Переяславское княжество, а во-вторых, попытки склонить на свою сторону киевское боярство, распорядившееся в известной мере великим княжением.

Борьба с половцами, которую Мономах, будучи владельцем пограничного княжества, неизбежно должен был вести, в глазах современников всегда выглядела как общерусское дело, как защита всей Руси.

Зная вероломство половцев и ненадежность заключенных с ними миров, Мономах был сторонником решительных ударов, разгрома реальных сил степняков и профилактических походов в глубь степей.

Первая победа была одержана за Сулой сразу же по вокняжении в Переяславле в 1094 г. Затем в 1095 г. Владимир, разорвав мир с половцами, убил половецкого посла Итларя в Переяславле и принял участие в большом походе на половецкие «вежи», где взял много пленных, коней и верблюдов. На следующий год у Зарубинского брода на Днепре дружины Владимира разбили половцев и убили хана Тугорткана.

Обо всем этом народ сложил былины, где в Тугарине Змеевиче легко узнать Тугорткана, а в Идолище Поганом — Итларя. Три тяжелых года в Переяславле оказались переломными в русско-половецких отношениях. Вскоре борьба была перенесена уже далеко в глубь степей, и в этом была заслуга Мономаха. Придворные летописцы Мономаха любили впоследствии повторять рассказ о том, как Владимир уговаривал Святополка и его бояр начать поход весною. Киевские бояре не хотели идти на половцев, отговариваясь тем, что это оторвет смердов от их пашни. Мономах выступил с речью. «Странно мне, друзья, что вы жалеете лошадей, которыми пашут, но не подумаете о том, что начнет смерд пахать, и прискачет половчин, застрелит смерда, возьмет его коня, а затем в селе заберет в полон его жену и детей и все его имущество. То как же вы, жалея коней, не подумаете о самих смердах?».

Эти слова были продиктованы не столько действительной заботой о чужих смердах, сколько расчетом. Во всяком случае, Мономаху удавалось организовывать общие походы в 1103, 1109, 1110, 1111 гг. Русские войска то доходили до Азовского моря, то отвоевывали половецкие города на Северском Донце, то нагоняли на половцев такой страх, что они откочевывали за Дон и за Волгу в степи Северного Кавказа и Южного Урала. В некоторых битвах брали в плен по 20 половецких ханов.

Иногда выступлениям против половцев придавался характер крестового похода — впереди войска ехали попы с крестами и пели песнопения. О таких походах писали специальные сказания, где говорилось, что «слава о них дойдет до Чехии и Польши, до Венгрии и Греции и даже дойдут до Рима».

И сто лет спустя, воспевая праправнука Мономаха князя Романа Мстиславича, летописец писал о том, как

Владимир загнал хана Отрака Шарукановича за «Железные врата» на Кавказе:

Тогда Володимер Мономах
Пил золотым шеломом Дон,
Приемши землю их всю
И загнавшю окаянныя агаряны (половцев).

Независимо от личных мотивов Владимира Мономаха, победоносные походы на половцев принесли ему широкую славу хорошего организатора и блестящего полководца.

Менее успешно, но с такой же энергией вел Мономах свои княжеские дела. Его соперниками были, во-первых, Святополк Киевский, а во-вторых, Давыд и Олег Черниговские. На перепутье между их столицами, по середине хорошо известной ему дороги из Чернигова в Киев, Владимир построил крепость Остерский Городец, очевидно для того, чтобы затруднить связи своих соперников. В составе домена Мономаха оказались Смоленск и Ростов, куда он часто наезжал, наведя порядок на юге. Черниговское княжество было почти со всех сторон окружено его владениями. В 1096 г. Владимир выгнал Олега из Чернигова и пытался организовать княжеский съезд, осуждающий «Гориславича» за приведение поганых на русские земли.

Съезд удалось собрать только к концу 1097 г., и, очевидно, соотношение сил было таково, что Мономах не мог диктовать свою волю — съезд собрался не в Киеве, а в вотчине Олега, древнем Любече, куда Мономаху было, наверное, не очень приятно приезжать.

Можно думать, что Владимир Мономах позаботился о создании специальных документов, которые должны были расположить общественное мнение влиятельных феодальных сфер в его пользу: им самим было написано «письмо к Олегу», явно рассчитанное на оповещение широкого круга лиц; была закончена часть личной летописи Мономаха, обрисовывающая его как неутомимого борца против половцев, несправедливо обиженного Олегом. К этому же времени относится и летопись киево-печерского игумена Ивана, рисующая с боярских позиций отрицательными красками великого князя Святополка. Святополк выслал Ивана в Туров, а Мономах, ища союза с киевским боярством, за него заступился.

К Любечскому съезду Мономах подготовился не только как полководец и стратег, но как юрист и как писатель-полемист. Но Любечский съезд не принес Мономаху победы. Принцип съезда «каждый владеет тем, чем владел его отец», закрепляя Киев за Святополком Изяславичем, Чернигов за Святославичами, а ему, Владимиру Всеволодичу, оставался в «Русской земле» все тот же разоряемый погаными порубежный Переяславль. Кампания против Олега была по существу проиграна, и Владимир быстро вступил в союз со своим вчерашним врагом. Неожиданный союз был направлен против Святополка, и главной пружиной многих событий был Мономах, очевидно, не оставлявший мечты о великом княжении.

Сквозь хитросплетения пристрастных летописцев удастся все же разглядеть сущность этих событий, последовавших непосредственно за съездом.

В придворных кругах появился слух (может быть, и не лишенный основания), что Владимир Мономах составил заговор с Васильком Ростиславичем Теремовским против Святополка. Хотя владения Василька были невелики, но стратегические замыслы его были грандиозны: он, например, как пишет летопись, предполагал собрать всех кочевников некипчаков (печенегов, торков и берендеев) и с ними за один год взять Польшу, а затем завоевать Болгарское царство, теснимое Византией, и перевести болгар в свое княжество. После этого он собирался выступить, с согласия старших князей, против всей Половецкой земли.

По наговору князя Давыда Игоревича (это он пиратствовал когда-то на Черном море) Василько был схвачен во дворце Святополка в то время, когда он возвращался из Любеча со съезда и нехотя принял приглашение великого князя позавтракать у него.

Как только стало известно, что Васильку выкололи глаза, а потом под сильной охраной его увезли во Владимир Волынский, Мономах, как бы оправдывая слухи о своем сговоре с Васильком, выступил с войсками против Святополка. Владимир и его новоявленные союзники — Олег и Давыд Святославичи — стали лагерем под самым Киевом.

Никогда еще Владимир Мономах не был так близок к киевскому «злату столу», как в эти ноябрьские дни

1097 г. Святополк собирался бежать из города. Казалось, что мечты сбываются. Однако и на этот раз влиятельные киевские круги не поддержали Мономаха, не открыли ему Золотых ворот, а удержали в городе Святополка и выслали к Владимиру и Святославичам высокое посольство — митрополита и мачеху Мономаха, великую княгиню. Посольство вежливо предложило мир, а это означало еще одно крушение надежд.

Но хитроумный сын византийской царевны уже принял другие меры, которые должны были дать в его руки обвинительный акт против Святополка.

Некий Василий, очевидно, один из приближенных Святополка, но державший руку Мономаха, вел протокольную запись злодеяний Святополка. Как очевидец он описывал сцену ареста во дворце, тяжелую сцену ослепления, когда «трескотали кости» поваленного на пол князя. Василий точно записал имена всех тех, кто придавил князя доской, кто сторожил его, знал, что ослеплял пленника именно святополчий слуга — названы имя, национальность, должность. На протяжении двух последующих лет Василий подробно описал всю усобицу (1097—1099 гг.), подчеркивая все промахи Святополка.

В развитие этой темы о недостатках Святополка как правителя выступали старые друзья Мономаха — монастырские писатели из Печерского монастыря. Они создали около 1099 г. два рассказа о скупости и жадности Святополка, наживавшегося на налоге на соль, и непомерной жадности его сына, пытавшего и расстреливавшего монахов с целью узнать о скрытом сокровище.

Сам Владимир Мономах пишет в 1099 г. основную, главную часть своего «Поучения», в котором он, во-первых, бичует те самые недостатки, в которых упрекали Святополка (беззаконие, нераспорядительность, клятвopреступление), а во-вторых, без всякой скромности расхваливает себя и словно говорит киевским «мысленным»: «Вот я — тот самый князь, который нужен вам; я всегда воевал с «погаными»; я не давал воли «уным», своим отрокам, не позволял им «пакости деяти»; я хорошо отношусь к купцам; я сторонник правого суда; я сумею успокоить обиженных; я честно соблюдаю присягу; я хорошо сам веду свое хозяйство,

не полагаясь на тиунов и отроков; я совещаюсь со своими боярами; я покровительствую церкви...»

Владимир здесь как бы отрекался от всех тех зол, в которых несколько лет назад обвиняли его отца, а тем самым и его самого, отцовского соправителя.

«Поучение» Мономаха не было обращено к его родным детям. Они в то время уже выдавали своих дочерей замуж и в отцовских поучениях едва ли нуждались. Оно было рассчитано на довольно широкую феодальную аудиторию.

Все эти литературные и протокольные материалы готовились, по всей вероятности, к следующему княжескому съезду 1100 г. в Уветичах (Витчеве?), где Мономах выступал обвинителем Давыда Игоревича, а косвенно стремился, очевидно, очернить своего главного врага — великого князя Святополка.

Честолюбивые мечты не сбылись и на этот раз, но многое было достигнуто — в киевской литературе остался прочный след: современники и потомки должны были видеть Святополка в мрачных красках, а Владимира — в светлых.

После княжеского съезда 1100 г., ничего не изменившего в судьбе старших князей, Владимир Мономах утратил желание продолжать литературную борьбу. Даже свою личную летопись «путей» он забросил и за 17 последующих лет сделал там всего семь разрозненных заметок: о новых боях с половцами, о путешествиях по домену, о смерти своей второй жены, матери Юрия Долгорукого.

Из событий этих лет следует отметить разгром Боняка и Шарукана Старого в 1107 г. и знаменитый крестовый поход на город Шарукань в 1111 г. Во всех этих походах Владимир и Святополк выступали совместно, но инициатива, очевидно, принадлежала Мономаху.

* * *

Киевское восстание 1113 г. напугало феодальные верхи и заставило их обратиться к единственно возможной кандидатуре популярного князя, известного всему народу своей тридцатипятилетней борьбой с половцами, а боярско-монастырским кругам известного и своими литературными материалами и речами на княжеских съездах.

60-летний Владимир Всеволодич Мономах стал великим князем. Новое законодательство, как было видно, облегчало положение должников и, в частности, закупов. Но, кроме того, устав Мономаха регулировал и ряд вопросов, жизненно важных для купечества: предусматривались интересы внешней торговли — давались льготы купцам, потерявшим товары при кораблекрушении, на войне или пожаре; иноземные купцы получали преимущественное право при ликвидации товаров несостоятельного должника.

Владимир выполнял ту программу, которая была намечена еще в его «Поучении»: «Оказывайте внимание иноземным купцам, богатым и простым, и иностранным послам. Если не можете подарками, то хотя бы угощением — все они, разъезжая по разным землям, разнесут славу о человеке, добрую или худую».

Став великим князем и, очевидно, пользуясь полной поддержкой боярства, Владимир II прочно захватил всю Русь в свои руки. Огромные военные резервы, накопленные для борьбы с половцами, теперь, после их откочевки на юг, могли быть использованы для удержания Руси во власти Киева. Владимир, как и его тезка сто лет назад, управлял страной при посредстве своих сыновей, опытных князей.

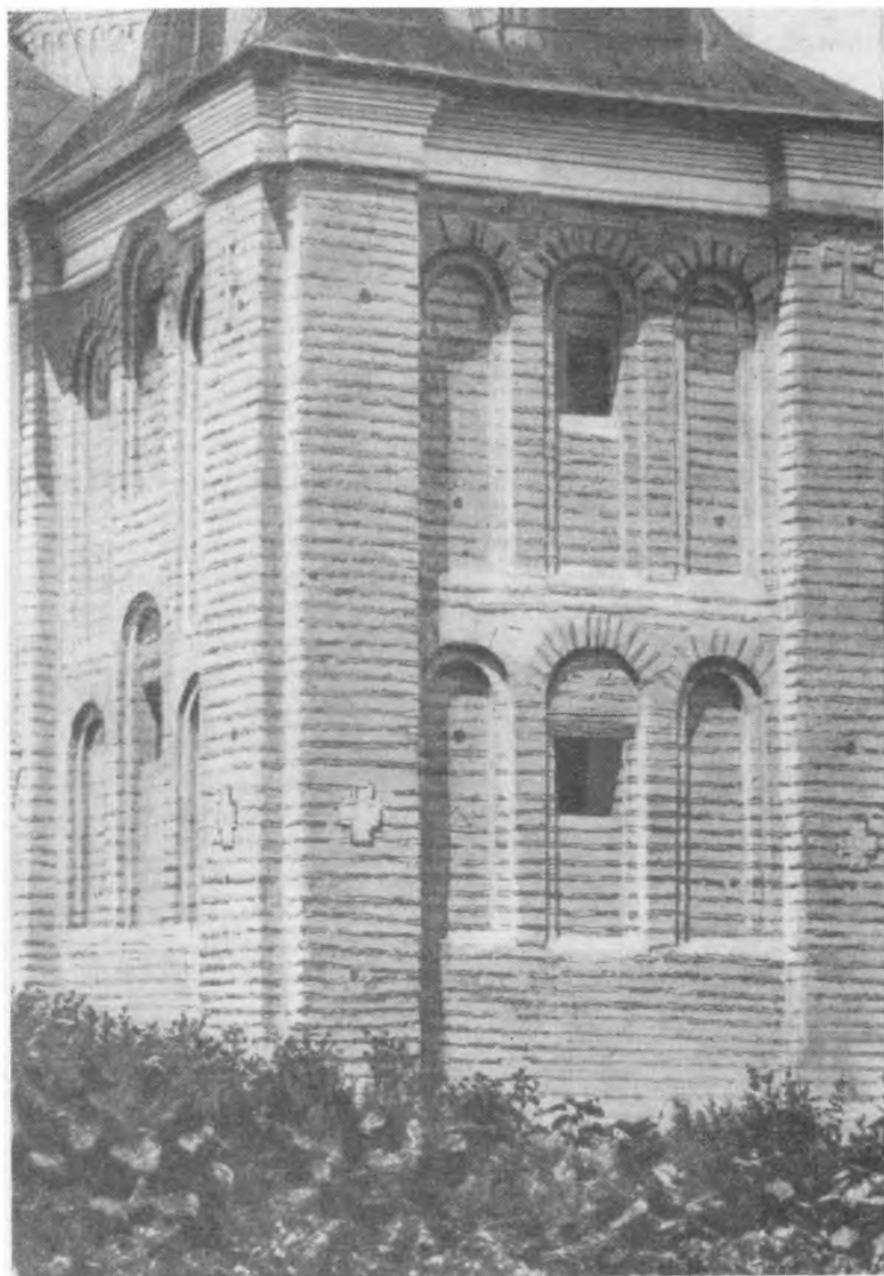
В Новгороде с давних пор сидел «выкормленный» новгородцами сын Мстислав. Будучи призван отцом в 1117 г. на юг, он не утратил связей с городом на Ильмене. С новгородцами и псковичами Мстислав воевал в землях Чуди и строил могучие каменные крепости в Новгороде и Ладоге.

На южной окраине, в Переяславле, находился Ярополк, ходивший отсюда на Дунай закреплять дунайские города за Русью.

Из Смоленска, где княжил сын Вячеслав, Мономах ходил войной на Всеслава сына Глеба (сам Всеслав Полоцкий умер в 1101 г.), в Друцк и Минск.

На востоке Юрий Долгорукий, правивший Ростово-Суздальской землей, воевал с Волжской Болгарией.

Важным форпостом на западе был Владимир Волынский, где одно время укрепился сын Святополка Ярополк, но потом Мономах его оттуда выгнал и посадил там княжить своего сына Андрея. Святополчич приводил на Волынь поляков, чехов и венгров, но безуспешно.

Церковь Спаса на Берестове при княжеском дворе

Князья других ветвей были настоящими вассалами Владимира II Мономаха: Давыд Черниговский и его племянник Всеволод Ольгович покорно ходили в походы под водительством самого великого князя, который до 70 лет сохранил возможность лично возглавлять войска.

Василько и Володарь Ростиславичи, герои событий 1097 г., то верно служили Киеву, то, пользуясь окраинным положением своих владений, выступали на стороне врагов Мономаха. Но в целом Киевская Русь в это время представляла единую державу и ее границы, поэтически очерченные в «Слове о погибели», не были вымыслом или гиперболой.

Это единство длилось еще семь лет после смерти Мономаха при его сыне Мстиславе (1125—1132 гг.) и сразу рассыпалось в 1132 г. Поэтому время княжения Мстислава Владимировича («Великого», как называет его летопись) надо рассматривать как прямое продолжение княжения Мономаха, тем более, что сын во многом помогал отцу еще при его жизни.

Мстиславу удалось с помощью талантливого стратегического плана присоединить к Киеву в 1127 г. Полоцкое княжество, все время сохранявшее свою обособленность.

Мстиславу еще удавалось сдерживать враждующих родичей (вроде Всеволода Ольговича), но с его смертью снова вспыхнули усобицы.

Далее в летописи год за годом говорится, что из-под воли великого князя выходили те или иные князья или земли. Шел процесс окончательной утраты Киевом своего первенствующего положения; начиналась феодальная раздробленность.

* * *

Владимир Мономах, такой внимательный к литературной фиксации своих военных и политических успехов или недостатков соперников, не мог, ставши великим князем, пройти мимо государственной летописи, написанной при его предшественнике Святополке.

Летописцем Святополка был талантливый историк монах Киево-Печерского монастыря Нестор. Его замечательный труд «Повесть временных лет», охватываю-

щая несколько веков русской истории, до сих пор служит для нас главным источником сведений о Киевской Руси.

Конечно, при описании княжений Святополка и его отца Изяслава Нестор старался сгладить острые углы и представить своего князя и всю его княжескую ветвь в наиболее выгодном свете. Владимир Мономах изъял летопись из богатого прославленного Печерского монастыря и передал ее игумену своего придворного монастыря Сильвестру. Тот кое-что переделал к 1116 г., но Мономах остался этим недоволен и поручил своему сыну Мстиславу наблюдать за новой переделкой, законченной к 1118 г. Всю эту историю переработок и редактирования выяснил путем остроумных построений акад. А. А. Шахматов.

Переделка «Повести временных лет» 1118 г. коснулась не только злободневной современности, но, к сожалению, посягнула и на основную историческую концепцию Нестора, более правильную, чем взгляды его непрошенных редакторов.

Нестор, пользуясь большой библиотекой из русских, византийских, болгарских и западнославянских книг, создал яркую картину древней истории Руси на широком фоне всего славянского мира. Он писал о первоначальных поселениях славян в Европе, о славянской колонизации Дуная и Балкан в VI в., о набегах авар и других кочевников.

Нестор начинал повествование о Киевской Руси с построения Киева легендарным князем Кием и рассказывал о постепенном расширении Руси за счет других славянских племен. Вторым переломным моментом он правильно считал IX в., когда действительно создались три крупных славянских государства: Болгарское царство, Великоморавская держава и Киевская Русь. Обо всех трех державах и писал довольно верно Нестор в обширном введении к летописи.

Сильвестр добавил к введению фантастический рассказ о том, что будто бы еще в I в. н. э. на месте будущего Киева побывал апостол Андрей и предсказал величие этого города.

Мстислав коренным образом переделал введение к летописи Нестора, исходя из политической ситуации своих дней. Он выкинул из старого текста многое, что

было там написано о зарождении государства Руси (об этом можно судить лишь по уцелевшим отрывкам), и взамен всего этого втиснул в летопись тенденциозную легенду о призвании в Новгород князей-варягов — Рюрика и его братьев Синеуса и Трувора, использовав для этой цели распространенные в Северной Европе сказания.

«Братья» Рюрика являются результатом чудовищного недоразумения, происшедшего при переводе скандинавской легенды.

Политический смысл сочинения легенды о добровольном приглашении новгородцами князей заключался в следующем: Владимира Мономаха позвали киевляне после восстания, позвали со стороны и не по праву старшинства (Давыд Черниговский был династически старше Мономаха), а по воле киевского боярства. Легенда о призвании Рюрика точно повторяла эту ситуацию — новгородцы плохо жили без князя: «Не бе в них правды и вста род на род и быша в них усобица и воевати почаша сами на ся». После этого новгородцы решили: «Поищем себе князя, иже бы владел нами и рядил по праву».

Событиям 1113 г., закончившимся призванием князя, придумана хронологически далекая аналогия, которая должна была показать, что будто бы именно так создавалась вообще русская государственность.

В легенде, привнесенной в летопись Мстиславом Владимировичем, есть еще одна сторона, тоже объясняемая злободневными интересами Мономахова княжения: можно вспомнить, как долго, на протяжении целых двух десятилетий, стремился Мономах завоевать симпатии могущественного киевского боярства, считавшего себя вправе распоряжаться судьбой золотого великокняжеского стола. Несколько раз «кияне» обманывали ожидания Мономаха, оставляя его по-прежнему второстепенным переяславским князем. Избрание Мономаха не могло устранить всех коллизий между властным князем и привыкшим к власти боярством. Приезд из Новгорода князя Мстислава, тесно связанного с новгородским боярством и купечеством, несомненно усиливал внутривластные позиции Мономаха в Киеве.

Летопись Нестора, справедливо выдвигавшая с самого начала русской истории на первое место Киев и

рисовавшая варягов отрицательными чертами, летопись, отводившая Новгороду крайне скромное место небольшой северной фактории, не могла понравиться Мстиславу, породнившемуся со всеми варяжскими королевскими домами и проведшему два десятка лет в Новгороде. И Новгород к XII в. стал не тот, что был в IX в., — теперь это был огромный торговый город, известный во всей Европе. И варяги были уже не те «находники», разбойники, грабившие севернорусские, эстонские и карельские земли, — теперь они появлялись в роли купцов, и отношения с ними были мирными, а об иноземных купцах, как мы видели, Мономах заботился и на словах, и на деле.

Руководя переделкой Несторовой летописи, Мстислав, быть может в противовес заносчивому киевскому боярству, указывал на первенствующее положение Новгорода и варягов в начальной истории Руси. Эта тенденция и послужила предлогом для позднейших историков, чтобы выдвигать варяжскую, «норманскую», теорию происхождения русского государства и даже самое имя Руси связывать с варягами, хотя основанием для этого явилась грубоватая и неумелая фальсификация русской летописи, проведенная при Мономахе в определенных политических целях.

Накануне окончательного распада Киевской Руси на отдельные самостоятельные княжества, т. е. в княжение Мономаха или Мстислава, что более вероятно, был создан наиболее полный свод феодальных законов, так называемая «Пространная Русская Правда», включившая в себя и грамоту Ярослава новгородцам 1016 г., и «Правду Ярославичей» середины XI в., и «Устав Владимира Всеволодича» 1113 г. Это не было механическим соединением разновременных документов. Составители свода несколько переработали их, учитывая требования XII в.

В окончательном виде хронологические наслоения стали тематическими разделами. Грамота 1016 г. была использована для перечня наказаний за преступления против личности свободных людей; «Правда Ярославичей» дала материал для защиты княжеского имущества и жизни княжеских управителей; «Покон вирный» определял прокорм в пути за счет населения княжеского сборщика вир; «Устав Владимира», сохранивший

свое особое название в этом своде, заботился об иностранных купцах, о закупках и должниках. Новые статьи развивали тему защиты собственности, подробно занимались вопросами наследования и правового положения вдов и дочерей. Последний раздел — подробное законодательство о холопах, о штрафах за укрывательство чужого холопа.

В «Пространной Правде» изменились статьи, ставившие ранее варягов в неполноправное положение. Это вполне связывается со взглядами Мономаха и особенно Мстислава.

Новый закон строже регламентировал княжескую долю штрафа («продажу»), чтобы княжеские сборщики не могли злоупотреблять своей властью. Здесь реже упоминается слово «княжее», а иногда добавляется «и за боярское»; здесь десятки раз употребляется безличное слово «господин», которое в равной мере могло относиться и к князю, и к любому феодалу вообще.

Чувствуется, что составитель закона стремился оградить не только княжеский домен, но и боярскую вотчину. Законодательство приобретало общefeодальный характер, оно защищало боярство, решало споры между боярами по поводу перебежавших холопов, ограждало неприкосновенность боярского владения после смерти боярина и в известной мере ограничивало или, по крайней мере, строго тарифицировало судебные доходы князя.

Конец XI — первая треть XII в. — это время большого напряжения сил всей Руси, вызванного как внутренними неурядицами, так и внешним натиском и его преодолением. Единая держава уже не могла существовать в том виде, в каком она была при Владимире I или Ярославе. Она должна была или расчлениваться на несколько реально управляемых княжеств, или же укрепиться какими-то внутренними связями (династические «связи») только разъедали, разрушали даже видимость единства).

Первое было несвоевременно в условиях агрессивных действий Шарукана, Боняка, Урусобы, Бельдюзя, Тугорткана и множества других половецких ханов. Второе требовало значительных усилий и затрат и в тех условиях было далеко не легким делом.

Владимир Мономах тем и представляет для нас интерес, что всю свою неукротимую энергию, ум и несом-

ненный талант полководца он употребил на объективно полезное дело сплочения рассыпавшихся частей Руси и организацию отпора половцам, хотя и был лично (как переяславский князь) непосредственно заинтересован в ограждении своих владений от половецкого разорения. Объединяя в своих руках Переяславль, Смоленск и Ростов, он чуть ли не ежегодно объезжал их, проделывая путь по 2400 км, заботился о своих даях и продажах. Это способствовало укреплению связей между несколькими крупными областями Руси и вовлекало их в решение общерусских задач.

Владимир предстает перед нами вполне живым человеком. Известно не только, как проводил он свой день, как организовывал порядок во дворце, как проверял караулы, как охотился, как молился или гадал на псалтыри. Сохранились сведения и о том, что он был иногда и жесток: однажды вместе с половецкой ордой Читеевичей (совсем, как Олег «Гориславич») он взял Минск, «изъехахом город и не оставихом у него ни челядина, ни скотины»; он мог конфисковать личное имущество побежденного соперника. Мономах был несомненно честолюбив и не гнушался никакими средствами для достижения высшей власти. Кроме того, как можно судить по его литературе, он был лицемерен и умел демагогически представить свои поступки в выгодном свете как современникам, так и потомкам.

Черниговский период княжения Мономаха (1078—1094 гг.) — это время, когда он был обыкновенным князем, благополучно княжащим в своем уделе, участвующим в усобицах и помогающим своему державному отцу, чем, очевидно, вызывал такое же недовольство бояр, как и сам Всеволод.

В переяславский период (1094—1113 гг.) Мономах выдвинулся среди русских князей как организатор активной обороны от половцев. Сам он в эту пору стремился зарекомендовать себя перед киевским боярством как более приемлемый кандидат в великие князья, чем Святополк Изяславич.

Время великого княжения Мономаха (1113—1125 гг.) завершает напряженный двадцатилетний период борьбы с половцами, после чего единая держава в тех условиях перестала быть исторической необходимостью и продолжала существовать некоторый срок лишь по

инерции, так как глава государства сосредоточил в своих руках очень большие военные резервы и употреблял их на поддержание единства страны твердой рукой. За 20 лет — от киевского восстания 1113 г. до смерти Мстислава (1132 г.) — великокняжеская власть стремилась не допускать усобиц и постаралась упорядочить дела феодального класса в целом путем издания довольно полного кодекса законов.

Когда Киевская Русь распалась на полтора десятка самостоятельных княжеств, то каждое из них получило в качестве наследства и «Повесть временных лет», и «Пространную Русскую Правду», и киевский цикл былин о Владимире Красном Солнышке, в поэтическом образе которого сливались и Владимир I Святославич, спасший Русь от печенегов, и Владимир II Мономах, князь, который правил Русью от края и до края и в успешной борьбе с половцами «много поту утер за Русскую землю».

ОБОСОБЛЕНИЕ
САМО-
СТОЯТЕЛЬНЫХ
ЗЕМЕЛЬ

КНЯЖЕСТВА-КОРОЛЕВСТВА XII в.

В 1132 г. Киевская Русь как бы внезапно распалась на полтора десятка княжеств, по территории примерно равнявшихся западноевропейским королевствам. Однако эта внезапность лишь кажущаяся — на самом деле процесс кристаллизации самостоятельных княжеств-королевств (или, как мы говорим, процесс феодальной раздробленности) подготавливался уже давно всем ходом исторического развития: росли производительные силы, возникали и ширились новые городские центры, крепла политическая сила и горожан, и местного боярства, усиливалась классовая борьба в городах и феодальных вотчинах.

Все это увеличивало необходимость более крепкой власти на местах, близкой к внутренней жизни каждой земли. Феодальная государственность должна была пронизать несколько глубже все те земли, в которых феодальные отношения уже достаточно окрепли, развились и породили острые конфликты.

Выделение самостоятельных земель, явившееся показателем их зрелости, было прежде всего в интересах местных землевладельцев, «земских бояр», но имело и объективно положительные стороны: сильно сократился «круговорот» князей, смотревших на Русь как на свое общее семейное достояние, исчезла та неустойчивость и неопределенность, которая сопутствовала перемещениям князей и их дружин от одного города к другому. Князья, прочно оседавшие с согласия местного боярства (или по его приглашению) в древних городах, превратившихся в столицы новых княжеств, уже не рассматривали их как временную добычу. Пуская по своей земле многочисленную армию вирников, мечников, тиунов, рядовичей — всевозможных сборщиков правых и неправых поборов, князья теперь остерегались истощать хозяйство своих подданных до предела: ведь их сыновьям и внукам придется жить в этой же земле. На смену безрассудным грабегам временных владетелей, какими были многие князья в XI в., теперь пришел хозяйственный расчет постоянных государей с наследственной властью. Недаром именно в 1130-е годы появился целый ряд кня-

жеских грамот, точно нормировавших все виды поборов в пользу того или иного князя.

Единая Киевская Русь, как первичная политическая форма, сыграла свою положительную историческую роль.

Для молодого русского феодализма IX—XI вв. единая Киевская Русь была как бы нянькой, воспитавшей и охранившей от всяких бед и напастей целую семью русских княжеств. Они пережили и двухвековой натиск печенегов, и вторжение варяжских отрядов, и неурядицу княжеских распрей, и несколько войн с половецкими ханами и к XII в. выросли настолько, что смогли начать самостоятельную жизнь.

Основная часть господствующего класса — многотысячное земское боярство — получила в последние годы существования Киевской Руси «Пространную Русскую Правду», определявшую ее феодальные права. Но книга на пергамене, хранившаяся в великокняжеском архиве, не помогла реальному осуществлению боярских прав. Даже сила великокняжеских вирников, мечников, воевод не могла из Киева реально помогать далекому провинциальному боярству окраин Киевской Руси. Гонец, который поскакал бы от Белоозера или Рязани в Киев за помощью, вернулся бы через несколько месяцев.

Земскому боярству XII в. нужна была своя местная близкая власть, которая сумела бы быстро претворить в жизнь юридические нормы «Правды», своевременно помочь боярину в его столкновениях с крестьянством. Нужны были иные масштабы государства, иная структура феодального организма, более приспособленная к нуждам основного, прогрессивного тогда феодального класса. Такая структура была дана самой жизнью, масштабы ее и географические границы выявились еще накануне сложения Киевской Руси — это союзы племен, те «княжения» Кривичей, Словен, Волынян, которые попали на страницы летописей и несколько веков служили топонимическими ориентирами.

Киевская Русь распалась на полтора десятка самостоятельных княжеств, более или менее сходных с полтора десятками древних племенных союзов. Столицы многих крупнейших княжеств были в свое время центрами союзов племен: Киев у Полян, Смоленск у Кривичей,

Полоцк у Полочан, Новгород Великий у Словен, Новгород Северский у Северян.

Союзы племен были устойчивой общностью, складывавшейся веками; географические пределы их были обусловлены естественными рубежами. За время раннефеодальной империи здесь повсеместно развивались феодальные отношения, родовая и племенная знать превратилась в бояр, появились города, начавшие даже соперничать с Киевом. Когда приостановился калейдоскоп князей, то местное боярство смогло остановить свой выбор на том или ином князе, «вабя» его остаться княжить и не прельщаться миражем великого княжения. Князья закреплялись в стольных городах и основывали свои местные династии: Ольговичи в Чернигове, Изяславичи на Воыни, Брячиславичи в Полоцке, Ростиславичи в Смоленске, Юрьевичи во Владимире Суздальском и др. Каждое из новых княжеств полностью удовлетворяло потребности феодалов — из любой столицы XII в. можно было доскакать до границ этого княжества за три дня. Вот в этих условиях нормы «Русской Правды» могли быть подтверждены мечом властителя вполне своевременно.

Князья, обосновавшиеся прочно в той или иной земле, по-иному относились к нормам эксплуатации и феодальным поборам, заботясь, во-первых, о том, чтобы не раздражить то боярство, которое помогло им здесь закрепиться, а во-вторых, о том, чтобы передать свое княжение детям в хорошем хозяйственном виде.

В каждом княжестве появился свой епископ, князья издавали свои уставные грамоты, при их дворе велись свои летописи, в стольных городах возникли свои художественные и литературные направления. Это не нарушало еще единства древнерусской народности, но позволяло выявиться местным творческим силам. Кристаллизация самостоятельных княжеств проходила на фоне бурного развития производительных сил (главным образом в городах) и в значительной мере была обусловлена этим развитием.

Рост производительных сил начался задолго до образования княжеств. Успехи раннефеодальной монархии Владимира I позволили тогда особенно интенсивно развиваться и земледелию, и ремеслу, и строительству замков, и торговле.

Но во второй половине XI в., в эпоху неустойчивости и конфликтов, произошел разрыв между продолжавшими идти вперед производительными силами и политической формой, временно затормозившей нормальное развитие феодального класса. Возрождение феодальной монархии при Святополке — Мономахе — Мстиславе, вызванное чисто внешними причинами, но усиленное прямым вмешательством боярства, поправило дело, установило большее соответствие, чем при Ярославичах. Однако, несмотря на несомненные личные таланты Владимира Мономаха и его сына, оказалось, что форма единой автократической империи уже изжила себя и для полного соответствия надстройки базису нужно было уменьшить масштабы объединения, приблизить государственную власть к феодалам на местах, поставить рядом с Киевом еще несколько центров.

Создание полутора десятков крупных княжеств установило в 1130-е годы полное соответствие новой политической формы достигнутому высокому уровню производительных сил и этим обеспечило небывалый расцвет культуры во всех русских землях XII в.

Боярство каждого княжества, отобравшее («привабившее») для себя наиболее подходящего князя, должно было быть довольно достижением независимости от Киева и той долей участия в управлении своей землей, которую оно получало, пугая своего князя широкими возможностями нового выбора, приглашения на его место другого князя из числа многочисленных его родичей, кормившихся в захудалых городках вроде Клещьска, Вщижа или Курска. Князь, со своей стороны, был доволен тем, что строил свое новое гнездо прочно и основательно; князь знал, что сейчас боярское войско поддержит его (если он угоден боярству) и будет препятствовать надоевшим, истощающим усобицам, будет ограждать его (в своих, боярских интересах) от соперников-князей; князь знал, что при таких благоприятных условиях он сможет спокойно передать свое княжество, свой княжий двор, вотчины и села своим сыновьям, что княжеская власть в этой земле останется в его роду.

Феодальные княжества XII в. не стоит называть «полугосударствами», так как у князей были все права суверенных государей; они «думали с боярами о строе

земельном и о рагах», т. е. распоряжались внутренними делами и имели право объявления войны и заключения мира, любых союзов, хотя бы даже с половцами. Великий князь киевский стал первым среди равных и не мог помешать ни Новгороду Великому ограничить (по существу упразднить) княжескую власть или заключить договор с Ригой, ни Юрию Долгорукому сговариваться с Владимиром Галицким против Киева, ни черниговским Ольговичам дробить свою землю на уделы или вступать в союз с Половецкой ордой.

Власть киевского князя безвозвратно отошла в прошлое так же, как и многое в междукняжеских отношениях. Прежнее, плохо соблюдавшееся династическое старшинство уступило место новым формам вассальных отношений. Теперь представитель старшей ветви нередко «ездил подле стремени» более сильного князя, происходившего от младшей ветви, брат называл брата «отцом», признавая тем самым его своим сюзереном.

Только безнадежные провинциалы вроде Вячеслава (сына Мономаха) еще удивлялись тому, что его младший брат считает себя старше его; Вячеслав продолжал еще вести устаревший счет физического родства: «Я был уже бородатым, когда ты еще только родился, — писал он обидчику Юрию Долгорукому, — а ты считаешь меня младшим!» У младшего, Юрия, было собственное богатое княжение в Суздальской земле, у него было несметное русско-половецкое войско, а старик Вячеслав жил из милости у племянника и не мог понять того, что настали новые времена, и на первое место выдвинулись князья-сюзерены, «самовластцы» в своих землях, не зависящие ни от Киева, ни от старого счета княжеского родства.

Буйное племя князей Игоревичей вынуждено было в новых условиях полностью осесть на землю и занять разные ступени феодальной лестницы.

Самую верхнюю ступень теперь занимал уже не один киевский великий князь — в XII в. титул «великий князь» применялся и к черниговским, и к владимирским, и к другим князьям. Эти великие княжения вполне соответствовали и по размерам территории и по своей внутренней сущности западноевропейским королевствам. Процесс их отпочкования от Киева строго отвечал общим историческим условиям.

Раньше других обособились те земли, которым никогда не угрожала половецкая опасность, — Новгород и Полоцк. У каждой из этих земель были свои собственные торговые пути в Западную Европу; это увеличивало их самостоятельность, и уже в XI в. они постоянно проявляли сепаратистские тенденции. В 1136 г. восстание в Новгороде завершилось превращение Новгорода в феодальную республику.

Во вторую очередь обособились Галич, Волынь и Чернигов. Галичу помогало его окраинное положение, удаленность от основного театра войны с половцами и близость к Венгрии и Польше, откуда могла прийти поддержка. Обособление Чернигова объясняется давними связями с Юго-Востоком, Тмутараканью, Кавказом; когда появились в степях половцы, то черниговские князья, более других связанные со степным миром, наладили с ними дружественные отношения, породнились и широко пользовались поддержкой «поганых».

Постепенно оформилась новая политическая карта Руси со многими центрами. Киевская земля сохранилась лишь в пределах между Днестром и Горынью, Полесьем и степью.

Южную полосу по р. Роси занимали Черные Клобуки, составлявшие главную военную силу самого киевского князя.

После недолгого «медового месяца» совместной жизни боярства и осевших на землю князей обозначилась уже в 1160-е годы ряд противоречий. Боярство в своей массе было инертно, малоподвижно и больше всего на свете интересовалось своей вотчиной. Если кругозор людей родового строя ограничивался микроскопическим «миром», границами родовой земли в 10—15 км от поселка, то горизонт простого боярина раздвинулся до пределов нескольких таких «миров», но не более. Многие в вотчине основывались на натуральном хозяйстве. Главной задачей среднего феодала являлось, во-первых, ведение своего хозяйства, т. е. отчуждение доли урожая тех нескольких «миров», землю которых он, феодал, объявил своей, а во-вторых, ограждение этой вотчинной земли от вмешательства равных или более сильных феодалов. Средний феодал не был сторонником ни усобиц, ни далеких завоевательных походов. Сидеть в своем родовом гнезде, в своей «отчине и дедине» он считал основным,

наиболее естественным для себя положением. Если князь тянул таких бояр с их слугами и холопами на какую-нибудь войну, то «бояре,— по образному выражению летописца,— идучи не идяху».

На другом полюсе феодального класса находились князья и сосредоточенная в городах крупная землевладельческая знать, которая то ладила с «привабленным» ею князем, то бывала порой недовольна его крутым нравом. Эта знать нередко интересовалась делами соседнего княжества, участвовала в усобицах, затевала походы в чужие земли. Ее кругозор был широк, но ее возможности становились все более ограниченными.

Князья — основатели новых династий — быстро пустили корни в новых княжествах и стремились стать самовластцами внутри только что приобретенных княжеств. Только одно поколение князей прожило дружно с земским боярством, пригласившим их княжить. Сыновья Юрия Долгорукого, Изяслава Мстиславича, Ярослава Осмомысла уже бились не на живот, а на смерть с боярством собственной земли. В этих битвах пылали боярские замки, полные оружия и припасов, умирали изрубленные заговорщиками князья, горели на кострах княжеские любовницы, опустошались и захватывались боярские земли.

Князьям была нужна надежная постоянная опора в этой борьбе, нужны были послушные силы, готовые в любое время двинуться в любое место, «ища князю славы, а себе чести», т. е. была необходима постоянная дружина, расположенная поблизости от столицы княжества.

Степень развития феодальных отношений была теперь уже не та, что при Владимире Святом, содержавшем огромные лагеря дружинников, — в XII в. не нужно было все свои резервы держать при дворе, можно было «распустить дружину по селам», т. е. дать поместья своим военным слугам, сделать их тем, что в XVI в. называлось дворянством или «детьми боярскими». Многие слуги, рядовичи и тиуны, выполнявшие хозяйственные и административно-судебные функции в княжестве, вероятно, тоже получали княжескую «милость» и становились условными, временными держателями княжеской земли. Часть слуг и дружинников за особые заслуги,

возможно, получали земли в наследственное, вотчинное владение, переходя в разряд боярства.

Рожденное новыми условиями, низшее наслоение феодалов — дворянство — было бедно, экономически неустойчиво, жадно до земли и крестьян, но определено в своих политических симпатиях и антипатиях. Дворянство с самого своего появления было поставлено в положение соперника боярства, причем соперника слабого, неуверенного в завтрашнем дне, жившего одними княжескими милостями; поэтому в глазах дворянина XII—XIII вв. князь был и умным кормчим, и сильной крепостью, и могучим дубом, противостоящим бурям и ветрам, а боярство оказывалось жадным, напористым обидчиком. «Лучше мне в лаптях жить при князем дворе, чем в сафьяновых сапогах при боярском», — резюмировал один из таких княжеских слуг, Даниил Заточник.

В своих спорах с соседними государями, в повседневных столкновениях с боярами князя могли опираться на «отроков», «детских». Уже в конце XI в. Всеволод Ярославич «возлюбил смысл уных», а в середине XII в. один из князей прямо заявил, что если бояре с ним не согласны, то его дворяне («детские») заменят их и станут у него на положении бояр. Правда, боярин-летописец, описывая этот эпизод, не пожалел мрачных красок для незадачливого князя Владимира Мстиславича, отрекшегося от своих знатных бояр: «детские» его были перебиты в бою, союзники ему изменили, и он был вынужден бежать через всю Русь с женой и детьми в Суздаль и Рязань.

Наибольшие резервы конных дружин, близких по положению к дворянству, были в распоряжении киевского князя. На огромной степной поляне, окаймленной лесами Днепра, Стугны и Роси, на 6000 кв. км жили и кочевали переселенные сюда киевскими князьями племена Черных Клобуков, в состав которых входили торки, берендеи и даже остатки печенегов. По берегам Роси возникли города, заселенные черноклобуцкой знатью (Юрьев, Торческ, Корсунь, Дверен и др.). Защищая Русь от половцев, торки и берендеи постепенно воспринимали русский язык, русскую культуру и даже русский былинный эпос. На протяжении XII в. «весь Черный Клобук», т. е. весь этот огромный противополовецкий

заслон, нередко принимал участие в политических делах, и киевские князья стремились всеми средствами удержать его в своих руках.

Точно такую же роль в это время играли половцы при дворе грузинского царя. Царь Давид Строитель пригласил в Грузию 40 000 половцев, и Атрак, сын Шарукана, разбитый Мономахом, охотно отозвался на приглашение.

В руках царя половецкая конница была оружием против независимых «дидебулов», грузинских бояр.

Итак, рыцарственный XII век выдвинул не только боярство, находившееся ранее несколько в тени, но и разнообразное дворянство, включавшее в себя и дворцовых слуг-министериалов, и воинов — «детских» или «отроков», и беспокойных всадников-торков.

Важным элементом средневекового общества являлись города, развившиеся в ту пору особенно бурно и полнокровно.

Средневековый город был сложным и многообразным социальным организмом, который никак нельзя охарактеризовать только какой-нибудь одной чертой. Он был крепостью, убежищем во время опасности и для окрестных смердов, был как бы коллективным замком крупнейших земельных магнатов данной округи во главе с самим князем. Боярские и княжеские дворы занимали в нем видное место. В силу этого город являлся естественным административным центром округи (или княжества, если это город столичный), местом суда и платежа, местом издания разных постановлений. Город был средоточием разнообразного ремесла: посады широким кольцом окружали аристократическую часть города, его кремль, его детинец. В городе производилось все, что было нужно для хозяйства или войны, все, что украшало быт или служило предметом вывоза. Город был также главнейшим (а иногда и единственным) местом торговли округи, местом, где хранились запасы и богатства; городские ростовщики пускали щупальца в беднейшие кварталы ремесленников, ссужая свои капиталы за бесчеловечно высокие проценты.

В городах и в непосредственной близости от них вызревал и развивался еще один элемент феодального средневековья — церковь. Церковь в XI—XII вв. стала не только органом идеологического воздействия, но и

частью самого господствующего класса. Во главе церкви стоял митрополит, назначаемый великим князем и утверждаемый собором епископов. Епископы управляли епархиями, которые в XII в. почти совпадали с крупнейшими княжествами, и владели большими земельными угодьями, селами и городами.

Если митрополит отчасти соответствовал великому князю (хотя и зависел от него, а епископ — князю отдельной земли, то боярству в церковной сфере соответствовали монастыри, становившиеся в это время крупными земельными собственниками. Монастырская земля не дробилась по наследству, как княжеская или боярская, и поэтому монастыри быстро богатели. Епископами и игуменами крупных пригородных монастырей нередко бывали богатые знатные люди, связанные с придворными кругами, получавшие богатые вклады и ведшие княжеское летописание.

Монастыри вели торговые операции и занимались ростовщичеством.

Все звенья церковной организации принимали активное участие в политической жизни, в феодальных усобицах и классовой борьбе. Христианская формула: «Рабы да повинуются господам своим» имела широчайшее применение в условиях обострения социальных конфликтов.

Все перечисленные составные части русского феодального общества находились в развитии, в непрерывном движении и в различных сочетаниях образовывали враждующие между собой блоки и группы. Князья создавали и прикармливали дворянство для борьбы против бояр. Епископы то поддерживали князей (от которых они частично зависели материально), то пытались вести не особенно удачную самостоятельную политику. Крупное боярство стремилось при посредстве боярской думы ограничить самодержавие князей и в то же время с той же целью оказывало давление на дворян, оттесняя их на задний план. Возможно, что желание создать свои резервы военных и дворовых слуг толкало боярство на возрождение института холопства, которому уделено так много места в «Пространной Русской Правде». Результатом конфликтов боярства с закрепощаемым крестьянством явилось перемещение закупов (в том числе и «ролейных закупов») в укрепленные

дворы феодалов, что явствует как из «Русской Правды», так и из археологических данных о дворах XII в.

Города бурлили в мятежах и «замятнях». «Черные люди» городских посадов одинаково терпели и от боярства, и от купечества. Их неожиданными союзниками оказывались могущественные князья, всегда готовые поддержать ту силу, которая могла быть направлена против боярства. И ремесленники, и купцы объединялись в свои «братства», «обчины», в корпорации, близкие ремесленным цехам и купеческим гильдиям Запада.

Классовая борьба вспыхивала то в форме прямых восстаний, то в завуалированном виде антицерковных ересей. Одним из наиболее развитых русских средневековых городов был Великий Новгород, столица богатой феодальной республики.

НОВГОРОД ВЕЛИКИЙ — БОЯРСКАЯ РЕСПУБЛИКА

История Новгорода — это, во-первых, история одного из крупнейших городов средневековой Европы, а во-вторых, история необозримой страны, раскинувшейся от Балтики до Ледовитого океана и Урала. Когда впоследствии, при Иване III, Новгородская земля вошла в состав Московского централизованного государства, то сразу удвоила его размеры.

Истоки новгородской истории уводят нас в отдаленное время славянской колонизации Севера, когда славяне-земледельцы медленно осваивали всю зону лиственных лесов Восточной Европы. В своем расселении славяне долго не выходили за пределы этой пригодной для земледелия обширной области, доходившей до озер Чудского, Ильменя и костромского Поволжья. Далее на север лежала зона безбрежной хвойной тайги, редко заселенной местным неславянским населением, жившим здесь со времен неолита и занимавшимся преимущественно охотой и рыболовством. Родовые поселки славян не заходили в эту суровую зону.

Вот именно здесь, на пограничье двух ландшафтных областей, где на протяжении сотен километров пришли в соприкосновение славянские и финно-угорские племена, предки эстонцев, карел, вепсов, коми, удмуртов, и возникла цепь древних городов, окаймлявших самые северные земли, до которых добрались в эпоху родоплеменного строя славяне. Таковы Псков и Изборск близ Чудского озера, Новгород на Ильмене, Белоозеро, Ростов. Одни из них возникли еще в догосударственную пору и были центрами тех или иных племенных союзов, другие же были поставлены как «новые города», как северные фактории Киевской Руси. Вероятно, к их числу и относился Новгород, возникший в IX в. Сложение государственности на Юге изменило судьбу этих порубежных городков. Русские дружинники перешагнули в IX—X вв. границу двух ландшафтных зон, удерживавшую пахарей, и углубились в тайгу, открывая неведомые земли, встречаясь с диковинными народами и привозя в Киев вещи, изготовленные кузнецами Урала.

В поисках дани драгоценной пушниной русские доходили до Северной Двины, Белого моря, Мезени, Печоры и до самого «Дышучего моря» — Ледовитого океана. Меха редкостных зверей, охотничьи соколы, моржовая кость — «дорог рыбий зуб» — вот что привлекало русских землепроходцев в тайгу и заполярную тундру, где «путь был зол», где они «идоша непроходными месты, яко не видеша ни дний ни нощи, но всегда — тьма».

В летописи помещен большой список различных племен и народов, издавна плативших дань Руси; добрая половина их была связана с Новгородом или входила впоследствии в состав его владений: Чудь, Норман, Ямь, Чудь Заволочская, Пермь, Печора, Югра. Отношения с этими племенами были спокойными; они никак не походили на отношения завоевателей и побежденных. Местная знать вливалась в русское боярство (например, Чудин и его брат Туки). О далеких северных связях Новгорода очень интересно рассказал летописцу боярин Гюрята Рогович в конце XI в.:

«Я послал своего отрока (дружинника) в Печору — это люди, дающие дань Новгороду, — и оттуда он поехал в Югру, соседящую на севере с Самоедами.

Югорцы рассказали моему отроку о том, что три года тому назад они обнаружили чудо на берегу океана: там, где огромные горы, возвышающиеся до небес, подходят к заливу океана («в луку моря»), был услышан говор и крик многих людей..., ...язык их был нам неизвестен, но они, указывая на наше железное оружие, жестами просили отдать его им. И если кто-нибудь давал им нож или топор, то они взамен давали ему меха.

Путь к этим горам лежит через непроходимые пропасти, через снега и леса; поэтому мы не всегда доходили туда; кроме того, мы знаем, что есть люди и еще далее на север...». Югра — это угорские племена, родственные финнам и венграм; они обитали ранее от Мезени до Оби. Их потомками являются наши ханты и манси.

Если взглянуть на карту побережья Ледовитого океана, то без труда можно определить те места, о которых летописец беседовал с Гюрятой: высокие горы подступают к «луке моря» только в одном месте, где есть пролив Югорский Шар, поблизости есть мыс Русской Заворот, где отрог Урала, хребет Пай-Хой, подходит к берегу залива. Земля, расположенная прямо на «полунощи» от этого русско-югорского комплекса географических названий, — это Новая Земля. Так, благодаря древним новгородцам, мы узнаем о том, что далеко за полярным кругом, на Новой Земле, в конце XI в. еще сохранился неолитический облик хозяйства, и именно новгородцы несли туда новую культуру.

Следами сухопутных дорог новгородцев в северо-восточные земли являются многочисленные погосты, основанные ими для сбора дани; список их был составлен уже в 1137 г. Есть они на Северной Двине (погосты Ракунь, Усть-Емец, Усть-Вага, Тойма) и на ее притоке Ваге (Вель, Пуйте), и еще далее на восток (погост Пинегга и Помоздин погост на Вычегде близ р. Ижмы), где до сих пор живут потомки древних новгородцев, сохранившие русский костюм и обряды, но в многовековом отрыве от своей родины утратившие свой язык, — «ижемцы» говорят теперь на языке коми. Самой отдаленной колонией Новгорода была Вятская земля.

Новгородцы принесли на север земледелие, и впоследствии на Двине и на Ваге появилось много боярских вотчин и монастырей, двинувшихся вслед за

крестьянской колонизацией из Новгородской и Ростовской земель. В своих тысячеверстных путях новгородцы часто ходили на ладьях и «ушкуях» по рекам и по морям. К Югорскому Шару и Русскому Завороту они, вероятно, плавали на кораблях по океану, делая в общей сложности путь в 5000 км, равный путешествию из Новгорода в Лондон и обратно. Летопись говорит о «кругосветном» плавании вокруг Европы через Киев и Новгород, Ла-Манш и Гибралтар, называя балтийско-атлантический отрезок его путем «из Варяг в Греки».

Сам Новгород был построен на наивыгоднейшем перекрестке торговых путей, важных как для Киевской Руси, так и для всей Северной Европы.

Одна из древних былин так описывает пути, расходящиеся из Новгорода:

Реки да озера к Нову-городу,
А мхи да болота к Белу-озеру,
Да чистое поле ко Пскову;
Темные леса Смоленские...
Широка мать-Волга под Казань пошла,
Подале того — и под Астрахань...
...Из под белого горючего из под камешка
Выбегала мать Днепра-река
Да устьем впадала в море Черное...

Из Новгорода вниз по Волхову через Ладожское озеро и Неву легко было попасть в Швецию, на Готланд или в земли балтийских славян. Из Новгорода через Ильмень и Мсту попадали на Волгу и шли в Болгарию, Хазарию и далекие земли Востока. А третий путь «из Грек в Варяги» пролегал из Византии и Киева вверх по Днепру, через волоки, затем Ловатю в Ильмень и неизбежно шел в Волхов через Новгород.

В благоприятном положении Новгорода у истоков Волхова заключались противоречия его будущего: с одной стороны, Киев — «мать городов русских» — всегда зорко следил за своим новым городом, и киевские князья посылали сюда наместниками своих старших сыновей, чтобы крепче держать эту международную пристань в своих руках. С другой стороны, удаленность от Киева и широчайшие связи с десятками могущественных и богатых стран и богатства собственной земли

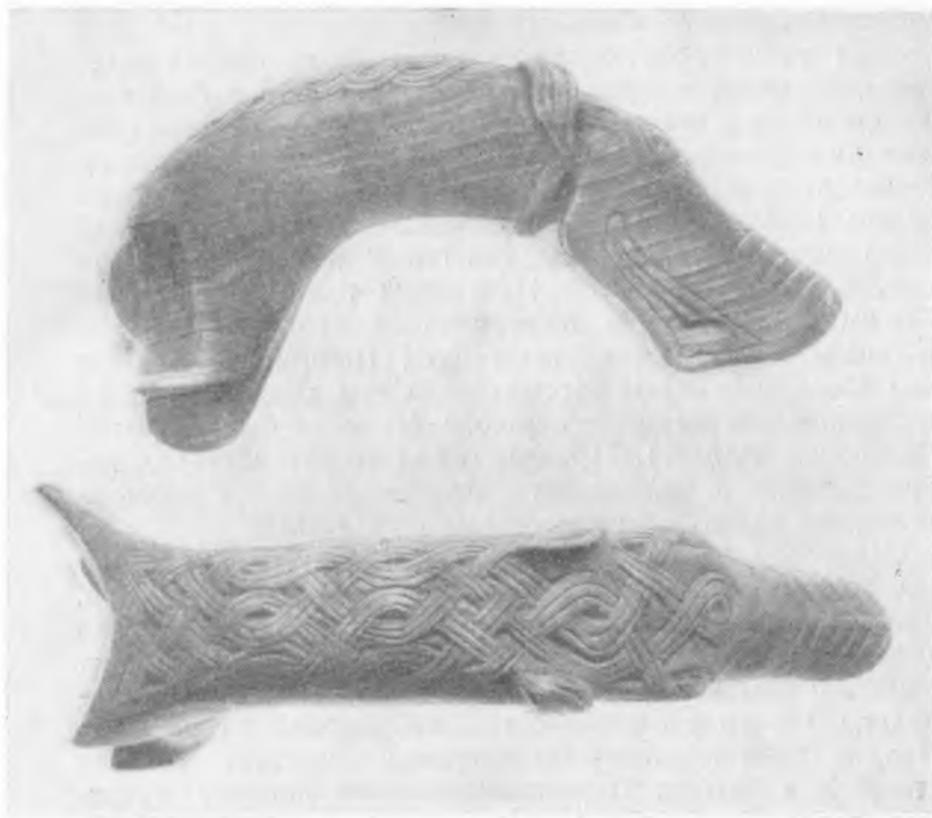
давали Новгороду возможность роста, усиления, а следовательно, и независимости.

Та ранняя пора, когда городок на Волхове был далекой факторией Киева, отразилась частично в феодальном делении Новгородской земли. Обычно каждое русское княжество составляло «тьму», т. е. десять «тысяч», десять военно-финансовых округов; каждая тысяча делилась на «сотни». Новгородская же земля составляла всего лишь одну тысячу, делившуюся на сотни, расположенные веером вокруг Новгорода радиусом в 200—300 км. Значит, Киев не признавал Новгород равным с другими частями Руси (например, Воынь или Смоленщина) и рассматривал его лишь как одну десятую часть какого-то целого (может быть, самой «Киевской тьмы?»). Правда, город тоже составлял десять сотен, т. е. еще одну тысячу, но все же до полного десяти тысячного комплекта было далеко.

Новгород расположен на двух берегах Волхова, недалеко от истока реки, вытекающей из Ильмень-озера. Древнейшее местоположение было, очевидно, на левом берегу, где стоит кремль и где Волосова улица хранит память о языческом боге скота и богатства Волосе — Велесе. Почти у самого озера, вне города, стоял идол Перуна, поставленный по приказу киевского князя в конце X в. Вокруг Перуна, как гласит древнее предание, горел неугасимый огонь; раскопки обнаружили вокруг идола восемь костров. Вплоть до XX в. у жителей Новгорода сохранялось поверье, что, проплывая мимо «Перыни», нужно бросить в воду монету, как бы в жертву древнему богу.

Левобережный древний комплекс был, по-видимому, связан с «русинами» из Киева, составлявшими гарнизон пограничной крепости. На правом берегу Волхова находился Славенский холм, связанный в большей степени с местным племенем словен.

Бурный рост города быстро привел к плотному заселению обоих берегов, соединенных знаменитым Великим мостом через Волхов, игравшим важную роль в истории города: здесь сходились на бой враждующие стороны после шумного веча, здесь бесчинствовал былинный Васька Буслаев, здесь приводились в исполнение смертные приговоры — осужденных сбрасывали с моста в волховские глубины. Новгород XI—XIII вв. был боль-

Резные ручки деревянных ковшей

шим, хорошо организованным городом. Его кремль, выросший вдвое, был укреплен каменной стеной и включал в себя Софийский собор (являвшийся также и хранилищем государственных документов) и епископский двор. В южной части кремля новгородский былинный герой — богатый купец Садко Сытинич построил большую Борисоглебскую церковь.

Напротив кремля находились Торг, вечевая площадь, Ярославово дворище, дворы иноземных купцов и церкви купеческих корпораций (Ивана на Опоках, Богородицы на Торгу, Варяжская божница). Берега Волхова были поделены на пристани и густо уставлены кораблями и лодками разных стран и городов. Судов на воде было так много, что иногда во время пожара огонь по ним переходил с одного берега на другой. В окрест-

Деревянная посуда работы новгородских токарей

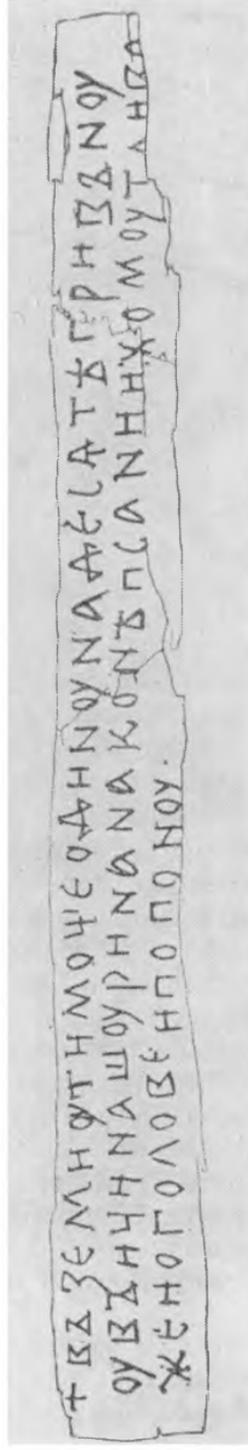
ностях города располагались монастыри. Юрьевский монастырь, построенный Мстиславом, возвышался, как башня, при въезде в город с юга, со стороны Ильменя, а для пловших с севера такими воротами города являлся Антоньев монастырь.

Город был вымощен деревянными мостовыми, относительно которых существовал даже специальный «Устав о замощении улиц».

Новгородские летописцы были более внимательны к своему родному городу, чем их киевские собратья, и сообщали читателям подробности о жизни Новгорода. Сохранились сведения о городских пожарах, о грандиозных наводнениях, когда воды Волхова затопляли город и жители сидели на крышах своих хором, о годах засухи и неурожаев, когда приходилось покупать жито в Суздальской земле. Очень много для понимания истории Новгорода, его культуры и быта дали многолетние раскопки экспедиции А. В. Арциховского. Выявлены жилые усадьбы, улицы, дома, мастерские, боярские терема. Найдено множество предметов от инструментов ремесленников до золотых печатей и тончайшего узорочья.

Особый интерес представляют знаменитые берестяные грамоты — письма простых горожан, написанные по самым различным поводам: то это короткая просьба дать взаймы гривну, то приглашение на похороны, записка к жене с просьбой прислать чистое белье, долговые расписки, челобитные, завещания, любовные письма, стихи или избирательные «жеребья» с единственным именем на всем листе. Ни один из средневековых городов Европы не может похвастаться таким разнообразным эпистолярным фондом, который создавался ремесленниками и торговцами, домашними хозяйками и боярами.

В XII—XIII вв. Новгород Великий представлял собой огромный город, основное население которого составляли ремесленники самых разнообразных специальностей. Здесь были и кузнецы, и гончары, и мастера золотых и серебряных дел, и множество мастеров, специализировавшихся на изготовлении определенного вида изделий, — щитники, лучники, седельники, гребенщики, гвоздочники и т. п. Иногда имена ремесленников попадали в летопись, а иной раз о них можно узнать

Письмо на бересте с просьбой взять коней, расписные хомуты, вожжи, уздечку и попоны. XII в.

Серебряный сосуд, изготовленный мастером Братилой
для посадника Петра

по подписям на их изделиях. Так, например, известны два великолепных серебряных сосуда, изготовленных, возможно, для посадников; на них есть подписи: «Братило делал», «Коста делал». Новгородцы славились как искусные плотники, и в раскопках найдено много остатков деревянных домов и резных украшений. Целый «конец» Новгорода назывался Плотницким, а многие улицы долго хранили память о селившихся кучно ремесленниках: Щитная, Кузнецкая, Кожевники, Гончарная и др. Ремесло, существовавшее первоначально как работа на заказ, в XII в. все больше связывалась с рынком. По всей вероятности, наиболее богатые из мастеров торговали своей продукцией на главном Торгу Новгорода, как это хорошо известно для более позднего времени.

Важную роль в жизни города играла и внешняя торговля. Новгород был связан с Киевом и Византией, с Волжской Болгарией и прикаспийскими странами, с

Готландом и всей Южной Прибалтикой. В самом Новгороде были иноземные торговые дворы — Немецкий двор, Готский двор, а Новгородский двор был, например, в Киеве. На городском Торгу можно было купить и изделия ремесленников этого города, и продукты, привезенные крестьянами из окрестных деревень и разных русских княжеств, и множество разнообразных заморских товаров из стран Востока, Западной Европы, Византии. Выгодное географическое положение Новгорода способствовало развитию внешней торговли, которая была делом не только купцов, но и бояр, и новгородской церкви. Далекие торговые экспедиции, требовавшие оснащения кораблей и большой вооруженной охраны, спланивали боярско-купеческие круги и выдвигали их сразу на видное место. В новгородском былинном эпосе эти далекие плавания опоэтизированы: в 1070-е годы появилась былина о плавании к Корсуню (Херсонесу) в Крыму; былина о Садко, богатом госте, очень живо рисует и быт самого Новгорода Великого в XII в., и плавание 30 кораблей по синему морю.

Несмотря на ремесленно-торговый характер основной массы населения Новгорода, реальная власть принадлежала в городе и в стране боярам-землевладельцам, вотчины которых находились как в пределах новгородских сотен, так и в далеких колониях в Заволочье, на Двине и Ваге. В силу особенностей Новгородской земли боярство было прочно связано с внешней торговлей пушниной, и это придавало ему большую экономическую силу и корпоративную сплоченность, пригодившуюся в борьбе с княжеской властью. Вплоть до начала XIII в., пока у рубежей Новгородской земли не появились немецкие рыцарские ордена, Новгород не знал постоянной угрозы внешней опасности, и военные резервы боярства могли расходоваться на охрану торговых караванов, тысячеверстных путей и отдаленных факторий-погостов. Важными форпостами Новгорода были Псков и Ладога, боярство которых иногда принимало участие в политической жизни своего «старшего брата», но иногда проявляло и самостоятельность, как это наблюдалось в Пскове в XII в.

В Новгороде Великом постоянно кипела классовая борьба «черных людей» против бояр, ростовщиков и монастырей и борьба между собой различных групп бояр-

ства; непрерывно возрастало сопротивление власти Киева. Особенно заметно было это стремление к обособлению от Киева на ранних этапах новгородской истории. Оно приобретало характер общегородской борьбы всех слоев и групп Новгорода, объединенных общими задачами. Их наличие несколько отодвигало на задний план классовую борьбу, так как боярство демагогически использовало вечевые собрания, предъявляло нелюбимым князьям обвинения в том, что они «не блюдут смердов», и изображало свою борьбу за власть как общую борьбу за новгородские вольности.

На протяжении XI в. новгородское боярство много раз проявляло свою волю в отношении великих князей и тех князей-наместников, которых Киев посылал в Новгород. Вспомним, как гордилось новгородское боярство победоносным походом на Киев при Ярославе Мудром и теми грамотами, которые закрепляли новгородские вольности в 1016 г. В последнюю четверть XI в. существенно изменилась летописная формула извещения о начале княжения нового князя; ранее говорили: «Великий князь Киевской «посади» князя в Новгороде». Теперь стали говорить: «Новгородцы «введоша» князя себе». Летопись запестрела такими фразами, как «бежа князь», новгородцы «выгнаша князя», «показаша путь» князю. Первым изгнанником оказался Глеб Святославич, выступивший против всего города в защиту епископа и, как мы помним, собственноручно зарубивший волхва. Новгородцы его «выгнаша из города и бежа за Волок и убиша (его) Чудь». Это произошло в 1079 г. Появилась новая система «выкармливания» князя. Новгород приглашал к себе юного княжича из семьи влиятельного князя и с ранних лет приучал его к своим боярским порядкам. А если великий князь пытался сменить такого вскормленника и заменить его по давней традиции своим сыном, то боярство горой вставало за своего князя. Так было с Мстиславом Владимировичем, сыном Мономаха, который с 12 лет княжил в Новгороде. По прошествии 14 лет, в 1102 г., Святополк Киевский пытался заменить его своим сыном, но новгородское посольство вступило с великим князем в великую «прю» и довольно дерзко заявило ему: «Если у твоего сына две головы — то посылай его к нам!». Мстислав остался в Новгороде и даже породнился с

новгородским боярством, женившись вторым браком на дочери посадника.

Новое значение в это время приобретает и важный пост посадника, так сказать, премьер-министра в боярской республике. Ранее посадник был доверенным лицом великого князя, посланным из Киева. В XII в. посадников новгородцы выбирают сами из среды наиболее знатного боярства, а в XIII в. утверждается тезис, что «новгородцы в князьях и посадниках вольны». При Владимире Мономахе была сделана последняя попытка круто обойтись с новгородским боярством. Когда Мстислав был отозван отцом на юг, а в Новгороде остался его сын Всеволод, то боярство стало, очевидно, держать себя слишком независимо. Владимир и Мстислав совместно вызвали в 1118 г. всех новгородских бояр в Киев, заставили их присягнуть на верность, а некоторых бояр, провинившихся в каких-то незаконных конфискациях, оставили в столице и заточили. Среди заточенных был новгородский сотник боярин Ставр. О нем была сложена похожая на былину новелла, рисующая привольное житье боярина в Новгороде:

В Нове-городе живу да я хозяином,
Я хозяином живу да управителем...
У меня ли у Ставра у боярина
Злата, серебра стоят кованы ларцы,
Крупну жемчугу бурмицкому несть числа...

Приехав по вызову князя Владимира в Киев (как и в летописи), боярин Ставр посмеивается над киевским боярством, да и над самим великим князем. В Новгороде в эти годы строилась новая крепостная стена, заложная еще Мстиславом в 1116 г., «более прежней», и вот новгородец иронически отзывается об укреплениях Киева:

Ой, глупые бояре, неразумные,
Они хвалятся градом Киевом...
А что это за ограда во Киеве
У ласкова князя Владимира?
У меня ли у Ставра широкий двор
Не хуже будет города Киева!...

Далее былина описывает, как Владимир, разгневавшись на хвастливого новгородца, посадил Ставра в

«погребы глубокие». Летопись ничего не сообщает о его дальнейшей судьбе, а былина-новелла вся посвящена ловким и смелым действиям Ставровой молодой жены, одурачившей князя и добившейся освобождения своего мужа.

Однако расправа с новгородским боярством ради поддержания престижа молодого князя Всеволода Мстиславича не остановила сепаратистских стремлений Новгорода. Всеволод (1117—1136 г.) был последним князем, при котором Киев (в лице деда Всеволода и отца) вмешивался во внутренние дела Новгорода.

Всеволод Мстиславич довольно долго выполнял различные военные поручения Новгорода, но в 1132 г., когда после смерти Мстислава «раздрася вся земля Русская», он, соблазнившись перспективой приобрести крупный удел на юге, поскакал в Переяславль, но продержался в этом городе лишь несколько часов — к обеду его уже выгнал оттуда Юрий Долгорукий, его дядя, который и сам смог продержаться там лишь восемь дней.

Князь Всеволод вернулся в Новгород, рассчитывая, очевидно, на поддержку посадника Петрилы Микульчича и архиепископа Нифонта. Но здесь он застал необычайное брожение как в самом городе, так и по всей Новгородской земле: боярство, по всей вероятности, в свое время заключило с ним договор о пожизненном княжении, чтобы еще раз не испытывать на себе тяжелую руку Мономаха (как это было на втором году княжения юного Всеволода в 1118 г.). Теперь новгородцы, псковичи и ладожане, собравшись все вместе, припомнили ему его обещание не покидать Новгорода до самой смерти («хощу у вас умрети») и в наказание за легкомысленную поездку в Переяславль «выгониша князя Всеволода из города». Однако с полпути его вернули.

Новый конфликт созрел два года спустя, когда Всеволод снова пытался ввязаться в южные дела. При обсуждении возможного похода на Суздаль прения на вече приняли острый характер. «Почаша молвити о суздальской войне новгородцы и убиша муж свои и вергоша с моста...»

Во время самого похода произошла смена посадников, и сторонник Всеволода Петрила был устранен. Поражение, понесенное новгородцами в битве на

Ждане горе в 1135 г., еще более обострило недовольство Всеволодом, втянувшим Новгород в эту невыгодную войну.

К бурным 1135—1136 гг., которые иногда называли даже «новгородской революцией», относятся два очень важных документа, отражающих дела купеческих корпораций. Рассмотренные совместно с летописью, они могут отчасти помочь в выяснении княжеской политики в последние критические годы существования княжеской власти в Новгороде. Несмотря на то, что оба документа подправлялись потомками в XIII—XIV вв., можно предположительно выделить их первоначальное ядро.

В 1135 г. при посаднике Мирославе князь Всеволод составил «рукописанье», посвященное льготам и привилегиям купеческому братству при церкви Ивана на Опоках, построенной среди новгородского Торга в 1127—1130 гг. «Рукописанье» отчетливо утверждает и защищает права богатого купечества, «пошлых купцов». При церкви Ивана на Опоках учреждался совет из трех старост. Купцы выбирали двух старост, а от «житых» и «черных людей» был только один, да и то не выборный, а официальное лицо, боярин тысяцкий. Ивановскому братству давалось самоуправление и суд по торговым делам, независимые от посадника. Стать членом гильдии мог богатый купец (или сын богатого купца), вносивший большой вклад в 50 гривен. В пользу Ивановского братства шли таможенные пошлины с воска, привозимого в Новгород со всех концов Руси. Гильдия имела свой общинный праздник 11 сентября, когда из общей казны тратили (очевидно, на устройство пира) 25 гривен серебра, зажигали в церкви 70 свечей и приглашали служить в ней самого владыку, получавшего за это гривну серебра и сукно. Праздник братства Ивана на Опоках длился целых три дня. Такие совместные праздники членов купеческих гильдий или ремесленных цехов были характерны для всех средневековых городов Европы и Востока. Издавая этот документ, князь, очевидно, рассчитывал на поддержку купечества.

Тем временем в начавшейся феодальной раздробленности и распрях князей Новгород попытался сказать свое слово в общерусской политике — посадник Мирослав Гюрятинич ездил в Южную Русь мирить киевлян с черниговцами. Князь Всеволод, остававшийся в Новго-

роде, давал противоречивые рекомендации относительно того, с кем из соперников надо быть Новгороду в союзе.

Недовольство князем со стороны новгородского боярства возросло одновременно с сознанием их собственного могущества. Кроме боярства и купечества, в Новгороде были еще две силы, на которые мог бы положиться князь в поисках опоры для своего пошатнувшегося престола, — церковь и «черные люди». С «черными людьми» у Всеволода были враждебные отношения, что и было ему потом поставлено в вину. Оставалась церковь, являвшаяся в Новгороде значительной экономической и политической силой. И вот появляется второй документ Всеволода Мстиславича, в котором он частично зачеркивает привилегии, только что данные купечеству. Это — «Устав Всеволода о церковных судах... и о мерилах торговых». Устав был обнародован таким образом: на заседание княжеского совета в присутствии бояр, княгини и архиепископа были приглашены десять сотских, бирюч и два старосты; один из них — ивановский староста Васята. В уставе очерчен круг людей, подвластных церкви, и состав тех преступлений, которые подведомственны церковному суду (развод, умыкание, чародейство, волхование, ссоры между родными, ограбление мертвецов, языческие обряды, убийство внебрачных детей и др.).

Но начинается устав с того, что князь определяет, кому он вверяет суд и мерила торговые: на первом месте оказывается церковь «Святой Богородицы на Торгу», далее Софийский собор и епископ и лишь на третьем месте «староста Ивановский». Текст здесь неисправен — после Богородицкой церкви написано: «...В Киеве и митрополиту...»; это явное недоразумение, так как в Киеве не было такой церкви, а новгородская божница в Киеве носила имя Михаила. После уточнения некоторых экономических деталей (какие оброчные статьи получают ивановский поп и сторож) говорится, что старосты и торговцы должны управлять «домом святого Ивана», «докладывая владыке», т. е. дела купеческой корпорации ставились под контроль новгородского архиепископа.

Церковь Богородицы на Торгу была заложена князем Всеволодом вместе с владыкой Нифонтом в 1135 г. Зимою Нифонт ездил в Киев: «Устав Всеволода», пожалуй,

Церковь Ивана «на Петрятине дворище» («на Опоках»), являвшаяся центром купеческой корпорации «Иваньского ста»

правильнее датировать началом 1136 г., когда церковь на Торгу уже была построена и владыка вернулся из своей дипломатической поездки. Новый документ (если только он верно понят нами) укреплял связи князя с церковью и ее влиятельным главой — архиепископом, но должен был вызвать недовольство новгородского купечества, корпоративная церковь которого — Иван на Опоках — оказалась отодвинутой на второй план, а на первое место выдвинулась новопостроенная Богородицкая церковь.

Дальнейшие события показали, что князь просчитался: 28 мая 1136 г. по приговору веча (с участием псковичей и ладожан) Всеволода вместе с женой, детьми и тещей арестовали и он был посажен в епископский дворец, где 30 вооруженных воинов стерегли его (а заодно, может быть, и владыку?) два месяца. В июле Всеволода выпустили из города, предъявив ему обвинения:

1. «Не блюдет смерд».
2. Зачем в 1132 г. польстился на Переяславль?
3. Зачем первым бежал с поля боя в 1135 г.?
4. Зачем склонял к союзу с Черниговом, а потом велел разорвать этот союз?

С этого времени вольнолюбивый Новгород Великий окончательно становится боярской феодальной республикой. Красочность записей 1136 г., сделанных в летописи, как предполагают, ученым математиком Кириком, дает возможность особенно выпукло воспроизвести события 1136 г., но, как было видно, приход новгородского боярства к власти фактически совершился раньше. После изгнания Всеволода, нашедшего приют у «младшего брата» Новгорода, в Пскове, в Новгород был приглашен Святослав Ольгович из Чернигова. Кипение страстей в Новгороде продолжалось — то новгородцы сбросят с моста какого-то боярина, то архиепископ откажется венчать нового князя и запретит всему духовенству идти на свадьбу, то какой-то доброхот изгнанного Всеволода пустит стрелу в Святослава, то какие-то мужи новгородские тайно пригласят Всеволода опять вернуться к ним. Когда же тайное стало явным, «мятеж бысть велик в Новгороде: не восхотеша людьє Всеволода». Бояре — друзья Всеволода — или бежали к нему в Псков, и их имущество подвергалось конфискации, или платили огромную контрибуцию. Очень важно отметить, что 1500 гривен,

собранные с «приятелей» Всеволода, были розданы купцам в 1137 г. для того, чтобы они могли снарядиться на войну с Всеволодом («... и даша купцем крутиться на войну...»).

Купечество, очевидно, не могло простить Всеволоду его вероломства и быстрого отказа от привилегий «Иваньского ста» в пользу владыки. Все произошло так, как сам князь в поисках новых союзников определил в своем втором документе: владыка, получивший торговые пошлины, остался верен Всеволоду, а купцы, на протяжении одного года то обласканные, то ущемляемые им, стали его врагами.

Последние князья Новгорода были по существу наемными военачальниками. Новгород Великий в XII—XIII вв., управляемый боярами, был ареной напряженной классовой борьбы. Обособление его от власти киевского князя сказалось в том, что боярское правительство все чаще стало принимать участие в усобицах в других землях, а это сильно ухудшало положение и крестьян, и городского люда, на плечи которых ложилась вся тяжесть междоусобных войн, разорявших страну и затруднявших подвоз хлеба из более хлебородных земель.

Восстание 1136 г. было далеко не единственным. В 1209 г. вспыхнуло восстание против посадника Дмитра Мирошкинича. Его сокровища были разделены восставшими «на зуб по 3 гривны по всему городу».

В 1228 г. «простая чадь» Новгорода возмутилась против архиепископа Арсения и тысяцкого Вячеслава. «Возмутился весь город», — говорит летописец и описывает далее, как народ прямо с веча двинулся с оружием против боярских и владычных дворов. Был поставлен другой архиепископ, и в числе его помощников оказался мастер-оружейник Микифор Щитник.

Богатый ремесленно-торговый город, столица огромной земли, границы которой терялись у берегов Ледовитого океана, Новгород на протяжении XII — начала XIII в. быстро рос, развивался, расширял свои торговые связи, создавал своеобразную культуру.

Наиболее близкой аналогией Новгороду в Западной Европе была Флоренция, богатая торгово-аристократическая республика, внутренняя история которой тоже полна борьбы феодальных партий, борьбы бедных горожан с ростовщиками и патрициями.

История Новгорода не была так трагически прервана татарским нашествием, как это было с Киевом, Черниговом и другими городами. Новгород успешно отбил-ся от «псов-рыцарей» и легче, чем другие земли, перенес утверждение татарского ига, но и на нем тяжело сказались первые десятилетия общего упадка.

Новгород Великий играл очень важную роль в истории Руси, Западной Европы и далекого Северо-Востока, куда вместе с новгородской мирной колонизацией проникло русское ремесло и русское земледелие. Этим был подготовлен путь дальнейшего движения в Сибирь.

РУСЬ
В ЭПОХУ
СЛОВА О ПОЛКУ
ИГОРЕВЕ

Философы античной древности умели иногда взглянуть на современный им мир достаточно широко и понять общие явления. Это облегчалось тем, что корабли их страны свободно плавали по всем морям тогдашнего мира и повсюду был понятен язык их страны.

Людям средневековья мир предстал как совокупность множества малых миров, каждый со своим языком, обычаями, пограничными крепостями, своей монетной системой... Редко кому удавалось подняться на достаточную высоту над феодальными рубежами, чтобы понять общую картину, уловить направление исторического движения.

Русь эпохи феодальной раздробленности могла гордиться тем, что ее общие дела были охвачены единым взором, оценены с самых благородных патриотических позиций и были выражены в страстной поэме, в которой нежные поэтические строки сливались воедино с могучим голосом полководца. Такой поэмой было «Слово о полку Игореве», позволяющее нам сквозь призму коротких мудрых строк взглянуть на все русские княжества; автор как бы расстилает перед нами карту Великой Русской равнины и показывает судьбы земель от Карпат до Нижней Волги и от Ильмень-озера до Черного моря. В эти широкие рамки вместились бы вся Западная Европа с ее сотнями королевств и герцогств.

«Слово о полку Игореве» преследовало вполне определенную цель. Ранней весной 1185 г. половецкий хан Кончак «со множеством половец» двинулся на Русь, предполагая сжечь русские крепости какими-то огромными огнемётными катапультами. Киевские и переяславские войска стремительно вышли в степь и разбили половец на р. Хороле.

Игорь Святославич Новгород-Северский со своими вассалами (не принимавший участия в разгроме Кончака) решил в особицу, не сообразуясь с действиями главных русских сил, попытать счастья и совершить поход в глубь степей. 23 апреля войска Игоря выступили в поход, «трубы трубили в Новеграде...», а уже 12 мая все было кончено — «далеко залетевшее во поле Олегово хороброе гнездо» было окружено несметными полками

половцев и разбито где-то недалеко от Азовского моря: «На реце на Каяле тьма свет покрыла; по Русской земле прострошася половци, аки пардуже гнездо...» Легкомысленный поход Игоря открывал брешь в хорошо налаженной обороне переяславско-курского рубежа. Нужно было организовать новый поход, созвать всех русских князей для того, чтобы выправить беду, случившуюся в Русской земле.

Ради этого и написано «Слово о полку Игореве». Автор его, желая сплотить против половцев все русские земли (кроме далекого Новгорода) вокруг древнего ядра Киевской Руси, делает яркие исторические сопоставления, использует тончайшие краски народной лирики и смело обращается к древней мифологии, как бы предвосхищая мастеров Возрождения. Автор то спорит со знаменитым Бояном, то возвращается на 800 лет назад от своей эпохи, чтобы вспомнить о пленении антского Буса, то заставляет славянских языческих богов и богинь, как в античности, помогать враждующим сторонам.

Интересно пристальнее рассмотреть обстоятельства написания «Слова о полку Игореве».

В момент похода Игоря киевский князь Святослав мирно объезжал свой старый черниговский домен и лишь на обратном пути, проезжая через опустевший Новгород Северский, узнал о том, что северские князья «шли суть на Половци, утаившеся его. И не любо бысть ему». И только тогда, когда великий князь доплыл в ладьях до Чернигова, сюда добрался участник несчастливого «полка Игорева», ускользнувший из окружения Беловолод Просович. Он и рассказал о трагедии на берегах Каялы и о том, что поражение Игоря «отвориша ворота на Русьскую землю».

Половецкие полки уже двигались в трех направлениях: на обезлюдевшие княжества Игоря и Буй-тура Всеволода, на Переяславль и на самый Киев, куда Кончака манили воспоминания о хане Боняке, стучавшем саблей в Золотые ворота Киева.

Надо думать, что после известий, полученных в Чернигове, великий князь не продолжал плыть по извиистой Десне, а, вспомнив стремительную езду Мономаха, помчался в Киев верхом со скоростью «от заутрени до вечерни». Ночь в Киеве была тяжела. Как повествует

Князь Всеволод Святославич
(один из героев «Слова о полку Игореве»)
Реконструкция М. М. Герасимова по черепу

«Слово», князю снился черный погребальный покров, отравленное вино, терем без главного конька, всю ночь каркали вороны...

Далее следует главная часть поэмы — призыв ко всем русским князьям встать за землю Русскую, облеченный в поэтическую форму «златого слова» Святослава.

Летопись подтверждает наличие такого призыва: «А князь Святослав посла по сыны свое и по все князи и собирашася к нему к Киеву и выступиша к Каневу...» В Радзивилловской иллюстрированной летописи этот

текст сопровождается такой миниатюрой, которая заставляет думать о том, что художнику хорошо было знакомо обращение «златого слова»: «Вступита, господина, в злата стремя... за землю Русскую!» Рисунок на переднем плане изображает оруженосца, держащего рукой стремя, и князя, садящегося в седло, как бы вступающего в «злато стремя».

Стратегия обороны была такова: сын Святослава Олег с воеводой Тудором был немедленно послан отражать половцев от берегов Сейма (в княжестве плененного Игоря), в Переяславле уже бился с ними внук Долгорукого Владимир Глебович, а главные силы стояли «постеречь Русской земли» на Днестре у Канева, охраняя Рось и важный стратегический Зарубинский брод, связывавший с переяславским левым берегом.

Можно думать, что почти все лето 1185 г. ушло на такое противостояние половцам, так как летопись сообщает и о приходе войск из Смоленска, и о пересылках гонцами с Переяславлем и с Триполем, и о внутренних маневрах половцев, нащупывавших слабые места в 600-километровой русской обороне, организованной наспех, в тяжелейших условиях. Потребность в новых силах была велика на протяжении всего лета. Еще больше была потребность в единении всех русских войск, даже тех, которые уже пришли под знамена киевского князя.

Князья неохотно выступали на бой против половцев. Ярослав Черниговский собрал войска, но не двигался на соединение со Святославом, за что и заслужил осуждение в «златом слове». Давыд Ростиславич Смоленский привел свои полки на Киевщину, но стал в тылу киевских полков у Триполя в устье Стугны и отказывался выступать далее.

А в это время Кончак осадил Переяславль; князь Владимир едва вырвался из боя, раненый тремя копьями. «Се половци у мене. А помозите ми!» — посылал он сказать Святославу.

Святослав же и его соправитель Рюрик Ростиславич не могли немедленно двинуть свои силы, так как Давыд Смоленский готовился к возвращению домой. Смоленские полки устроили вече и заявили, что они де условились идти только до Киева, что сейчас боя нет, а

Конные воины. Серебряная чара восточной работы (XII в.),
найденная в Чернигове

идти в дальнейший поход они не могут: «Уже ся есмы
изнемогле».

Пока шел этот недостойный торг с Давыдом, Кончак
напал на город Римов на Суле, и половцы изрубили
или полонили всех его жителей:

Се у Рим кричат под саблями половецкими.

А Владимир под ранами,

Туга и тоска сыну Глебову...

Святослав и Рюрик, шедшие на помощь Переяславлю и Римову, задержались из-за «кормомлы» Давыда. Гибель Римова летопись прямо ставит в связь с тем, что русские силы «опоздишася, ожидающе Давыда со Смолняны».

Когда же соединенные полки Святослава и Рюрика форсировали Днепр, чтобы отогнать Кончака, Давыд ушел от Триполья и повернул вспять свои смоленские войска.

С большой горечью пишет об этом автор «Слова о полку Игореве»:

Ныне сташа стязи Рюриковы,
А друзии — Давидовы,
Но розно ся им хоботы пашут,
Копиа поют...

Автор вспомнил древних князей, пожалел о том, что старого Владимира (Святославича) нельзя было навечно оставить здесь, на Киевских горах, сказал о том, как стонет Русь, так как «теперь стоят стяги Рюрика, а рядом — его брата Давыда, но по-разному развеваются их бунчуки («хоботы»), но по-разному поют их копья».

Не случайно поэт вспомнил старого Владимира — ведь именно здесь, на берегах Стугны, где совершилось предательство смоленского князя, два века тому назад Владимир Святославич поставил цепь своих богатырских застав. Мысль автора еще раз настойчиво возвращается к этой реке: при описании побега Игоря Стугну он противопоставляет Донцу, «лелеявшему князя на волнах», вспоминая гибель Мономахова брата в 1093 г. в водах Стугны:

Не тако ти, рече, река Стugna,
Худу струю имея, пожерши чужи ручьи и стругы
Рострена к устью.
Уношу князю Ростиславу затвори
Днепрь темне березе плачется мати Ростиславля
По уноши князи Ростиславе
Уныша цветы жалобою
И древо с тугою к земле преклонилося.

Можно думать, что автор «Слова», находясь при своем князе Святославе, провел это грозное лето 1185 г.

в стане русских войск между Каневом и Триполем, между Росью и Стугной и должен был быть свидетелем приезда гонцов из осажденных и сожженных городов, рассылки гонцов за новыми «помочами», трусливого вероломства Давыда под Триполем.

Не в эти ли месяцы «противостояния», когда нужно было найти особые вдохновенные слова для объединения русских сил, для привлечения к обороне князей отдаленных земель, и сложилось замечательное «золотое слово»? Ведь в этом разделе «Слова о полку Игореве», завершающемся рассказом об измене Давыда, нет ни одного факта, который выходил бы за хронологические рамки тех нескольких месяцев, когда Святослав и Рюрик держали оборону на Днепре от Витчевеского брода до Зарубинского, от Триполя до Канева. Не с Каневских ли неприступных высот, овеванных языческой старицей, смотрел на Русь и на Половецкую степь автор «Слова о полку Игореве»?

КИЕВСКОЕ КНЯЖЕСТВО В XII — НАЧАЛЕ XIII в.

Для автора «Слова о полку Игореве» Киевское княжество было первым среди всех русских княжеств. Он трезво смотрел на современный ему мир и не считал уже Киев столицей Руси. Великий князь киевский не приказывает другим князьям, а просит их «вступить в златые стремена за землю Русскую», а иногда как бы спрашивает: «Не думаешь ли ты прилететь сюда издалека, чтобы охранять отчий золотой трон?» — как обратился он к Всеволоду Большое Гнездо.

Автор «Слова» с большим уважением относится к суверенным государям, князьям других земель и совершенно не предполагает перекраивать политическую карту Руси. Когда он говорит о единстве, то имеет в виду лишь то, что было вполне реально тогда, — военный союз против «поганых», единую систему обороны, единый замысел далекого профилактического рейда в степь. Но на гегемонию Киева он не притязает, так как этот город давно уже превратился из столицы Руси в

столицу одного из княжеств и находился почти в равных условиях с такими городами, как Галич, Чернигов, Владимир на Клязьме, Новгород, Смоленск и др. Отличала Киев от этих городов лишь его историческая слава и положение церковного центра всех русских земель. До середины XII в. Киевское княжество занимало значительные пространства в правобережье Днепра: почти весь бассейн Припяти и бассейны Тетерева, Ирпени и Роси. Позднее Пинск и Туров обособились от Киева, а земли западнее Горыни и Случи отошли к Волынской земле.

Особенностью Киевского княжества было наличие большого количества старых боярских вотчин с укрепленными замками, сосредоточенных в старой земле Полян на юг от Киева. Для защиты этих вотчин от половцев еще в XI в. по р. Роси (в «Поросье») были поселены значительные массы кочевников, изгнанных половцами из степей: торков, печенегов и берендеев, объединяемых общим именем — «весь Черный Клобук». Они как бы предвосхищали будущую пограничную дворянскую конницу или казачество и несли пограничную службу на огромной степной поляне между Днестром, Стугной и Росью. Столицей полуавтономного Поросья был то Канев, то Торческ, огромный город с двумя крепостями на северном берегу Роси. Торческая знать постепенно сливалась с русским феодальным классом, усваивала русский язык.

Черные Клобуки играли важную роль в политической жизни Руси XII в. и нередко влияли на выбор того или иного князя. Бывали случаи, когда Черные Клобуки гордо заявляли одному из претендентов на киевский престол: «В нас ти есть, княже, и добро и зло», т. е. что достижение великокняжеского престола зависит от них, постоянно готовых к бою пограничных конников, расположенных в двух днях пути от столицы.

За те полвека, которые отделяют «Слово о полку Игореве» от времени Мономаха, Киевское княжество прожило сложную жизнь.

В 1132 г. после смерти Мстислава Великого от Киева одно за другим стали отпадать русские княжества: то из Суздаля пойдет походом Юрий Долгорукий, чтобы захватить Переяславское княжество, то соседний Всеволод Ольгович Черниговский вместе с своими друзьями.

половцами «поидоша воюючи села и города..., и люди секуще даже и до Киева придоша...» Новгород, как мы видели, окончательно освобожден от власти Киева. Ростово-Суздальская земля действовала уже самостоятельно; Смоленск по своей воле принимал князей; в Галиче, в Полоцке, в Турове сидели свои особые князья. Кругозор киевского летописца сузился до киево-черниговских конфликтов, в которых, правда, принимали участие и византийский царевич, и венгерские войска, и берендеи, и половцы.

После смерти незадачливого Ярополка в 1140 г. на киевский стол сел еще более незадачливый Вячеслав, но продержался всего лишь восемь дней — его выгнал Всеволод Ольгович, сын Олега «Гориславича», много лет штурмовавший рубежи Киева и, наконец, добившийся своего.

Киевская летопись изображает Всеволода и его братьев хитрыми, жадными и криводушными людьми. Великий князь вел непрерывно интриги, ссорил родичей, жаловал опасным соперникам далекие уделы в медвежьих углах, чтобы удалить их от Киева.

Попытка вернуть Новгород не увенчалась успехом, так как новгородцы выгнали Святослава Ольговича «про его злобу», «про его насилье».

Игорь и Святослав Ольговичи, братья Всеволода, были недовольны им, и все шесть лет княжения прошли во взаимной борьбе, нарушениях присяги, заговорах и примирениях. Из крупных событий можно отметить упорную борьбу Киева с Галичем в 1144—1146 гг.

Всеволод, над которым киевляне посмеивались еще во времена его молодости (о нем сложена сатирическая былина «Чурило»), не пользовался симпатиями киевского боярства; это отразилось и в летописи и в той характеристике, которую взял из неизвестных нам источников В. Н. Татищев: «Сей великий князь ростом был муж велик и вельми толст, власов мало на главе имел, брада широкая, очи не малые, нос долгий».

Мудр (хитер) был в советах и судах — для того, кого хотел, того мог оправдать или обвинить. Много наложниц имел и более в веселиях, нежели расправах упражнялся. Чрез сие киевляном от него тягость была великая. И как умер, то едва кто по нем, кроме баб любимых, заплакал, а более были рады.

Но при том более тягости от Игоря (его брата), ведая его нрав свирепый и гордый, опасались».

Главный герой «Слова о полку Игореве» — Святослав Киевский был сыном этого Всеволода.

Всеволод умер в 1146 г. Дальнейшие события ясно показали, что главной силой в княжестве Киевском, как и в Новгороде и в других землях, в это время являлось боярство.

Преемник Всеволода, его брат Игорь, тот самый князь свирепого нрава, которого так опасались киевляне, вынужден был присягнуть им на вече «на всей их воле». Но не успел еще новый князь отъехать с вечевого собрания к себе на обед, как «кияне» бросились громить дворы ненавистных тиунов и мечников, что напоминало события 1113 г.

Руководители киевского боярства Улеб тысяцкий и Иван Воитишич тайно послали посольство к князю Изяславу Мстиславичу, внуку Мономаха, в Переяславль с приглашением княжить в Киеве, и когда тот с войсками подошел к стенам города, бояре повергли свой стяг и, как было условлено, сдались ему. Началась новая стадия борьбы Мономашичей и Ольговичей.

Умный киевский историк конца XII в., игумен Моисей, располагавший целой библиотекой летописей различных княжеств, составил описание этих лет (1146—1154 гг.) из отрывков личных хроник враждовавших князей. Получилась очень интересная картина — одно и то же событие, один и тот же поступок у различных летописцев получал противоположные оценки: это и внушенное богом доброе дело, и козни «вселукавого дьявола».

Летописец Святослава Ольговича тщательно вел все хозяйственные дела своего князя и при каждой победе его врагов он педантично перечислял, сколько коней и кобыл они угнали, сколько погорело стогов сена, какая утварь была взята в церкви и сколько корчаг вина и меда стояло в княжеском погребе.

Особенно интересен летописец великого князя Изяслава Мстиславича (1146—1154 гг.). Это человек, хорошо знавший военное дело, принимавший участие в походах и военных советах, выполнявший дипломатические поручения своего князя. По всей вероятности, это боярин, киевский тысяцкий Петр Бориславич, много раз

упоминаемый в летописях. Он ведет как бы политический отчет своего князя и старается выставить его в наиболее выгодном свете, показать его хорошим полководцем, распорядительным правителем, заботливым сюзереном. Возвеличивая своего князя, он умело чернит всех его врагов, проявляя при этом незаурядный литературный талант. Для документирования своей летописи-отчета, предназначенного, очевидно, для влиятельных княжеско-боярских кругов, Петр Бориславич широко использовал подлинную переписку своего князя с другими князьями, киевянами, венгерским королем, с вассалами. Не обошел вниманием он и протоколы княжеских съездов, дневники походов. Только в одном случае он расходится с князем и начинает осуждать его — когда Изяслав поступает против воли киевского боярства.

Княжение Изяслава было заполнено борьбой с Ольговичами, с Юрием Долгоруким, которому дважды удалось ненадолго овладеть Киевом.

В процессе этой борьбы был убит в Киеве по приговору веча пленник Изяслава князь Игорь Ольгович (1147 г.).

В 1157 г. умер в Киеве Юрий Долгорукий, «пив бо Гюрги у осменика у Петрила...» Предполагают, что суздальский князь, нелюбимый в Киеве, был отравлен.

Во время этих усобиц середины XII в. неоднократно упоминались будущие герои «Слова о полку Игореве» — Святослав Всеволодич и его двоюродный брат Игорь Святославич. Пока еще это третьестепенные молодые князья, ходившие в бой в авангардных отрядах, получавшие небольшие города в удел и «целовавшие крест на всей воле» старших князей. Несколько позднее они закрепляются в крупных городах: с 1164 г. Святослав в Чернигове, а Игорь с 1179 г. в Новгороде Северском.

В 1180 г., уже незадолго до событий, описанных в «Слове», Святослав стал великим князем киевским.

В связи с тем, что Киев часто являлся яблоком раздора между князьями, киевское боярство заключало с ними «ряд» и ввело любопытную систему дуумвирата, продержавшуюся всю вторую половину XII в. Дуумвирами-соправителями были Изяслав Мстиславич и его дядя Вячеслав Владимирович, Святослав Всеволодич и

Рюрик Ростиславич. Смысл этой оригинальной меры был в том, что одновременно приглашались представители двух враждующих княжеских ветвей и тем самым отчасти устранялись усобицы и устанавливалось относительное равновесие. Один из князей, считавшийся старшим, жил в Киеве, а другой — в Вышгороде или Белгороде (он распоряжался «Русской землей»). В походы они выступали совместно и дипломатическую переписку вели согласованно.

Внешняя политика Киевского княжества иногда определялась интересами того или иного князя, но, кроме того, было два постоянных направления, требовавших непрерывной готовности. Первое и главнейшее — это, разумеется, Половецкая степь, где во второй половине XII в. создавались феодальные ханства, объединявшие отдельные племена. Киевские князья держали значительный постоянный резерв дружин. Обычно Киев координировал свои оборонительные действия с Переяславлем (находившимся во владении ростово-суздальских князей) и тем самым создавалась более или менее единая линия Рось — Сула. В связи с этим значение штаба такой общей обороны перешло от Белгорода к Каневу. Южные пограничные заставы Киевской земли, расположенные в X в. на Стугне и на Суле, теперь продвинулись вниз по Днепру до Орели и Самары.

К концу XII в. половецкая опасность была в значительной мере ослаблена.

Вторым направлением борьбы было Владимиро-Суздальское княжество. Со времен Юрия Долгорукого северо-восточные князья, освобожденные географическим положением от необходимости вести постоянную войну с половцами, устремляли свои военные силы на подчинение Киева, используя для этой цели пограничное Переяславское княжество. Высокомерный тон владимирских летописцев иногда вводил в заблуждение историков, и они считали порою, что Киев в это время совершенно заглох. Особое значение придавалось походу Андрея Боголюбского, сына Долгорукого, на Киев в 1169 г. Киевский летописец, бывший свидетелем трехдневного грабежа города победителями, так красочно описал это событие, что создал представление о какой-то катастрофе. На самом деле Киев продолжал жить полнокровной жизнью столицы богатого княжества и

после 1169 г. Здесь строились церкви, писалась общерусская летопись, создавалось «Слово о полку Игореве».

Киевского князя Святослава Всеволодича (1180—1194 гг.) «Слово» характеризует как могущественного победоносного полководца. Его племянники, Игорь и Всеволод Святославичи, своей торопливостью пробудили то зло («лжу»), которое незадолго перед этим «успил» Святослав, их феодальный сюзерен («отец»):

Святослав грозный великий Киевский грозою
Бяшетъ притрепал своими сильными полки и
харалучными мечи,

Наступи на землю Половецкую,
Притопта холми и яруги,
Взмути реки и озера,
Иссуши потоки и болота.
А поганого Кобяка из луку моря
От железных великих полков половецких,
Яко вихр, выторже.

И падеся Кобяк в граде Киеве,
в гриднице Святослави.
Ту немци и венедици, ту греци и морава
поют славу Святославлю,
Какоть князя Игоря...

Поэт имел здесь в виду победоносный поход объединенных русских сил на хана Кобяка в 1183 г.

Соправителем Святослава был, как сказано, Рюрик Ростиславич, княживший в «Русской земле» с 1180 по 1202 г., а потом побывавший на время великим князем киевским.

Автор «Слова о полку Игореве» целиком на стороне Святослава Всеволодича и о Рюрике говорит очень мало. Летописец же, наоборот, подчинен влиянию Рюрика. Поэтому деятельность дуумвиров освещена источниками пристрастно. Хорошо известно о конфликтах и разногласиях между ними; но также известно и то, что Киев в конце XII в. переживал эпоху расцвета и пытался даже играть роль общерусского культурного центра. Об этом говорит Киевский летописный свод 1200 г. игумена Моисея, вошедший вместе с Галицкой летописью XIII в. в так называемую Ипатьевскую летопись.

Киевский свод дает широкое представление о разных русских землях в XII в., используя целый ряд

летописей отдельных княжеств. Открывается он «Повестью временных лет», рассказывающей о ранней истории всей Руси. Свод завершается записью торжественной речи Моисея по поводу постройки за счет князя Рюрика стены, укрепляющей берег Днепра. Оратор, подготовивший свое произведение для коллективного исполнения «единными усты» (кантата?), называет великого князя царем, а его княжество величает «державою самовластной...», известной не только в Русских пределах, но и в далеких заморских странах, до конца вселенной».

После смерти Святослава, когда Рюрик стал княжить в Киеве, его соправителем по «Русской земле» (т. е. по Южной Киевщине) стал ненадолго его зять Роман Мстиславич Волинский (праправнук Мономаха). Он получил «лепшую волость» с городами Трипольем, Торческом, Каневом и др., составлявшую половину княжества. Однако этой лучшей волости позавидовал Всеволод Большое Гнездо, князь Суздальской земли, желавший быть в какой-то форме соучастником управления Киевщиной.

Началась длительная вражда между Рюриком, помогавшим Всеволоду, и обиженным Романом Волинским. Как всегда, в усобицу быстро были втянуты и Ольговичи, и Польша, и Галицкое княжество. Дело кончилось тем, что Романа поддержали многие города, Черные Клобуки и, наконец, в 1202 г. «отвориша ему кыяне ворота».

В первый же год великого княжения Роман организовал поход в глубь половецкой степи «и взя веже половецкие и приведе полона много и душ хрестыянских множество отполони от них (от половцев) и бысть радость велика в земли Русьстей».

Рюрик не остался в долгу и 2 января 1203 г. в союзе с Ольговичами и «всею Половецкою землею» взял Киев. «И сотворися велико зло в Русстей земли, якого же зла не было от крещенья над Киевом... Подолье взяша и пожгоша; ино Гору взяша и митрополью святую Софью разграбиша и десятинную (церковь)..., разграбиша и монастыри все и иконы одраша..., то положиша все себе в полон». Далее говорится о том, что союзники Рюрика — половцы изрубили всех старых монахов, попов и монашек, а юных черниц, жен и дочерей киевлян они увели в свои становища.

Очевидно, Рюрик не надеялся закрепиться в Киеве, если так ограбил его и ушел в свой собственный замок в Овруче.

В этом же году после совместного похода на половцев в Триполье Роман захватил в плен Рюрика и постриг в монахи всю его семью (включая и свою собственную жену, дочь Рюрика). Но Роман не долго правил в Киеве — в 1205 г. он был убит поляками, когда на охоте в своих западных владениях заехал слишком далеко от своих дружин.

С Романом Мстиславичем связаны поэтические строки летописи, дошедшей до нас, к сожалению, лишь частично. Автор называет его самодержцем всей Руси, хвалит его ум и храбрость, отмечая особенно борьбу его с половцами: «Встремил бо ся бяше на поганые, яко и лев, сердит же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и коркодил, и прехоужаше землю, их яко орел; хробор бо бе, яко и тур...» По поводу половецких походов Романа летописец вспоминает Владимира Мономаха и его разгром половцев. Сохранились и былины с именем Романа.

Одна из недошедших до нас летописей, использованная В. Н. Татищевым, сообщает чрезвычайно интересные сведения о Романе Мстиславиче.

Будто бы, после насильственного пострижения Рюрика и его семьи, Роман объявил всем русским князьям о том, что его тесть был свергнут им с престола за нарушение договора. Далее следует изложение взглядов Романа на политическое устройство Руси в XIII в.: киевский князь должен «землю Русскую отовсюду оборонять, в братии — князьях русских, добрый порядок содержать, дабы один другого не мог обидеть и на чужие области наезжать и разорять». Далее Роман обвиняет младших князей, пытающихся захватить Киев, не имея сил для его защиты, и тех князей, которые «приводят поганых половцев». Затем следует проект выборов киевского князя в случае смерти его предшественника. Выбирать должны шесть князей: суздальский, черниговский, галицкий, смоленский, полоцкий, рязанский; «младших же князей к тому избранию не потребно». Эти шесть княжеств должны передаваться по наследству старшему сыну, но не дробиться на части, «чтобы Русская земля в силе не умалялась». Роман предлагал созвать княжеский съезд для утверждения этого порядка. Трудно сказать, насколько достоверны эти сведения, но в условиях

1203 г. такой порядок, если бы он мог быть проведен в жизнь, представлял бы положительное явление. Однако стоит вспомнить благие пожелания накануне Любечского съезда 1097 г., его хорошие решения и трагические события, последовавшие вслед за ними.

После блестящих побед Романа над половцами, поляками и венграми к нему направил посла римский папа, стремясь склонить его к католичеству¹.

У Татищева сохранились характеристики Романа и его соперника Рюрика: «Сей Роман Мстиславич, внук Изяслава, ростом был хотя не весьма велик, но широк и надмерно силен, лицом красен, очи черные, нос велик с горбом, власы черные и коротки.

Вельми яр был во гневе, косен языком — когда осердится, не мог долго слова выговорить.

Много веселился с вельможами, но пьян никогда не бывал; много жен любил, но ни одна им владела. Воин был храбрый и хитрый на устройство полков... Всю жизнь свою в войнах препровождал, многи победы получил, а единою (лишь однажды) побежден был...»

Рюрик Ростиславич охарактеризован по-другому. Сказано, что он был на великом княжении 37 лет, но за это время шесть раз был изгоняем и «много пострадал, не имея покоя ни откуда, понеже сам питием многим и женами обладан был, мало о правлении государства и своей безопасности прилежал. Судьи его и по градам управители многую тягость народу чинили для того весьма мало он в народе любви и от княгини почтения имел...».

Очевидно, эти характеристики, полные средневековой сочности, составлял какой-нибудь галицко-волынский или киевский летописец, симпатизировавший Роману.

Интересно отметить, что Роман — последний из русских князей, воспетых былинами; книжная оценка и народная совпали, что случалось весьма редко: народ очень осмотнительно отбирал героев для своего былинного фонда.

Роман Мстиславич и «мудролюбивый» Рюрик Ростиславич — последние яркие фигуры в списке киевских

---

¹ См. В. Н. Татищев. История Российская, т. 3. М., 1774, стр. 344.

князей XII—XIII вв. Далее идут слабые временные владетели, не оставившие по себе памяти ни в летописях, ни в народных песнях.

Усобицы вокруг Киева продолжались и в те годы, когда над Русью нависла небывалая новая опасность — татарское нашествие. За время от несчастной битвы на Калке в 1223 г. до прихода Батыева под Киев в 1240 г. сменилось много князей, было много боев из-за Киева. В 1238 г. киевский князь Михаил, боясь татар, бежал в Венгрию, а в грозный год Батыева прихода он собирал в княжестве Даниила Галицкого пожертвованные ему феодальные оброки: пшеницу, мед, «говядо» и овец.

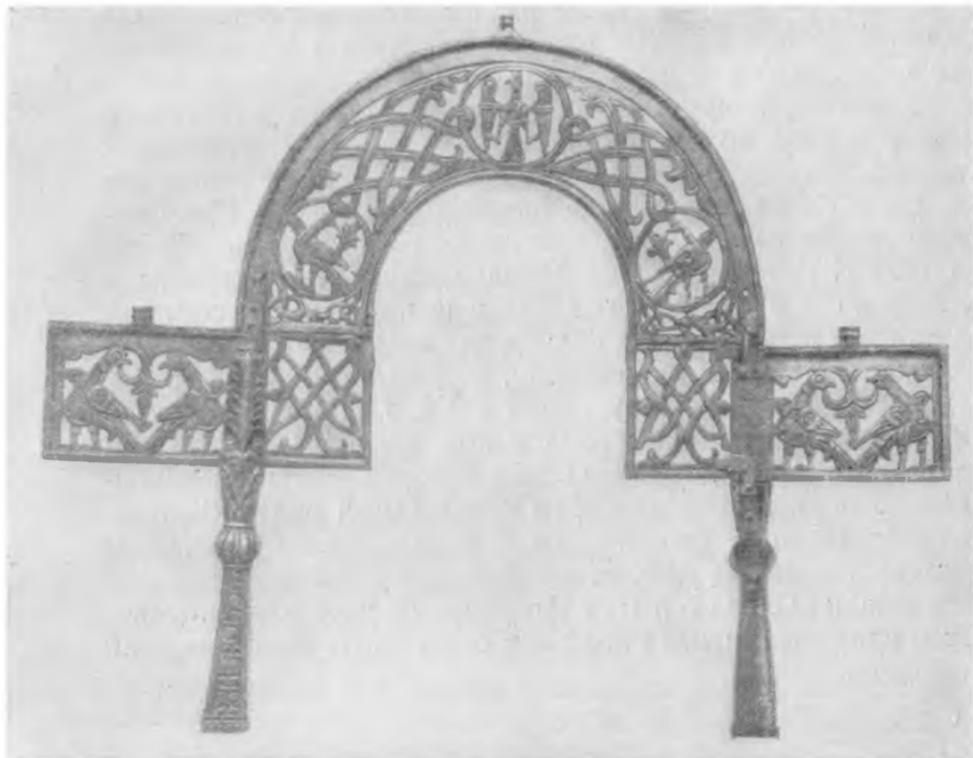
«Мать городов русских» — Киев прожил яркую жизнь на протяжении ряда веков, но в последние три десятилетия его домонгольской истории слишком сказывались отрицательные черты феодальной раздробленности, приведшей фактически к расчленению Киевского княжества на ряд уделов.

Певец «Слова о полку Игореве» не мог, конечно, своими вдохновенными строфами остановить исторический процесс.

ЧЕРНИГОВСКОЕ И СЕВЕРСКОЕ КНЯЖЕСТВА

Черниговское и Северское княжества составляли, как Киевское и Переяславское, части древней «Русской земли», того первоначального ядра Руси, которое сложилось еще в VI—VII вв., но сохранило свое имя долго.

Северская земля с Новгородом на Десне, Путивлем, Рыльском, Курском на Сейме и Донцом (близ современного Харькова) обособилась не сразу от Черниговской земли; это произошло в 1140—1150-е годы, но связь их ощущалась и в дальнейшем. Оба княжества были в руках Ольговичей. Быть может, поэтому Святослав Всеволодич Киевский и рассматривался в «Слове о полку Игореве» как сюзерен и черниговских и северских князей, так как он был внуком Олега Святославича, т. е. прямым Ольговичем и самым старшим из них. До прихода в Киев он был великим князем черниговским и из

Бронзовая арка из г. Вщижа (Черниговское княжество. XII в.)

Киева часто ездил то в Чернигов, то в Любеч, то в далекий Карачев.

Черниговскому княжеству принадлежали земли Радимичей и Вятичей: северо-восточная граница княжества доходила почти до Москвы. В династическом и церковном отношении Чернигову была подчинена даже далекая Рязань.

Особенно важны были южные связи Чернигова с Половецкой степью («Дешт-и-Кыпчак») и приморской Тмутараканью. Чернигово-северские земли на большом пространстве были открыты степям; здесь строились пограничные оборонительные линии, здесь оседали побежденные кочевники, вытесненные с хороших пастбищ новыми хозяевами-половцами.

Пограничное Курское княжество, выдержавшее много половецких набегов, стало чем-то вроде позднейших казачьих областей, где постоянная опасность воспитыва-

вала смелых и опытных воинов — «кметей». Буй-тур Всеволод говорит Игорю:

Мои ти куряни сведоми кмети:
Под трубами повити, под шелома взлелеяни,
Конец копя вскормлени.
Пути им ведоми, яругы им знаеми.
Луци у них напряжени, тулы отворени,
Сабли изострени.
Сами скачють, акы серыи волци во поле,
Ищучи себе чести, а князю славы.

Черниговским князьям, начиная с «храброго Мсти-слава, иже зареза Редедю пред полкы касожьскими» и до начала XII в., принадлежала Тмутаракань (современная Тамань) — древний город у Керченского пролива, большой международный порт, в котором жили греки, русские, хазары, армяне, евреи, адыгейцы. Средневековые географы, исчисляя длину черноморских маршрутов, нередко за одну из основных точек отсчета брали Тмутаракань.

К середине XII в. связи с Черниговом оборвались, и этот морской порт перешел в руки половцев. Этим и объясняется желание Игоря

Поискати града Тьмутороканя,
А любо испити шеломом Дону,

т. е. обновить старые пути к Черному морю, на Кавказ, в Крым и Византию. Если Киев владел днепровским путем «из Грек в Варяги», то Чернигов обладал своими дорогами к морю; только дороги эти слишком прочно были закрыты кочевьями нескольких половецких племен. Если киевские князья широко использовали Черных Клобуков в качестве заслона от половцев, то и черниговские Ольговичи имели «своих поганых».

В «златом слове» Святослав упрекает своего брата Ярослава Черниговского о том, что он уклонился от общего похода против половцев и занялся только обороной своей земли:

А уже не вижду власти сильного и богатого
И многова брата моего Ярослава
С черниговскими былями,
С могуты и с татраны,

И с шельбиры и с топчаки,
И с ревугы и с ольберы.
Тии бо бес щитов, с засапожники
Кликом полки побеждают,
Звонячи в прадедную славу...

Возможно, что здесь имеются в виду какие-то тюркоязычные дружины, очень давно, еще во времена «прадедов», оказавшиеся в Черниговской области; быть может, это тюрко-болгары или какие-то племена, приведенные Мстиславом с Кавказа в начале XI в.

Черниговское княжество по существу обособилось от Киевской Руси еще во второй половине XI в. и только временно при Мономахе было в вассальном подчинении киевскому князю. Неожиданное доказательство того, что черниговские князья считали в XII в. себя равноправными киевским, дали раскопки в столице Золотой Орды — в городе Сарае, где была найдена огромная серебряная заздравная чара с надписью: «А се чара великого князя Володимера Давыдовича...» Владимир был черниговским князем в 1140—1151 гг. в соправительстве со своим младшим братом Изяславом (умер в 1161 г.).

Географическое положение, родственные связи князей и давняя традиция дружбы с кочевниками сделали Черниговское княжество своего рода клином, врезавшимся в остальные русские земли; внутри же клина часто хозяйничали приглашенные Ольговичами половцы. За это не любили самого Олега Святославича, его сыновей Всеволода и Святослава; за это в Киеве убили третьего сына — Игоря Ольговича. Внук Олега, герой «Слова о полку Игореве» — Игорь Святославич, в свое время был очень прочно связан не с кем иным, как с Кончаком.

Игорь родился в 1150 г. (в год знаменитого похода ему было всего 35 лет) и в 1178 г. он стал князем новгород-северским. В 1180 г. Игорь вместе с другими Ольговичами и половцами зашел далеко в глубь Смоленского княжества и дал бой Давыду Ростиславичу под Друцком. Затем Игорь вместе с Кончаком и Кобяком двинулся к Киеву, и они отвоевали великое княжение для Святослава Всеволодича. Игорь во главе половецких войск охранял Днепр, но Рюрик Ростиславич, выгнанный ими из Киева, разбил половцев. «Игорь же, видев Половце по-

Чара князя Владимира Давыдовича

бежены, и тако с Кончаком вскочивше в лодью, бежа на Городец к Чернигову».

А три года спустя он уже воюет против половцев, против того же Кончака, напавшего на Русь. В этом походе Игорь рассорился с Владимиром Переяславским из-за того, кому из них ездить «на перед» (речь шла не о воинской славе, а о том, что авангардные части захватывали большую добычу). Рассердившийся Владимир повернул полки и ограбил Северское княжество Игоря. В 1183 г. у Игоря уже возникла идея сепаратных походов на половцев. Киевские, переяславские, волынские и галицкие войска разбили Кобяка и множество других ханов на р. Орели близ днепровских порогов. Ольговичи отказались от участия в этом походе, но Игорь, узнав о том, что главные силы Половецкой земли разбиты вдалеке от его княжества, предпринял вместе с братом Всеволодом поход на половецкие становища по р. Мерлу, недалеко от города Донца. Поход был удачен.

Наступил полный крупных событий 1185 год. Ранней весной «окаянный и треклятый» Кончак двинулся на Русь. Черниговские князья сохраняли дружественный нейтралитет, прислав к Кончаку своего боярина.

Святослав и Рюрик 1 марта разбили половцев на Хороле, взяв большую добычу оружием и конями. Игорь

Святослав Северский не участвовал в этом походе, но летописец пытается выгородить его, сообщая о том, что гонец из Киева поздно прискакал, что дружина в боярской думе отговорила князя.

В апреле Святослав одержал еще одну победу над половцами: были взяты их вежи, много пленных и коней.

Игорь, узнав об этом, будто бы сказал своим вассалам: «А мы что же, не князя что ли? Пойдем в поход и себе тоже славы добудем!» Поход начался 23 апреля. Когда войска подошли к русским рубежам, 1 мая 1185 г. было солнечное затмение, широко использованное в «Слове о полку Игореве» как поэтический образ:

Солнце ему тьмою путь заступаше,
Ночь, стонуши ему грозою птицу убуди,
Свист зверин вста...

Игорь пренебрег предостерегающими «знаменьями» природы и двинулся в степь на юг от Северского Донца по направлению к Азовскому морю; в пятницу 10 мая войска встретились с первым половецким кочевьем, мужское население которого «все от мала до велика» заслонило собою кибитки, но было разбито:

С зарания в пяток (пятницу)
Потопташа поганые полки половецкие
И рассушась стрелами по полю,
Помчаша красные девки половецкие,
А с ними злато и паволоки и драгья оксамиты...

На следующий день сюда подоспел Кончак с объединенными половецкими силами и окружил «Олегово хороброе гнездо». Страшная трехдневная сеча на берегах Каялы кончилась полным уничтожением русских сил: Игорь и часть князей и бояр были взяты в плен (за них хотели взять огромный выкуп), 15 человек выскользнули из окружения, а все остальные полегли в «земле незнами»:

Ту кровавого вина не доста;
Ту пир dokonчаша храбрии русичи,
Сваты попоиша, а сами полегоша за землю
Русскую...

Кончак немедленно двинулся на беззащитную Юго Восточную Русь.

В Киеве осуждали необдуманый сепаратный поход Игоря. Автор «Слова», сожалея о гибели русских, не может удержаться от горьких упреков в адрес Игоря. Игорь — не герой «Слова», а лишь повод для написания патриотического призыва, значение которого не исчерпывается событиями 1185 г.

Весною 1186 г. Игорь уже бежал из плена; 11 дней брел по укромным речным зарослям и, наконец, вернулся на родину.

В 1198 г., после смерти Ярослава, Игорь Святославич стал великим князем черниговским и успел в последние годы завести собственную летопись, попавшую в Киевский свод. Здесь Игорь представлен весьма благородным князем, непрерывно думающим о благе земли Русской. Умер Игорь в 1202 г. Его сыновья, оказавшиеся в Галицкой земле, вели крутую антибоярскую политику, убили около 500 знатных бояр и в конце концов были повешены в Галиче в 1208 г.

Дальнейшая история Чернигово-Северской земли не представляет особого интереса. Ольговичи по-прежнему охотно принимали участие в усобицах и постепенно расчленили землю на несколько мелких уделов. В 1234 г. Чернигов выдержал тяжелую осаду войсками Даниила Галицкого: «Лют бо бе бой у Чернигова; оже и таран на нь поставиша, меташа бо камнем полтора перестрела. А камень — якоже можаху 4 мужи силнии подъяти...»

В 1239 г. Чернигов вместе со всем левобережьем был взят войском татар.

ПОЛОЦКОЕ КНЯЖЕСТВО

Полоцкая земля находилась на северо-западе Руси; через нее проходил очень важный путь в Западную Европу по Западной Двине, более короткий, чем путь через Новгород. Литовско-латышские племена были соседями Полоцка на большом протяжении; когда в землях Литвы, Латыголы и Земиголы стали расти племенные дружины, то они иногда совершали набеги на русские

области Подвинья. Однако эти походы не идут ни в какое сравнение с разорительными набегами половцев на южные земли. В основном отношения с соседями были мирными.

Автор «Слова о полку Игореве», горячий поклонник Всеслава Полоцкого, героя киевского восстания 1068 г., много говорит о Полоцкой земле и ее князьях и даже несколько идеализирует их. Всех русских князей он делит на две неравные части — на ярославлих внуков и на всеславлих внуков; если династически полоцкие князья действительно составляли обособленную ветвь, то по объему земель эти две части были различны.

У Полоцкой земли были все условия для приобретения независимости; в этом отношении она напоминала Новгород. Здесь так же было сильно местное боярство; в Полоцке, богатом торговом центре, существовало городское вече и, кроме того, были какие-то «братчины», боровшиеся с князьями; возможно, что это были купеческие объединения, аналогичные Ивану на Опоках в Новгороде.

Княжеская власть здесь не была особенно сильна, и Полоцкая земля распалась на несколько довольно самостоятельных уделов: Минск, Витебск, Друцк, Изяславль, Стрежев и др.

Яркой эпохой в жизни Полоцкой земли было длительное княжение Всеслава Брючиславича (1044—1101 гг.). Смелый и энергичный князь воевал и с Новгородом, и с Псковом, и с Ярославичами. Одним из врагов Всеслава был Владимир Мономах, ходивший в походы на Полоцкую землю с 1084 по 1119 г. Киевским князьям удавалось лишь на время подчинить себе эту землю, жившую своей обособленной жизнью. Последний раз решительную попытку подчинения предпринял Мстислав Великий в 1127 г., послав войска со всех концов Руси — с Волыни и из Курска, из Новгорода и из торчешского Поросья. Всем отрядам были указаны точные маршруты и всем им был определен единый, общий для всех день вторжения в пределы Полоцкого княжества. Полоцкий князь, Брючислав, увидев себя окруженным, «острашився, не мога поити ни семо, ни онамо». Через два года некоторые полоцкие князья были высланы в Византию, где они пробыли десять лет.

В 1132 г. Полоцк самостоятельно выбрал себе князя

Камень с именем полоцкого князя Бориса. 1128 г.

и одновременно с другими землями Руси обособился окончательно от власти Киева. Правда, в отличие от соседних княжеств Полоцкая земля сразу распалась на уделы; первым выделился в самостоятельное княжение Минск (Менеск). В борьбе между Рогволодом Борисовичем Полоцким и Ростиславом Глебовичем Минским в 1158 г. активное участие приняли горожане Полоцка и Друцка.

Рогволод, внук Всеслава, оказался князем-изгоем без княжества; его родичи «вземше под ним волость его и жизнь его (имущество, хозяйство)». Дручане стали приглашать его: когда он с войском оказался близ Друцка, то 300 дручан и полочан выехало на ладьях для горестивной встречи князя. Тогда и в Полоцке «мятеж бысть велик». Горожане и боярство Полоцка пригласили Рогволода на великое княжение, а Ростислава, зачинщика усобицы, хотели заманить 29 июня на пир «братчину», но предусмотрительный князь одел под платье кольчугу «и не смеша на не дерзнути». На следующий день началось восстание против ростиславовых бояр, закончившееся вокняжением Рогволода. Однако попытки нового полоцкого князя объединить все уделы не увенчались

успехом. После одного неудачного похода, где погибло много полочан, Рогволод не вернулся в свою столицу, и полочане еще раз проявили свою волю подобно киянам или новгородцам — они пригласили в 1162 г. из Витебска князя Всеслава Васильковича (1162—1186 гг.).

В «Слове о полку Игореве» речь идет о брате этого Всеслава, князе Изяславе Васильковиче, боровшемся с литовскими феодалами:

Един же Изяслав, сын Васильков,
Позвони своими острыми мечи о шеломы литовьския.
Притрепа славу деду своему Всеславу,
А сам под червлеными щиты на кроваве траве
Притрепан литовскими мечи.

Нападения литовских дружин стали возможны благодаря ослаблению Полоцкой земли, раздробленной на множество уделов.

Автор «Слова» обращается с укором ко всем князьям, как Ярославичам так и Всеславичам:

Ярослави вси внуце и Всеслави!
Уже понизите стязи свои
Вонзите свои мечи верезени —
Уже бо выскочисте из дедней славе.
Вы бо своими крамолами
Начасте наводити поганые на землю Русскую,
На жизнь Всеславу,
Которою бо беше насилие от земли Половецкыи!

Певец уподобляет опасность литовских набегов (естественно усилившихся в связи с ростом феодализации) половецкой опасности и считает, что русские должны «склонить знамена и вложить в ножны свои выщербленные мечи», т. е. покориться существующему порядку, так как причина их поражений — их собственные раздоры, союзы с язычниками-литовцами.

Печальное повествование о полоцких усобицах, в результате которых воины полегли в поле и «птицы крыльями прикрыли их тела, а звери подлизали кровь», автор заканчивает историческими воспоминаниями, восторженно воспевая вестега Всеслава.

История Полоцкой земли в конце XII — начале XIII в. известна плохо. К величайшему сожалению, погибла Полоцкая летопись, принадлежавшая в начале

XVIII в. архитектору Еропкину. В. Н. Татищев выписал из нее интереснейшее подробное повествование о событиях 1217 г. в Полоцке: жена князя Бориса Давыдовича Святохна вела сложную интригу против своих пасынков Василька и Вячка — то она хотела их отравить, то посылала подложные письма, то добивалась их изгнания и, наконец, при помощи своей свиты стала уничтожать полоцких бояр, враждебных ей. Были убиты тысяцкий, посадник и ключник. Зазвонил вечевой колокол, и полочане, ожесточенные тем, что сторонники княгини «города разоряют и народ грабят», выступили против интриганки Святохны Казимировны; она была посажена под стражу. Татищев держал эту летопись в руках очень недолго. Он отметил, что в ней «много о Полоцких, Витебских и других... князех писано, токмо я не имел времени всего выписать и потом его видеть не достал».

Князь Вячко впоследствии пал в битве с немецкими рыцарями, защищая русские и эстонские земли.

Полоцко-Витебско-Минская земля, ставшая в XIV в. основой белорусской народности, обладала своеобразной культурой, богатой интересной историей, но далеко зашедший процесс феодального дробления не позволил ей сохранить свою целостность и политическую самостоятельность: в XIII в. Полоцкое, Витебское, Друцкое и Минское княжества были в первую очередь поглощены новым феодальным формированием — Литовским великим княжеством, в котором, однако, действовали русские законы и господствовал русский язык.

СМОЛЕНСКОЕ КНЯЖЕСТВО

Обращаясь по очереди ко всем русским князьям, автор «Слова о полку Игореве» очень сдержанно и несколько загадочно выражает свой призыв к смоленским князьям, двум братьям Ростиславичам:

Ты, буй Рюриче и Давыде!

Не ваю ли вои значеными шеломы по крови плаваша?

Не ваю ли храбрая дружина

Рыкают, аки туры, ранены саблями калеными
на поле незнаеме?

Вступита, господина, в злата стремень
За обиду сего времени, за землю Русскую, за раны
Игоревы, буюго Святославича.

Рюрик в это время был соправителем и потенциальным соперником киевского князя. Певец умолчал и о том и о другом, он просто упомянул Рюрика в одной фразе со смоленским князем, вероломным, эгоистичным Давыдом. Не входя во все тонкости межкняжеской вражды, то прорывавшейся безудержной яростью, как было в 1180 г., то затаенной, как в 1185 г., автор «Слова» напоминает смоленским князьям о том, что и они оба когда-то тяжело пострадали от половецких стальных сабель. В 1177 г., летом, «на русальной неделе», т. е. в июне, половцы ворвались на Русь; Рюрик и Давыд были посланы против них, но «Давыд же бяше не притяг и бывше распре межи братьею» — вот когда начали их копя «розно петь». Половцы нанесли всем русским войскам страшное поражение. Святослав Всеволодич требовал суда над Давыдом, лишения его княжества. Об этих далеких и не очень приятных событиях и напомнил автор «Слова» князю Давыду, а заодно и Рюрику, как бы делая его ответственным за брата.

Десятилетняя вражда Святослава и Давыда сделала строки «Слова», посвященные смоленскому князю, слишком скупыми и вежливо-неприятными. Из них очень трудно выяснить, что представлял собою в то время Смоленск.

Смоленская земля, древняя земля Кривичей, занимала срединное положение, будучи окружена со всех сторон русскими областями. Через Смоленск проходило перепутье важных магистральных дорог в Западную Европу и Византию: путь вверх по Днепру завершался у Смоленска; далее через систему волоков он мог вывести и в Западную Двину (к Полоцку и в Балтику), и в Ловать, а затем в Новгород.

Смоленское княжество, выделявшееся время от времени в удел еще в XI в., обособилось от Руси при Ростиславе Мстиславиче (1127—1159 гг.), внуке Мономаха и отце упоминавшихся выше Рюрика и Давыда. Смоленск имел очень удобную связь с Киевом — вниз по

Привозной восточный светильник. X в. (Смоленск)

Днепру можно было пустить флотилию любых размеров, и всего лишь через восемь дней она была уже под стенами столицы. Единственным препятствием на этом пути был город Любеч, принадлежавший черниговским князьям, но и оно было устранено в 1147 г. Ростислав, воспользовавшись отсутствием черниговских войск, сжег Любеч и, как он сам писал брату, «Ольговичам много зла сотворил». После этого в Любече жили только «псари да половцы», а смоленские ладьи беспрепятственно могли плыть в Киев. Быть может, эта важная стратегическая близость к Киеву (в сочетании с полной безопасностью самого Смоленского княжества от половцев) и была причиной того, что почти все смоленские князья побывали на киевском престоле: Ростислав Мстиславич и его сыновья Роман и Рюрик, внук Мстислав Романович и сын Мстислава — Роман.

До нас дошел интереснейший документ времен Ростислава, подробно рассказывающий о княжеском феодальном хозяйстве, — грамота Ростислава Мстиславича епископу Мануилу, данная по случаю учреждения в Смоленске епархии около 1137 г. Здесь перечислены статьи княжеского дохода с разных городов всего Смоленского княжества, десятая часть которых («десятина») передавалась церкви. В 36 пунктах собиралось различных поборов на 4000 гривен; здесь были и виры, и продажи, и полюдые, торговые пошлины, мыт (таможенные сборы), гостевые и др. Епископ получал, кроме того, земельные владения с феодальнозависимым населением (изгои, бортники и др.) и доходы с церковных судов по особым видам преступлений.

Это было время, когда во всех выкристаллизовавшихся княжествах учреждались самостоятельные епархии и оформлялись имущественные права епископов. Происходило это по инициативе князей, закрепившихся в определенных землях и хотевших усилить свои позиции поддержкой церкви.

Феодальное обрастание церкви в 1130-е годы вызвало вскоре критику. Климент Смолятич, известный писатель середины XII в., ставший по воле киевского князя митрополитом, писал, что он, Климент, не относится к тем, «иже прилагают дом к дому и села к селам, изгои же и сябры и борти и пожни, ляда же и старины». Возможно, что Климент, отвечая смоленскому священнику,

имел в виду прежде всего смоленского епископа, своего политического врага, Мануила. Самому Клименту было предъявлено любопытное обвинение в том, что он, христианин, слишком увлекается такими языческими «философами», как Гомер, Аристотель и Платон.

В княжение Давыда Ростиславича (1180—1197 гг.), уже известного нам по своим бесславным делам на юге, происходили конфликты между князем и горожанами Смоленска. У князя Давыда еще в молодости было много неприятностей с новгородцами, которые ему не один раз «показывали путь». В 1186 г., вскоре после возвращения из-под Триполья, «в стань бысть Смоленске промежи князем Давыдом и Смолняны. И много голов паде лучших муж». В чем состояли противоречия между князем и боярством летопись не сообщает. Спустя десять лет эта неприязнь обнаружилась еще раз: Ольговичи в союзе с полоцкими князьями напали на Смоленское княжество; старый князь Давыд остался в городе, а смоленский полк во время сражения неожиданно повернул и вышел из боя. Пленные смоляне жаловались на своего князя: «И сказывают ми смолняне изыимани, ажь братья их недобре (живет) с Давыдом», — писал один из победителей.

Смоленское княжество не было исключением — борьба боярства с князьями в очень резкой форме шла и в других землях.

К началу XIII в. относится интереснейшее событие в Смоленске, приоткрывающее частично завесу над внутренней социально-идеологической жизнью русских средневековых городов: игумены и попы устроили всенародный суд над неким попом Авраамием. Одни хотели его заточить, другие — «к стене ту пригвоздить и зажещи», а третьи — утопить. Игумены и попы, «яко волы рыкающие», хотели, «аще бо мощно — жива его пожрети».

Чем же так разъярил Авраамий смоленских церковников? Оказывается, находясь в одном из окраинных монастырей Смоленска, Авраамий читал населению книги и «протолковывал» их всем — «малым и великим, рабом же и свободным и рукодельным». В Смоленске везде говорили, что «се уже весь град к себе обратил есть». Его обвинили в чтении «глубинных книг», из которых одна упомянута в его житии, — это так называе-

мая «Златая цепь», сборник изречений и слов, направленных иногда против «плохих пастухов» — попов и монахов. В таких сборниках появлялись антиклерикальные идеи, имеющие много общего с учением западноевропейских «вальденсов», преследовавшихся католической церковью. В сходных условиях на Руси возникли сходные идеи. Открытая проповедь таких опасных для церкви идей, проповедь, обращенная к рабам и рукодельным, вызвала ненависть духовенства. Князь спас Авраамия от казни, но еретика-проповеднику церковь придавала такое значение, что по всем дорогам, ведущим в Смоленск, были поставлены мечники (очевидно, владычные, епископские), преграждавшие путь сторонникам Авраамия; они действовали так решительно, что некоторые лица, шедшие к Авраамию, «разграблены быша».

Смоленское княжество, укрытое внутри русских земель от всех внешних врагов, долго, до начала XV в., сохраняло свою самостоятельность. Батый во время своего похода в 1237—1238 гг. направился было к Смоленску, но затем обошел его стороной. Очевидно, большой город, обнесенный крепкими стенами, представлял непреодолимую преграду для войска, измотанного сопротивлением других русских городов.

ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКИЕ КНЯЖЕСТВА

В самой торжественной форме обращается с призывом автор «Слова о полку Игореве» к галицкому князю Ярославу Владимировичу, определяя с присущей ему гениальностью в нескольких строках важную роль богатого и цветущего Галицкого княжества:

Галички Осмомысле Ярославе!
Высоко седиши на своем златокованном столе,
Подпер Горы Угорские (Карпаты) своими железными полки.
Заступив королеви путь,
Затворив Дунаю ворота,
Меча бремены чрез облакы,
Суды рядя до Дуная.
Грозы твоя по землям текут,

Отворяеши Киеву врата,
Стреляеши с отня злата стола салтани за землями...
Стреляй, господине, Кончака, поганого кощя,
За землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святославича!

Читатель или слушатель поэмы ярко представлял себе могущественную западнорусскую державу, опирающуюся на Карпаты и Дунай с одной стороны и протягивающую свою властную руку в другом направлении — до Киева и до половецких султанов. Эти строки верно отражали быстрое возвышение Галицкого княжества, выросшего на месте мелких уделов второстепенных князей XI — начала XII в.

Менее пышно, но тоже почтительно приветствует автор «Слова» волынских князей и особенно знаменитого Романа Мстиславича, который, «как сокол парит высоко над землей». У него и у его вассалов «железные папорзи (нагрудники) под шеломы латинскими», его облаченные в латы полки побеждают и половцев, и литовцев, и ятвягов. Упомянуты здесь и второстепенные князья небольшого Луцкого княжества — Ингварь и Всеволод Ярославичи. Всех волынских князей, праправнуков Мономаха, поэт призывает «загородить поля (степнякам) ворота своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы...».

В истории Галицко-Волынских земель заметно перемещение исторического центра: в древние времена на первом месте был Дулебский союз племен, находившийся на стыке восточно- и западнославянских племен Прикарпатья и Волыни. В VI в. этот союз племен был разбит аварами, старый племенной центр — город Волынь заглох и центром этих земель становится Владимир Волынский, носящий имя Владимира Святославича, уделявшего большое внимание западнорусским землям.

Плодородная почва, мягкий климат, относительная безопасность от кочевников сделали благодатную землю Волыни одной из богатейших на Руси. Здесь очень интенсивно развиваются феодальные отношения и складывается сильный боярский слой, возникают такие города, как Перемышль, Луцк, Теробовль, Червен, Холм, Берестье, Дрогичин. Долгое время об истории Галича не было никаких сведений. Но стало известно, что в XII в. Галич из небольшого удельного городка второстепенных

князей быстро превращается в столицу значительного княжества, возникшего на землях таких славянских племен, как Белые Хорваты, Тиверцы и Уличи. На рубеже XII и XIII столетий Роман Мстиславич Волинский объединил Галич и Волынь в одно большое государство, пережившее татарское нашествие и просуществовавшее до XIV столетия. Такова схема истории Западной Руси.

Самостоятельную политику по отношению к Киеву пытались вести западнорусские князья еще в XI в., например, Василько Ростиславич Терембовльский, ослепленный после Любечского съезда, его брат Володарь, князь Перемышльский и их враг Давыд Игоревич Волинский, а потом Дорогобужский. Последним представителем мелких князей-изгоев был внук Володаря, Иван Ростиславич Берладник, биография которого полна разнообразных приключений. В 1144 г. он княжил в небольшом Звенигороде (на север от Галича), а галичане, воспользовавшись тем, что их князь Владимир Володаревич был далеко на охоте, пригласили Ивана и «введоша к собе в Галич». Когда Владимир осадил Галич, то весь город отстаивал Ивана, но в конце концов ему пришлось бежать на Дунай, а Владимир, войдя в город, «многы люди исече, а иные показни казнью злою». На Дунае Иван Ростиславич по области Берлади и получил прозвище Берладника. В 1156 г. Берладник находился в Вятических лесах, где он за 12 гривен золота и 200 гривен серебра служил неудачливому союзнику Юрия Долгорукого — Святославу Ольговичу. Затем он перешел в лагерь врагов Святослава и Юрия, и тогда-то его судьбой заинтересовались Юрий Долгорукий (которому удалось схватить его и заточить в Суздале), а на другом конце Руси, в Галиче, Ярослав Осмомысл, помнивший вражду Берладника с его отцом. Ярослав посылает целое войско навстречу Ивану, чтобы доставить Берладника в Галич и казнить его. Но на пути неожиданно дружины черниговского князя Изяслава Давыдовича отбили Берладника у суздальских войск, и он избег жестокой расправы. В 1159 г. он уезжает от гостеприимного Изяслава, ставшего уже великим князем киевским, так как дипломатический конфликт из-за него принял европейский масштаб — к Изяславу в Киев прибыли послы Галича, Чернигова, Венгрии и Польши, требуя выдачи Ивана Берладника. Он снова вернулся на Дунай, а от-

туда во главе шеститысячного войска пошел на Галицкое княжество. Смерды открыто переходили на его сторону, но союзные половцы покинули его, так как он не разрешал им грабить русские города. Изяслав и Ольговичи поддержали Берладника и затеяли поход на Галич, но галицкие войска Ярослава опередили их, оказались под Киевом и скоро овладели столицей. Ярослав «отворил ворота Киеву», а Изяслав и Берладник бежали к Вырю и Вщижу.

Спустя три года, в 1162 г., Иван Берладник оказался в Византии и умер в Салониках; ненависть князей настигла его здесь: «Инии тако молвахуть — яко с отравы бе ему смерть». Князь, за которого горожане Галича целый месяц сражались на смерть, князь, не допуская грабежей, князь, к которому «смерды скачут через заборолу», — конечно, интересная фигура для XII в., но слишком односторонне обрисованная враждебными ему летописцами.

Волынское княжество с 1118 г. и далее сохранялось в потомстве Мономаха и его сына Мстислава. Отсюда Изяслав Мстиславич молниеносными маршами, делая по 100 км в сутки, внезапно врывается в пирующий Белгород и в Киев; сюда, в свой Владимир Волынский, уходил он, проигрывая битвы, когда «кияне» и Черные Клобуки говорили ему: «Ты — наш князь, коли силен будешь, а ныне — не твое время, поеди прочь!» Внуки Изяслава Мстиславича разделили землю на пять уделов и ко времени «Слова о полку Игореве» объединение их еще не состоялось.

С середины XII в. рядом с Волынским княжеством вырастает княжество Галицкое, сразу же вступившее в соперничество с соседом и даже с Киевом. Первому галицкому князю, Владимиру Володаревичу (1141—1153 гг.), пришлось преодолевать сопротивление не только удельных князей, вроде Ивана Берладника, но и горожан и местного боярства, сильно укрепившегося здесь во время существования мелких уделов.

Вся дальнейшая история Галицко-Волыньских земель представляет собою борьбу центростремительного начала с центробежным. Первое олицетворяли князья Владимира Волынского и Галича, а второе — удельные князья и богатое, привыкшее к самостоятельности боярство.

Расцвет Галицкого княжества связан с воспетым в «Слове» Ярославом Осмомыслом (1153—1187 гг.), сыном Владимира Володаревича, двоюродным братом Ивана Берладника.

Знакомимся мы с ним в летописи при следующих обстоятельствах: киевский князь Изяслав Мстиславич, много воевавший с Владимиром Володаревичем и с помощью венгерского короля победивший его в 1152 г., прислал в Галич в начале 1153 г. своего боярина Петра Бориславича (являвшегося, по-видимому, автором княжеской летописи). Посол напоминал князю Владимиру о некоторых его обещаниях, скрепленных обрядом целования креста. Издеваясь над послом, галицкий князь спрашивал: «Что, этот маленький крестик я целовал?» — и в конце концов выгнал киевского боярина и его свиту: «Досыти есте молвили, а ныне — полези вон!» Посол оставил князю крестоцеловальные грамоты и на некормленных конях выехал из города. Новая война была объявлена. Снова должны были скакать на Галич королевские полки с запада, киевские с востока и с севера волынские полки; снова галицкий князь должен был слать гонцов на другой конец Руси за помощью к Юрию Долгорукому, своему свату и давнему союзнику. Но гонец поскакал по киевской дороге и вернул с пути Петра Бориславича. В Галиче навстречу послу из дворца спустились слуги в черных одеждах; на «златокованном столе» сидел молодой княжич в черной мантии и черном клобуке, а рыцарский караул стоял у гроба старого князя Владимира Володаревича.

Ярослав поспешил загладить неосторожную заносчивость отца и изъявил полную покорность великому князю: «Прими мя, яко сына своего Мстислава. Ать ездить Мстислав подле твой стремянь по одной стороне, а яз по другой стороне подле твой стремянь еждю всеми своими полкы». С этим образным изложением феодальной коммемдации Ярослав отпустил посла, «но иное мысли в сердце своем», добавляет летопись. И в этом же году война состоялась. Под Теремовлем Изяслав Мстиславич разбил галицкие войска. Князь Ярослав в бою не участвовал, бояре сказали ему: «Ты еси молод..., а поеди, княже, к городу». Вероятно, боярство просто не очень доверяло князю, который незадолго перед этим клялся в верности Киеву. Не так уж юн был

в это время Ярослав Осмомысл — за три года до битвы он женился на дочери Юрия Долгорукого Ольге. Боярство и в дальнейшем энергично вмешивалось в княжеские дела. В 1159 г., когда не был завершён ещё конфликт из-за Ивана Берладника, галичане упорно продолжали выказывать симпатии дунайскому удалцу и обратились к его покровителю, киевскому князю Изяславу Давыдовичу, с предложением пойти на их родной город походом: «Толико явишь стягы — и мы отступим от Ярослава!»

Новый конфликт Ярослава с боярством вспыхнул в 1173 г. Княгиня Ольга с сыном Владимиром бежала от мужа вместе с видными галицкими боярами в Польшу. Владимир Ярославич выпросил у соперника своего отца город Червен, стратегически удобный и для связей с Польшей и для наступления на отца. Это тот Владимир Галицкий, забулдыга и бражник, образ которого так красочно воспроизведен в опере Бородина «Князь Игорь». Игорь Святославич был женат на его сестре Ефросинье, дочери Ярослава Осмомысла («Ярославна»). Разрыв с отцом был вызван тем, что у Ярослава была любовница Настасья и ее сыну Олегу Ярослав отдавал предпочтение перед законным сыном Владимиром.

Восемь месяцев Ольга Юрьевна и Владимир находились в отъезде, но, наконец, они получили письмо от галицких бояр с просьбой вернуться в Галич и обещанием взять под стражу ее мужа. Обещание было выполнено с лихвой — Ярослав Осмомысл был арестован, его друзья, «Чаргова чадь», изрублены, а любовница Настаска сожжена на костре: «Галичане же накладша огонь, сожгоша ю, а сыне ее в заточение послаша, а князя водивше ко кресту, яко ему имети княгиню вправду. И тако уладившеся». Конфликт, кажущийся семейным, был временно улажен таким своеобразным средневековым способом.

На следующий год Владимир бежал на Волынь, но Ярослав Осмомысл, наняв за 3000 гривен поляков, сжег два волынских города и требовал выдачи мятежного сына; тот же бежал в Поросье и собирался скрыться в Суздале. Объездив в поисках убежища множество городов, Владимир Галицкий оказался у сестры в Путивле, где прожил несколько лет, пока Игорь не примирил

его с отцом. Осенью 1187 г. скончался Ярослав Осмомысл, оставив наследником все же не Владимира, а Олега «Настасьича». Тотчас же «бысть мятеж велик в Галицкой земле». Бояре выгнали Олега и дали престол Владимиру, но и этот князь не удовлетворил их. «Князю Володимеру в Галичкой земле. И бе бо любезнив питию многому и думы не любяшетъ с мужами своими». Этим было решено все — если князь пренебрегает боярской думой, если он выходит из воли «смысленных», то он уже тем самым плох и в летопись о нем вносятся всякие порочащие его детали: и то, что он много пьет, и то, что он «поя у попа жену и постави (себе) жену», что он в городе, «улюбив жену или чью дочь, поймашетъ насильем».

Роман Мстиславич Волинский, зная о недовольстве галицких бояр Владимиром, предлагал им выгнать Владимира и принять его, Романа. Бояре повторили то, что они сделали с отцом своего князя, — они пригрозили смертью любовнице Владимира: «Не хотим кланяться попадьи, а хотим ю убити!» Владимир Галицкий, взяв золото, серебро, «попадью» и двоих ее сыновей, бежал в Венгрию.

Роман Мстиславич ненадолго вокняжился в Галиче; он был изгнан венгерским королем, который, воспользовавшись перевесом сил, посадил в Галиче не Владимира, искавшего у него помощи, а своего сына Андрея. Владимир был заточен в башне венгерского замка.

Галичане тайно продолжали искать себе князя по своей воле: то Роман сообщал тестю, что «ведуть мя галичане к собе на княжение», то боярское посольство приглашало сына Берладника Ростислава Ивановича. Понадеявшись на галицких бояр, Ростислав в 1189 г. с небольшим войском показался под стенами Галича. «Мужи же галичкие не бяхуть вси во единой мысли», и отряд Берладничича был окружен венграми и частью галичан; сам князь был сбит с коня.

Когда тяжело раненного князя венгры несли в Галич, то горожане, «возмятошася, хотяча и изотъяти у угор (венгров) и приняти собе на княжение. Угре же, усмотревше то и приложивше зелье смертное к ранам».

В 1190 г. Владимир Галицкий бежал из заточения. Он изрезал шатер, находившийся на вершине его башни, свил веревки и по ним спустился вниз; двое его

сторонников помогли ему добраться до Германии. Император Фридрих Барбаросса согласился (при условии ежегодной выплаты ему 2000 гривен) помочь изгнаннику в получении Галича. При поддержке Германии и Польши Владимир снова вокняжился в своей «отчине и дедине».

В 1199 г., после смерти Владимира, галицким князем стал Роман Мстиславич. Воынь и Галич объединились в одних руках и составили большое и могущественное княжество, равное крупным европейским королевствам. Когда же Роман овладел и Киевом, то в его руках собрался огромный компактный кусок русских земель, равный Священной Римской империи Фридриха Барбароссы. Вынужденный при вступлении на престол принести присягу галицкому боярству, Роман впоследствии действовал довольно круто, вызвав этим недовольство бояр.

Из летописных намеков можно сделать вывод, что Роман очень заботился об обогащении своего княжеского домена и селил на свою землю пленных. У Романа искал приюта византийский император Алексей III Ангел, изгнанный из Царьграда в 1204 г. рыцарями-крестоносцами, нашедшими себе более богатую добычу в христианской Византии, чем далекий «гроб господень» где-то в Палестине.

Короткое княжение победоносного Романа в Галиче, Киеве и Владимире Воыньском, когда его называли «самодержцем всея Руси», упрочило положение западнорусских земель и подготовило их дальнейший расцвет.

Помимо изложенной выше красочной и драматичной внешней истории княжеств и князей, эта эпоха крайне интересна для нас теми обостренными отношениями между князьями и боярством, которые так явственно обозначились уже во времена Ярослава Осмомысла. Если отбросить элемент личной выгоды и корысти, несомненно определявший многие действия князей, то должно признать, что проводимая ими политика концентрации земель, ослабления уделов и усиления центральной княжеской власти была объективно безусловно прогрессивной. В проведении этой политики князья опирались на широкие слои горожан и на выращенные ими самими резервы мелких феодалов («отроки»,

«детские», «милостники»), полностью зависевших от князя.

Антикняжеские действия бояр приводили к борьбе боярских партий между собой, к усилению усобиц, к беззащитности государства перед лицом внешней опасности. При переплетенности княжеских интересов и относительном равновесии сил крупных княжеств особый характер приобретал вопрос о престолонаследии.

Многие княжеские браки заключались тогда с политическими расчетами между детьми пяти-восьмилетнего возраста. Когда молодой княжич подрастал и брак осуществлялся, то он получал не ту родню, которую он мог выбрать себе сам, исходя из своих интересов, а ту, которая отвечала замыслам его родителей десяток лет тому назад. Боярство имело возможности использовать эти противоречия, а для князей был только один выход — передать престол безродному побочному сыну. С этим, вероятно, связано то упорство, с каким держались за своих любовниц и внебрачных сыновей Святополк Изяславич и Ярослав Осмомысл, и его сын Владимир. Тестем Ярослава был могущественный и дерзкий Юрий Долгорукий, стремившийся вмешиваться в чужие дела. Тестем Владимира был «великий и грозный» Святослав Всеволодич Киевский. В то время, когда Владимир с любовницей и детьми сидел в Венгрии в башне, его тесть решил получить Галич, вотчину зятя, для себя лично. Такие действия можно было легко облечь в форму защиты законных прав его дочери и внуков, за которых уже заступалось галицкое боярство.

Когда боярство Галича сжигало Настасью, изгоняло Олега «Настасьича» или восставало против Владимировой пощады, то дело заключалось не столько в нравственности князей, сколько в том, чтобы не позволить князю быть «самовластцем» в тех условиях, чтобы боярству не лишиться союзников внутри княжеского семейства и мощной поддержки со стороны коронованных родичей княгини.

Подобная борьба княжеской и королевской власти с феодалами, стремившимися замкнуться в своих вотчинах, велась в эту пору и в Западной Европе, и в Грузинском царстве, и на Востоке, и в ряде русских княжеств. Не нужно думать, что поголовно все боярство выступало против князя. Значительные и влиятельные боярские

круги активно содействовали сильной и действенной княжеской власти.

В Галицко-Волынской Руси эта борьба разных феодальных элементов достигла своего апогея во время княжения сына Романа, не менее знаменитого, чем его отец, — Даниила Галицкого (род. около 1201 — ум. около 1264 г.). Даниил осиротел четырех лет от роду, и все его детство и отрочество прошли в условиях усобиц и ожесточенной феодальной борьбы. Боярство Владимира Волынского хотело после смерти Романа оставить его княгиню-вдову с детьми на княжении, а галицкие бояре пригласили сыновей Игоря Святославича Черниговского. Княгине пришлось бежать; дядька Мирослав на руках вынес Даниила через подземный ход из города («изыйде дырою градною»). Беглецы нашли приют в Польше. Галицко-Волынское княжество распалось на ряд уделов, что позволило Венгрии завоевать их. Князья Игоревичи, не имевшие никакой опоры в этих землях, пытались удержаться путем репрессий — они убили около 500 знатных бояр, но тем лишь усилили сторонников изгнанной вдовствующей княгини. В 1208 г. бояре торжественно посадили на княжение мальчика Даниила в кафедральной церкви Галича. Игоревичей же бояре повесили «мести ради». Очень быстро галицкие бояре захотели избавиться и от княгини, имевшей сильных заступников в Польше. Придворный летописец Даниила Галицкого, писавший много позднее, вспоминает такой эпизод: галичане выгнали княгиню из города; Даниил с плачем сопровождал ее, не желая расставаться. Какой-то тиун схватил повод Даниилова коня, а Даниил выхватил меч и начал рубить им, пока мать не отняла у него оружия. Возможно, что летописец сознательно рассказал этот эпизод, как эпиграф к описанию дальнейших действий Даниила, направленных против бояр. В Галиче вокняжился боярин Владислав, что вызвало возмущение в феодальных верхах: «Не есть лепо боярину княжити в Галичи». После этого Галицкая земля снова подверглась иноземной интервенции. Лишь в 1221 г. Даниилу при поддержке своего тестя Мстислава Удалого довелось стать князем во Владимире и только в 1234 г. окончательно утвердиться в Галиче.

Галицкие земельные магнаты держались, как князья: «Бояре же галичстии Данила князем себе называху,

а сами всю землю державу...» Таков был боярин Доброслав, распорядившийся даже княжеским доменом; таков был Судислав, замок которого представлял собой крепость, наполненную запасами и оружием и готовую для борьбы с князем. Боярство то приглашало Даниила, то готовило покушение на его жизнь. Так, в 1230 г. «крамоле же бывши во безбожных боярех галичких». Бояре решили поджечь дворец во время заседания боярской думы и убить князя. Только случайность помогла брату Даниила Васильку помешать заговору, не обнаружив его. Тогда один из бояр пригласил князей на обед в Вишенской замок; тысяцкий, друг Даниила, успел предупредить: «Яко пир зол есть..., яко убьену ти быти». Было схвачено 28 бояр, однако казнить их Даниил побоялся. Спустя же некоторое время Даниил «в пиру веселящемуся веселящуся, один от тех безбожных бояр лице зали ему чашею. И то ему стерпевшу».

Нужно было находить новую, более надежную опору. И Даниил созвал «вече» отроков, служилых воинов, младших членов дружины, которые являлись прообразом позднейшего дворянства. Отроки поддержали своего князя: «Верны есмы богу и тебе, господину нашему!», а сотский Микула дал Даниилу совет, определивший дальнейшую политику князя: «Господине! Не погнетши пчел — меду не едать!»

Вслед за битвой на Калке (перед которой Даниил ездил смотреть «невиданное рати», а после которой раненый «обрати конь свой на бег») феодальные раздоры и дробление продолжали разъедать богатые русские земли, а центростремительные силы, олицетворяемые здесь Даниилом, были недостаточно укреплены, не могли еще противостоять одновременно и внутреннему и внешнему врагам. Боярская оппозиция, постоянно опиравшаяся то на Польшу, то на Венгрию, не превратила Галицко-Волынскую землю в боярскую республику, но существенно ослабила княжество; недаром летописец, переходя к этому предтатарскому периоду жизни одного из наиболее развитых и культурных русских княжеств, горестно писал: «Начнем же сказати бесчисленные рати и великие труды и частые войны и многия крамолы и частая возстания и многия мятежи...»

Города Галицко-Волынской земли — Галич, Владимир, Перемышль, Луцк, Львов, Данилов, Берестье

Белокаменная церковь в Галиче. XII в.

(Брест) и другие были богатыми, многолюдными и красивыми. Трудями местных мастеров и архитекторов они были окружены крепкими стенами, застроены изящными зданиями. Здесь, как и во Владимиро-Суздальской Руси, любили каменную скульптуру; известен «хытрец» Авдей, искусно вырезавший из камня. Сохранились сведения о премудром книжнике Тимофее, обличавшем своими иносказательными притчами жестокость завоевателей. о гордом певце Митусе. В наших руках нахо-

дится исключительная по полноте и красочности Галицкая летопись XIII в., представляющая собой историческую биографию князя Даниила.

Через Галицко-Волынские земли проходили важнейшие торговые пути общеевропейского значения, выводившие на Краков, Прагу, Регенсбург и Гданск. Дрогичин на Буге был своего рода общерусской таможенной, где сохранились десятки тысяч товарных пломб XI—XIII вв. со знаками многих русских князей. На известной средневековой карте мира арабского географа Идриси, составленной в Палермо около 1154 г., обозначены такие города, как Галич, Белгород Днепровский, Луцк и Перемышль. Выход к Дунаю и Черному морю связывал с византийским миром. Недаром в разное время императоры, потерпевшие неудачи в империи, искали убежища в Галиче и получали здесь города «в утешение» (Андроник, Алексей III).

Археологические раскопки в галицко-волынских городах дают хорошее представление и о жизни простых горожан, и о высоком уровне всей культуры этого юго-западного угла русских земель. Делами Галицко-Волынской Руси живо интересовались не только в соседних землях, но и в Германии, в Риме, во Франции, в Византии.

ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОЕ КНЯЖЕСТВО

Как бы предугадывая, что Северо-Восточной Руси будет суждено служить связующим звеном между домонгольским периодом русской истории и всей последующей историей Московской Руси, автор «Слова о полку Игореве» восторженно и вдохновенно говорит о могущественном суздальском князе, Всеволоде Большое Гнездо (1176—1212 гг.):

Великий княже Всеволоде!
Не мыслию ти прелетети издалеча
Отня злата стола поблюсти.
Ты бо можеши Волгу веслы раскропити,
А Дон — шеломы выльяти!

Аже бы ты был, то была бы чага по ногате,
а кощей — по резане (т. е. половецкие пленники
стоили бы гроши.— Б. Р.).

Его обширное княжество охватывало древние земли Кривичей, отчасти Вятичей и те области, куда испокон века направлялась славянская колонизация: земли Мери, Муромы, Веси, т. е. междуречье Волги и Оки с плодородным Суздальским Ополем и район Белоозера. Со временем границы Ростово-Суздальской земли продвинулись дальше в таежные леса, на Северную Двину, Устюг Великий и даже на Белое море.

Взаимоотношения славян с местным финно-угорским населением были мирными и спокойными; оба народа постепенно сливались, обогащая взаимно друг друга элементами своей культуры.

Географическое положение Ростово-Суздальской земли имело свои преимущества: не было угрозы половецких набегов, так как степь была далеко, за непроходимыми лесами Вятичей, и киевские князья, их тиуны и рядовичи не могли хозяйничать так смело, как вокруг Киева. Варяжские отряды проникали сюда не прямо по воде, как в Ладогу или Новгород, а через систему волоков в Валдайских лесах. Все это создавало относительную безопасность Северо-Восточной Руси. С другой стороны, в руках суздальских князей был такой магистральный путь, как Волга, впадающая «семьдесят жерел в море Хвалиское», на берегах которого расположились сказочно богатые страны Востока, охотно покупавшие пушнину и славянский воск. Все новгородские пути на Восток лежали через Суздальскую землю, и этим широко пользовались князья, насильственно воздействуя на экономику Новгорода.

В XI в., когда Поволжье и Ока входили в состав Киевской Руси, здесь происходили восстания: в 1024 г. в Суздальской земле; около 1071 г. на Волге, Шексне и Белоозере, подавленное Яном Вышатичем.

К этому времени уже существовали города: Ростов, Суздаль, Муром, Рязань, Ярославль и др. В черноземных районах Суздальщины богатело местное боярство, имевшее возможность снабжать хлебом даже Новгород.

Настоящее окняжение этих областей началось с Владимира Мономаха, который еще мальчиком должен был

проехать «сквозь Вятичи», чтобы добраться до далекого Ростова. Те долгие годы, когда Мономах, будучи переяславским князем, владел и Ростовским уделом, сказались на жизни Северо-Востока. Здесь возникли такие города, как Владимир на Клязьме, Переяславль, названный в отличие от южного Залесским, здесь Владимир вел войну с Олегом «Гориславичем», здесь писал свое «Поучение», «на санех седя». Связь Суздальщины с Переяславлем Русским (ныне Переяславль Хмельницкий) продолжалась на протяжении всего XII столетия.

Ростово-Суздальская земля обособилась от Киева одновременно с другими русскими землями в 1132—1135 гг. Здесь княжил один из младших сыновей Мономаха — Юрий, получивший характерное прозвище Долгорукого, очевидно, за свою неумную тягу к далеким чужим владениям. Его внешняя политика определялась тремя направлениями: войны с Волжской Болгарией, торговым конкурентом Руси; дипломатический и военный нажим на Новгород и изнурительные бесполезные войны за Киев, заполнившие последние девять лет его княжения.

В свои южные авантюры Юрий Долгорукий втягивался постепенно. Началось с того, что изгнанный из Киева в 1146 г. Святослав Ольгович, его феодальный сосед по княжествам, обратился к Юрию за помощью. Юрий Владимирович, прислав союзнику войско с далекого Белоозера, начал прежде всего войны с соседями: сам он удачно воевал с Новгородом, а Святослава направил на Смоленские земли. Когда Святослав Ольгович начал успешные действия и «ополонился» в верховьях Протвы, к нему прибыл гонец от Юрия, приглашавший его в пограничный суздальский городок, очевидно, отпраздновать победы: «Приди ко мне, брате, в Москов». Никто не думал тогда, что этому городку в Вятических лесах суждено будет стать одним из крупнейших городов мира.

С берегов Протвы в Москву сначала приехал сын Святослава и привез Долгорукому в подарок охотничье-го гепарда, самое быстрое животное, от которого не ускользнет ни один олень. Затем, 4 апреля 1147 г. в Москву приехал Святослав с сыном Владимиром и свитой, в составе которой находился 90-летний боярин, слу-

живший еще его отцу, Олегу «Гориславичу». На следующий день Юрий дал торжественный пир: «Повеле Гюрги устроить обед силен и створи честь велику им и да Святославу дары многы...» Так впервые была упомянута Москва, сначала замок боярина Кучки, в 1156 г. пограничная крепость, в XIII в. удельный княжеский городок, а в XV в. — столица огромного Русского государства, которое иностранцы называли Московией.

Кроме Москвы, Юрием Долгоруким были построены или укреплены города: Юрьев-Польской, Дмитров, Кснятин, Кидекша, Звенигород, Переяславль и др.

В своих южных делах, отвоевывая Киев у племянника Изяслава Мстилавича или у своего старшего брата Вячеслава, Юрий то выигрывал сражения и доходил с войсками почти до Карпат, то стремительно бежал из Киева в лодке, бросив дружину и даже тайную дипломатическую переписку. У В. Н. Татищева сохранилось такое описание Юрия Долгорукого, содержащееся, очевидно, во враждебных ему киевских источниках: «Сей великий князь был роста не малого, толстый, лицом белый; глаза невелики, великий нос долгий и накривленный; брада малая.

Великий любитель жен, сладких пиць и пития. Более о веселиях, нежели о расправе и воинстве, прилежал, но все оное стояло во власти и смотреии вельмож его и любимцев...». Умер Юрий в Киеве в 1157 г.

Настоящим хозяином Северо-Восточной Руси, крутым, властолюбивым, энергичным, стал сын Долгорукого — Андрей Юрьевич Боголюбский (1157—1174 гг.).

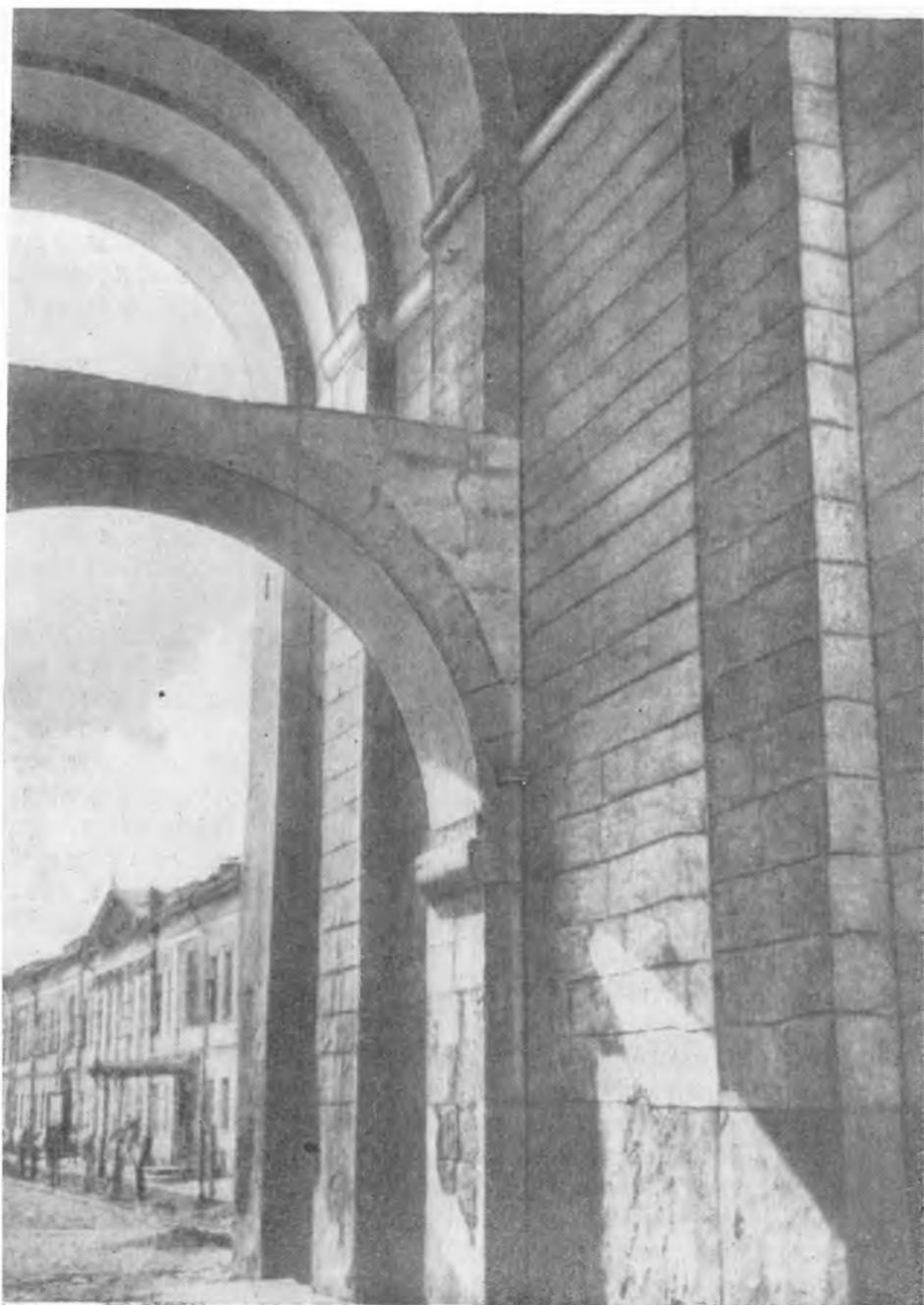
Еще при жизни отца, когда Юрий прочно княжил в Киеве, Андрей, нарушая отцовские распоряжения, ушел в 1155 г. в Суздальскую землю, очевидно, приглашенный местным боярством. После смерти Юрия Долгорукого произошло избрание Андрея князем. «Ростовцы и суздальцы, сдумавши вси, пояша Андрея». Ростов и Суздаль, древние боярские центры, влиявшие на весь ход событий, желали наравне со всеми другими землями обзавестись своим князем, своей династической ветвью, чтобы прекратить перемещения князей, не связанных с интересами данной земли. Андрей, с юности прославивший себя рыцарскими подвигами на юге, казался подходящим кандидатом. А сам он, вероятно, с радостью поменял неустойчивое счастье воина-васса-

ла, получавшего за службу то один город, то другой, на прочное обладание огромной страной, уже приведенной в порядок при его отце и деде.

Однако новый князь сразу решительно поставил себя не рядом с боярством, а над ним. Своей столицей он сделал сравнительно новый город Владимир, а резиденцией — великолепный белокаменный замок в Боголюбове, близ Владимира, построенный его мастерами. Первым актом князя было изгнание младших братьев (они со временем могли превратиться в его соперников) и старой дружины его отца, которая всегда в таких положениях вмешивалась в управление: «Се же створи, хотя самовластец быти всей Суздальской земли». С этого времени Андрею приходилось остерегаться бояр; по некоторым сведениям, он даже запретил им принимать участие в княжеских охотах — ведь известны случаи, когда князья не возвращались с охоты... В борьбе за власть Андрей стремился опереться и на церковь, используя епископскую кафедру. Он хотел видеть ростовским епископом Федора, поддерживавшего во всем князя, но киевские и цареградские церковные власти выступили против него, и в 1168 г. «Федорец, живой владыка» был казнен как еретик.

В области внешней политики Андрей продолжал действовать в тех же направлениях, которые наметились еще Долгоруким. Новгород успешно отразил «суздальцев», а Киев войскам Андрея удалось взять и разграбить в 1169 г. Следует повторить, что этот грабеж, красочно описанный современником-киевлянином, не привел ни к экономическому, ни к политическому упадку бывшей столицы. Когда победитель Киева Андрей, «исполнив-ся высокоумия, разгордевся велми», попытался распоряжаться южнорусскими князьями в 1174 г., то его послу мечнику Михну остригли голову и бороду и в таком обезображенном виде отослали обратно. После того, как Андрей Боголюбский увидел стриженного боярина и услышал от него твердый отказ князей в повиновении, то «бысть образ лица его попустнел» и он «погуби смысл свой невоздержанием, располевся гневом».

Предпринятый карательный вторичный поход на Киев собрал неслыханное количество князей и войск, но завершился бесплодной двухмесячной осадой Вышгорода: «И тако возвратишася вся сила Андрея, князя

Золотые ворота Владимира. XII в.

Суздальского... пришли бо бяжу высокомысляще, а смиренные отъидоша в дома своя...».

Слишком широкие военные замыслы князя Андрея, не вызываемые ни потребностями обороны, ни интересами боярства, должны были обострять взаимоотношения внутри княжества. По всей вероятности, конфликты с боярством вызывались и внутренней политикой Андрея Боголюбского, пытавшегося прибрать боярство к рукам. Именно здесь, в Северо-Восточной Руси, писатель Даниил Заточник давал совет боярину ставить свой двор и села подальше от княжеской резиденции, чтобы князь его не разорил.

Легенды о начале Москвы, рассказывающие о том, что князь отнял этот замок у боярина Степана Ивановича Кучки, ведут к Андрею. Хотя в летописи постройка княжеской крепости в 1156 г. связана с именем Юрия, но известно, что в этом году Юрий сидел в Киеве, мирился с половцами на Зарубинском броду, встречал митрополита из Царьграда и подготавливал поход на Волынь.

Князь, построивший крепость на месте Кучкова двора, — это, очевидно, Андрей Боголюбский. Боярство не могло спокойно смотреть на окняжение своих замков.

В 1173 г. Андрей задумал новый поход на Волжскую Болгарию; в походе, кроме основных владимирских сил, участвовали муромские и рязанские войска. В «Городце» на Волге в устье Оки (Нижний Новгород, современный город Горький) был назначен сбор всем дружинам. Две недели князя безуспешно ожидали своих бояр: путь им был «не люб», и они, не высказывая прямого неповиновения, нашли хитроумный способ уклониться от нежелательного похода — они «идучи не идяху...»

Все эти события свидетельствовали о крайней напряженности взаимоотношений между «самовластцем» — князем — и боярством, напряженности, доходившей до такой же степени, до какой дошли в это время княжеско-боярские конфликты на противоположном краю Руси, в Галиче. В том же 1173 г. галицкие бояре сожгли на костре княжескую любовницу, мать наследника престола, а суздальские бояре сами освободили себя от военной службы Андрею, придумав способ идучи не идти.

Андрей Юрьевич Боголюбский.
Реконструкция М. М. Герасимова

1174 год, год безуспешного и бесславного похода на Киевщину, ускорил трагическую развязку. Группа бояр, руководимых Кучковичами, составила в том же году заговор против Андрея. Двадцать заговорщиков, в числе которых были Яким Кучкович, Петр, Кучков зять, ключник Анбал, пировали у Петра в Боголюбове по соседству с княжеским дворцом. Собирище не должно было вызвать особых подозрений, так как происходило 29 июня в именины боярина Петра. Яким Кучкович,

получивший известие о том, что князь задумал казнить его брата, выступил с речью: «День — того казнил, а нас — завтра; а промыслимы о князе сем!» Ночью вооруженные заговорщики, напившись в медуше вина, поднялись в княжескую спальню и выломали двери. Андрей хотел взять меч, висевший в спальне, но оказалось, что заговорщики предусмотрительно убрали его; князь, физически очень сильный, долго в темноте боролся с толпой пьяных бояр, вооруженных мечами и копьями. Наконец, убийцы ушли, а князь, которого считали мертвым, спустился вниз. Услышав его стоны, бояре зажгли свечи, нашли Андрея и прикончили его. Та часть дворца, где разыгралась эта кровавая трагедия, сохранилась до сих пор в Боголюбове.

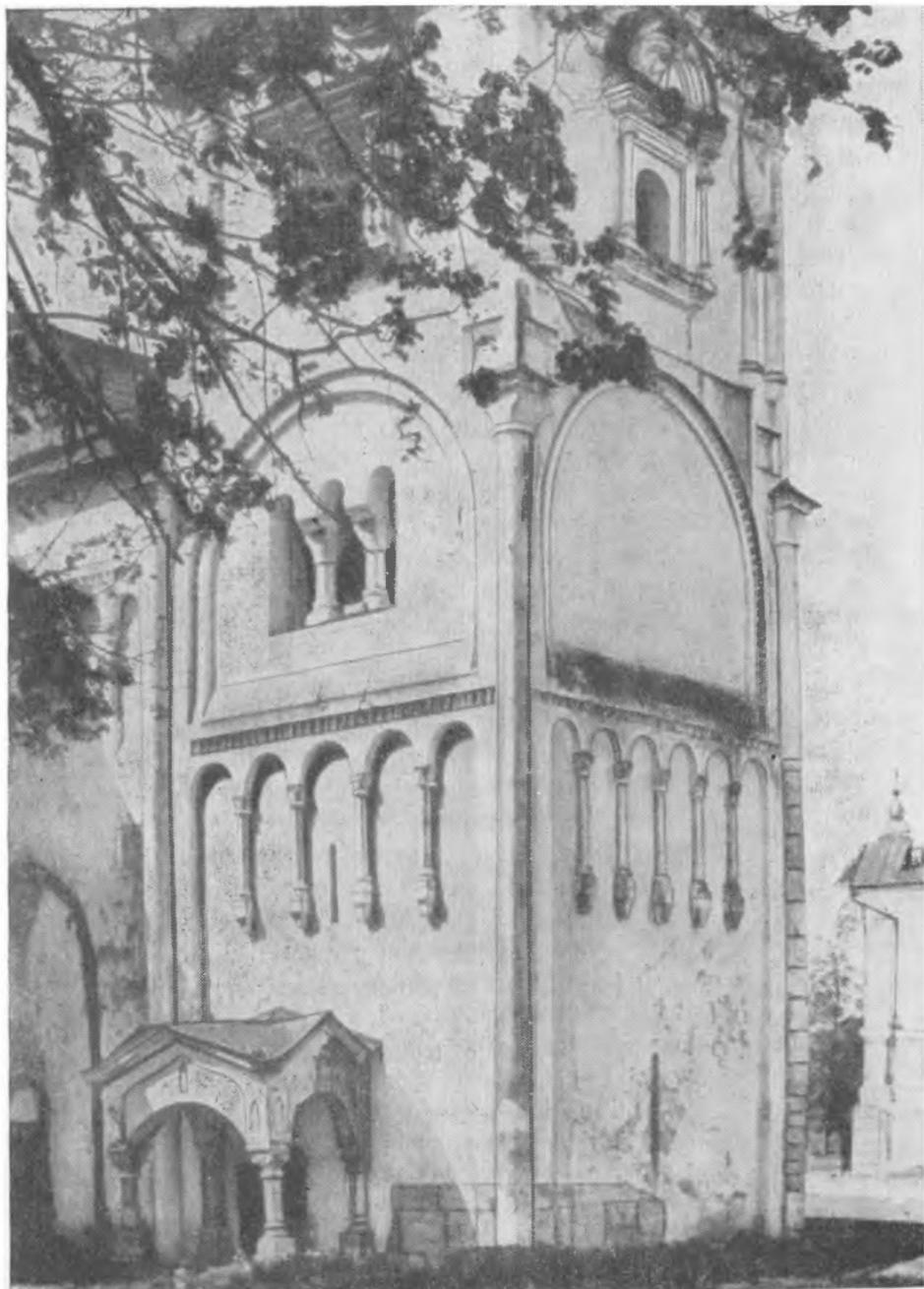
Антропологическое исследование скелета Андрея Боголюбского подтвердило слова летописи о физической силе князя и ранах, нанесенных ему. По черепу из гробницы Андрея антрополог М. М. Герасимов восстановил внешний облик этого незаурядного правителя, бывшего и полководцем, и писателем, и заказчиком превосходных архитектурных сооружений. Сведения Татищева так обрисовывают Андрея Боголюбского: во-первых, он, подобно Соломону, создал великолепный храм (Успенский собор во Владимире); во-вторых, «град же Владимир разшири и умножи всяких в нем жителей яко купцов, хитрых рукодельников и ремесленников разных населил. В воинстве был храбр и мало кто из князей подобен ему находился, но мир, паче нежели войну, и правду паче великого приобретения любил.

Ростом был невелик, но широк и силен вельми. Власы черные, кудрявы; лоб высокий, очи великие и светлые. Жил 63 года».

На следующий день после убийства князя горожане Боголюбова, мастера дворцовых мастерских и даже крестьяне окрестных сел подняли восстание против княжеской администрации: дома посадников и тиунов были разграблены, а сами княжеские управители, включая «детских» и мечников, были убиты. Восстание охватило и Владимир.

В чем были плюсы и минусы княжения Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского?

Несомненно положительным было широкое строительство городов, которые являлись не только крепостя-

Дворцовая башня в Боголюбове, где был убит Андрей Боголюбский

ми, но и средоточием ремесла и торговли, важными экономическими и культурными центрами феодального государства. Князь, временно сидевший на уделе, готовый в любой момент скакать в другие земли, не мог заниматься строительством городов. Юрий же и Андрей (продолжая политику Мономаха) связали свои основные интересы с Ростово-Суздальской землей, и это было объективно положительным. В новые города и новоосвоенные земли начался, как говорят некоторые источники, приток колонистов, и боярство одобряло такую политику Юрия в 1140-е годы, в период относительной гармонии княжеских и боярских интересов.

Строительство городов, с одной стороны, было результатом развития производительных сил, а с другой — могучим фактором дальнейшего роста их, получившего новую, расширенную базу.

Рост производительных сил не замедлил сказаться и на развитии культуры. Сохранившиеся до наших дней постройки эпохи Андрея Боголюбского свидетельствуют о глубоком понимании русскими архитекторами задач своего искусства. Тонкий и глубокий математический анализ пропорций, умение предусмотреть оптические искажения будущего здания, продуманная тщательность деталей, подчеркивающих гармоничность целого, — эти качества зодчих Андрея Боголюбского являются результатом общего высокого развития культуры. Церковь Покрова на Нерли, комплекс Боголюбского замка, воскрешенные советским исследователем Н. Н. Ворониным, Золотые ворота Владимира — все это немеркнущие произведения искусства, позволившие летописцу сравнивать Андрея с библейским царем Соломоном, а нам позволяющие постигать изумительную красоту русского зодчества накануне создания «Слова о полку Игореве». При дворе Андрея Боголюбского развивалась и литературная деятельность; Андрей сам был писателем. Сохранились отрывки летописания княжения Андрея.

Положительной следует считать в деятельности Юрия и Андрея и ту централизацию власти, которая шла за счет ущемления интересов князей-родичей и бояр. В обычное, мирное время это могло, по всей вероятности, оставаться в разумных пределах, когда

власть великого князя сдерживала центробежные силы и направляла их по какому-то единому руслу.

Минусами «самовластия» в рамках княжества-королевства были, во-первых, конфликты, рождавшиеся из роста княжеского домена за счет боярских вотчин, и, во-вторых, дробление княжества на уделы, выделяемые сыновьям князя. Раздробление между наследниками приводило к расчленению такого веками сложившегося организма, как «земля» или «княжение» XII в., восходящего к древним племенным союзам VI—VIII вв. Разрушать то, чего смогло достигнуть еще родоплеменное общество, было крайне нерационально. Впрочем, к Андрею этот упрек неприменим — он не делил своего княжества между детьми; двое его сыновей умерли еще при нем, а единственный сын, переживший отца, — Георгий Андреевич, ставший впоследствии царем Грузии, не принимался в расчет при династических переделах Владимирского (по старой боярской терминологии Ростово-Суздальского) княжества. Опасность такого дробления сказалась позднее, когда «Большое Гнездо» князя Всеволода захотело распространиться по всем городам Северо-Восточной Руси.

Отрицательной стороной деятельности Андрея Боголюбского были, конечно, его устремления к Киеву, к «Русской земле», т. е. к лесостепной части Приднепровья. Эти устремления никак не были связаны с повседневными интересами суздальского боярства; это были личные честолюбивые замыслы Андрея, внука Мономахова.

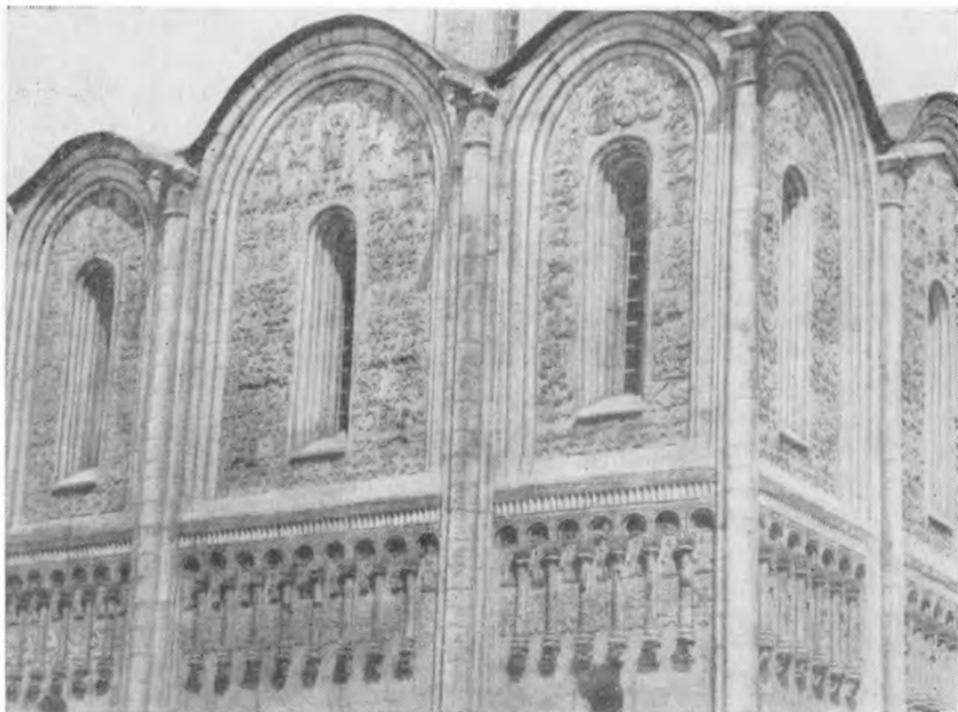
Экономика южнорусского боярства и князей за 200 лет борьбы с печенегам и половцами приспособилась к нуждам постоянной обороны, постоянной готовности к сидению в осаде и походам. С этим, возможно, было связано широкое развитие закупничества (при содержании закупов внутри укрепленных боярских дворов) и возрастание холопского труда к XII в., позволявшего быстро создавать необходимые в таких условиях запасы продовольствия и организовывать своеобразные «крестьянские города» — прообраз военных поселений вроде пограничного Изяслава на Горыни. Главная тяжесть постоянной военной службы на юге была к этому времени переложена на многотысячный заслон берендейской конницы в Поросье.

Ничего этого не было во Владимирской земле, прочно отгороженной Брынскими, Московскими и Мещерскими лесами от Половецкой степи. Каждый поход вызывал резкое нарушение феодальной экономики, не говоря уже о крайней разорительности его для народа. За пять лет, предшествующих заговору Кучковичей, Андрей Боголюбский снарядил пять далеких походов: на Новгород, на Северную Двину, на болгар и два похода на Киев. По самым скромным подсчетам, войска должны были пройти за это время под знаменами Андрея около 8000 км (по лесам, болотам и водоразделам), т. е. потратить не менее года только на одно передвижение к цели, не считая длительных осад и маневров. Добавим, что три похода закончились неудачно. Неудивительно, что это княжение завершилось вооруженным выступлением боярской верхушки и не зависевшим от него проявлением народного гнева в отношении всех ступеней княжеской администрации.

Восстание в 1174 г. в Боголюбове и Владимире напоминает киевское восстание 1113 г., также возникшее после смерти князя, перенапрягшего тетиву народного терпения.

После смерти Андрея Ростов и Суздаль, средоточие старого местного боярства, применили изобретенную киевским боярством систему княжеского дуумвирата: ими были приглашены два племянника Андрея, второстепенные князья, не опасные для местной знати.

Однако здесь на сцену выступил новый город, выросший при Андрее в крупный ремесленно-торговый центр, — город Владимир. Владимирцы приняли Михаила Юрьевича, брата Андрея. Началась война между Ростовом и Владимиром; ростовцы, возмущенные возвышением Владимира, грозились: «Сожжем его! Или снова пошлем туда нашего посадника — ведь это же наши холопы, каменщики!» В этой фразе сквозит пренебрежение аристократов к демократическим слоям города, к ремесленникам, каменщикам, тем «делателям», которые незадолго перед этим решительно управлялись с мечниками и детскими, а теперь захотели иметь своего князя, неудобного Ростову и Суздалью. Временно победил Ростов — Михаил ушел из Владимира, а там стали княжить боярские избранники, «слушная бояря, а бояре учухуть я на многое именье». Их

Дмитровский собор во Владимире

«детыцкие» «много тяготу людем сим створиша продажами и вирами».

Кончилось тем, что горожане Владимира, «новые меньшие люди», снова пригласили Михаила и решили твердо стоять за него. Михалко разбил войска племянников и стал князем владимирским. С ним находился его брат Всеволод Юрьевич. Победа горожан Владимира имела большие последствия — произошел социальный раскол и в старом Суздале. Горожане Суздаля тоже пригласили к себе Михалка, сказав, что они, простые суздальцы, с ним не воевали, что его врагов поддерживали только бояре, «а на нас лиха сердца не держи, но поеди к нам!» (1176 г.).

В эти годы часто упоминается Москва (Московь, Кучково) как город, стоящий на пересечении границы Владимирской земли с наезженным путем из Чернигова во Владимир.

В 1177 г. Михаил Юрьевич, давно уже болевший, умер. Ростовское боярство снова начало борьбу за политическую гегемонию, поддерживая своего прежнего кандидата Мстислава Ростиславича Безокого против Всеволода Юрьевича, выдвигаемого такими городами, как Владимир, Переяславль Залесский и Суздаль. Самонадеянное ростовское боярство властно вмешивалось в дела князя: когда Мстислав собирался было примириться с дядей, то бояре заявили: «Если ты и дашь ему мир, то мы ему не дадим!» Дело разрешилось битвой у Юрьева 27 июня 1177 г., принесшей победу Всеволоду. Бояре были схвачены и связаны; их села и стада взяты победителями. Вслед за тем Всеволод разгромил Рязань, где укрылись его враги. Рязанский князь Глеб (из Ольговичей) и Мстислав Безокий с братом Ярополком были пленены.

Горожане Владимира, бояре и купцы, были сторонниками решительной расправы; они приходили на княжий двор «многое множество с оружием» и настоятельно требовали казни. Несмотря на заступничество Святослава Черниговского, друга Всеволода, пленных соратников ослепили, а Глеб умер в заточении.

Так началось княжение «великого Всеволода», который мог Волгу веслами расплескать и шлемами вычерпать Дон. Силу новому князю придавал его союз с городами, широкими слоями городского населения.

Кроме того, к этому времени появляется еще одна сила, являвшаяся опорой княжеской власти, — дворянство, т. е. служилый, военный слой, зависевший лично от князя, получающий за службу или землю во временное владение, или денежно-натуральную плату, или право сбора каких-то княжеских доходов, часть которых предназначалась самим сборщикам. Единого термина еще не было, но в эту категорию младших членов дружины и княжеских министерялов следует включить «детских», «отроков», «гридей», «пасынков», «милостников», «мечников», «вирников», «биричей», «тиунов» и др. Одни из них были почти холопами, другие дослуживались до положения бояр; эта прослойка была многочисленной и разнообразной. В судьбах этих людей многое зависело от их личных качеств, от случая, от щедрости или скупости князя. Они знали княжескую жизнь, несли дворцовую службу, воевали, судили, ска-

Успенский собор во Владимире

кали гонцами в чужие земли, сопровождали посольства, объезжали далекие погосты, закалывали из-за угла княжеских соперников, заковывали в цепи, присутствовали на поединках, организовывали псовую или соколиную охоту, вели учет княжеского хозяйства, может быть, даже писали летописи. В мирное время им всем находилось дело в обширном княжестве, где государственное переплеталось с лично княжеским, домениальным, а во время войны они уже могли составить основное ядро княжеской рати, легкую конницу «молоди», нередко решавшую исход сражения.

С одним из таких людей, взирающих на князя, как на единственного покровителя, мы знакомимся по его собственной челобитной, написанной затейливым языком, но с большим мастерством и эрудицией. Это — Даниил Заточник, написавший письмо-прошение перемыславскому князю Ярославу Всеволодичу в конце XII в. Он происходит из холопов, но он блестяще образован, начитан и, по его собственным словам, не столько

храбр на рати, сколько умен, «крепок в замыслах». Он проклинает богатых бояр и просит князя принять его к себе на службу: «Княже мой, господине! Яко же дуб крепится множеством корения, тако и град наш твоею державою. Кораблю глава — кормник, а ты, княже, людем своим...

Весна украшает землю цветы, а ты нас, княже, украшаеши милостию своею... Лучше бы ми вода пити в дому твоём, нежели мед пити в боярском дворе...» Умный, но бедный, образованный, но безродный, молодой, но непригодный к военной службе, которая сразу открыла бы перед ним широкую дорогу, он хочет найти свое место в жизни поблизости от князя. Он не собирается разбогатеть женитьбой на богатой невесте, не хочет он и в монастырь идти, не надеется он на помощь друзей; все его мысли направлены к князю, который не копит сокровища, а раздает свою «милость» не только домоладцам, но и «от иных стран притекающих к нему».

Даниил Заточник является выразителем интересов того возраставшего на протяжении XII в. слоя служилых людей, которые в большинстве своем шли, конечно, в войско, в «молодшую дружину» князя, но в виде исключения просились и на службу, требующую прежде всего «мудрости». Антибоярские настроения этих людей позволяли княжеской власти опираться на них в своей борьбе с гордым и независимым боярством.

При Всеволоде Большое Гнездо Владимирское княжество усилилось, разрослось, внутренне укрепилось, благодаря поддержке городов и дворянства, и стало одним из крупных феодальных государств в Европе, широко известным и за пределами Руси. Всеволод мог влиять на политику Новгорода, получил богатый удел на Киевщине, вмешивался иногда в южнорусские дела, но без тех грандиозных затрат, которые приходилось делать его брату Андрею. Всеволод почти полновластно распоряжался рязанскими княжествами; там княжили шесть братьев Глебовичей, постоянно враждовавших друг с другом. В «Слове о полку Игореве» сказано о Всеволоде, что он может бросать «удалых сынов Глебовых», как зажигательные снаряды с греческим огнем. Здесь имелся в виду победоносный поход 1183 г. на Волжскую Болгарию, в котором, по приказу Всеволода, участвовали четверо Глебовичей. В 1185 г. они вышли

из повиновения, но об этом автор «Слова» еще не знал, когда писал эту часть своей поэмы. Владимирское княжество было связано и с Переяславско-Русским княжеством; Всеволод здесь сажал на княжение своих сыновей.

Всеволод умер в 1212 г. В последний год его жизни возник конфликт по поводу престолонаследия: великий князь хотел оставить княжество по-прежнему под главенством города Владимира, новой столицы, а его старший сын Константин, ученый книжник и друг ростовских бояр, хотел вернуться к старым временам первенства Ростова.

Тогда Всеволод созвал нечто вроде земского собора: «Князь великий Всеволод созва всех бояр своих с городов и с волостей и епископа Иоана, и игумены, и попы, и купцы, и дворяны, и вси люди». Этот съезд представителей присягнул второму сыну, Юрию. Однако вокняжиться после смерти отца ему удалось только в 1218 г. Юрий Всеволодич погиб в 1238 г. в битве с татарами на р. Сити.

К сожалению, Владимиро-Суздальская Русь в начале XIII в. раздробилась на несколько уделов между многочисленными сыновьями Всеволода Большое Гнездо.

Владими́ро-Сузда́льское княжество, ядро будущего Московского государства XV в., — яркая страница русской истории, вполне оправдывающая те торжественные строки, которые посвящены ему в «Слове о полку Игореве».

Многогранная культура Северо-Восточной Руси вполне созвучна этой замечательной поэме; белокаменное зодчество, проникнутая своеобразной средневековой философией скульптура, летописи, полемическая литература, живопись и «узорочье» золотых и серебряных дел мастеров, народные былины о местных и общерусских богатырях, красочность народного искусства — все это оправдывает поэтические слова безымянного автора из Владимирской земли, сказавшего перед лицом татарского нашествия:

О, светло-светлая
И украсно украшенная
Земля Русская!
Всего еси исполнена ты
И многими красотами удивлена еси!

О Г Л А В Л Е Н И Е

Начало Руси	
«Откуда есть пошла Русская земля?»	7
Первые свидетельства о государстве Руси	16
Русь на подъеме	
Князь Игорь Старый и древляне	35
Святослав и его походы	42
Былинное время Руси	47
Христианство и язычество	52
Усобицы князей и народные восстания	
Усобицы 1015—1026 гг. Ярослав Мудрый	71
Феодалный замок XI—XII вв.	83
Восстание в Киеве 1068 г.	95
Киевская Русь на грани двух веков и двух эпох	
Князья «Гориславичи» и киевское восстание 1113 г.	107
Владимир Мономах	121
Обособление самостоятельных земель	
Княжества-королевства XII в.	147
Новгород Великий — боярская республика	157
Русь в эпоху «Слова о полку Игореве»	
«Златое слово»	179
Киевское княжество в XII — начале XIII в.	185
Черниговское и Северское княжества	195
Полоцкое княжество	201
Смоленское княжество	205
Галицко-Волынские княжества	210
Владимиро-Суздальское княжество	222

Борис Александрович Рыбаков

Первые века русской истории

*Утверждено к печати редколлегией научно-популярной литературы
Академии наук СССР*

Редактор издательства А. А. Иглицкий.

Художники А. Д. Смеляков и С. П. Чахирьян

Технический редактор С. Г. Тихомирова

Сдано в набор 9/XII 1963 г. Подписано в печать 17/III 1964 г.

Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 7,5 Усл. печ. л. 12,3 Уч.-изд. л. 11,7

Тираж 25000 экз. Т-02479 Изд. № 2317 Тип. зак. № 3037 Темплан 1964 г. № 12

Цена 35 коп.

Издательство «Наука», Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука», Москва Г-99, Шубинский пер., 10

Издательство «Наука»